НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКИСТАНА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И
ЭТНОГРАФИИ ИМ. А. ДОНИША

На правах рукописи

ОДИНАЕВ АБДУМАВЛОН НАЗИРОВИЧ

«ДНЕВНИК ИСКАНДЕРКУЛЬСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ» АБДУРРАХМАНА МУСТАДЖИРА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВЕРХОВЬЕВ ЗЕРАВШАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Специальность – *5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования*

Д И С С Е Р Т А Ц И Я

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент НАНТ **Х. Пирумшоев**

Душанбе – 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

ГЛАВА I. ИСКАНДЕРКУЛЬСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ В «ДНЕВНИКЕ ИСКАНДЕРКУЛЬСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ» АБДУРРАХМАНА МУСТАДЖИРА

1.1. Биографические сведения об Абдуррахмане Мустаджире и характеристика его рукописи 25

1.2. Искандеркульская экспедиция 1870 года и отражение её хода в «Дневнике Искандеркульской экспедиции» Абдуррахмана Мустаджира 42

ГЛАВА II. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ВЕРХОВЬЕВ ЗЕРАВШАНА В «ДНЕВНИКЕ»

2.1. Сведения о географических и природно-климатических особенностях региона в «Дневнике Искандеркульской экспедиции» 69

2.2. Отражение социально-экономических реалий жизни населения верховьев Зеравшана 97

ГЛАВА III. МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ВЕРХОВЬЕВ ЗЕРАВШАНА ПО МАТЕРИАЛАМ «ДНЕВНИКА»

3.1. Традиционный уклад и народные обычаи верховьев Зеравшана в описаниях Абдуррахмана Мустаджира 126

3.2. «Приложение» к «Дневнику Искандеркульской экспедиции» как источник по народным обычаям, эпиграфике, фольклору и устной традиции верховьев Зеравшана 168

Заключение 185

Перечень сокращений и условных обозначений 190

Список использованных источников и литературы 191

ВВЕДЕНИЕ

Во второй половине XIX века, в период активного продвижения Российской империи вглубь Средней Азии, характер экспедиций постепенно изменялся: они переставали быть исключительно военными или административными предприятиями и приобретали исследовательский, научно-познавательный характер. Эти экспедиции становились своеобразными каналами освоения малоизученных территорий горных оазисов и высокогорных долин, открывая новые возможности для комплексного изучения региона.

Особое место среди них занимает Искандеркульская экспедиция 1870 года под руководством начальника Зеравшанского округа генерал-майора А. К. Абрамова. Её деятельность ознаменовала начало систематического изучения верховьев Зеравшана и стала важным этапом в становлении научного знания о данном регионе. До этого времени территория оставалась практически вне поля регулярных географических, этнографических и источниковедческих исследований, что придаёт материалам экспедиции особую научную значимость.

Современный интерес к проблематике трансграничных взаимодействий, исторической памяти и охраны культурного наследия придаёт дополнительную актуальность материалам Искандеркульской экспедиции. В центре настоящего исследования находится рукописный источник под заглавием: «Дневник, ведённый во время Искандеркульской экспедиции на самаркандском таджикском наречии с 25 апреля по 27 июня 1870 г.», составленный мирзой муллой Абдуррахманом ибн Мухаммадом Латифом Мустаджиром.

Рукопись хранится в Институте восточных рукописей Российской академии наук и до настоящего времени не подвергалась систематическому источниковедческому анализу. Это обстоятельство обусловливает её научную новизну и позволяет рассматривать представленное исследование как вклад в расширение корпуса первоисточников по истории освоения верховьев Зеравшана и культурного взаимодействия народов региона.

Актуальность темы диссертационного исследования определяется совокупностью следующих факторов:

Во-первых, «Дневник Искандеркульской экспедиции» Абдуррахмана Мустаджира представляет собой ценный источник по социальной и хозяйственной истории бекствах Верхнего Зеравшана (Фальгар, Масчо, Фон, Ягноб и др.). Его материалы позволяют не только реконструировать ландшафтную специфику, систему расселения и формы традиционного хозяйствования, но и выявить внутренние представления местного населения о социокультурном порядке, повседневных нормах и характере межобщинных связей.

Во-вторых, хотя отдельные стороны данного рукописного источника уже привлекали внимание исследователей, он до настоящего времени не рассматривался как целостное свидетельство повседневной жизни горных сообществ в условиях социокультурных преобразований. Особое значение источнику придаёт личность его автора, не переписчика и не стороннего наблюдателя, а образованного представителя местной среды, непосредственно вовлечённого в контекст экспедиционного взаимодействия. Его записи фиксируют не только последовательность событий, но и особенности их восприятия, что существенно отличает данный материал от административной документации. Именно эта внутренняя перспектива позволяет более тонко и контекстуально обоснованно осмыслить механизмы колониального проникновения с учётом того, как они воспринимались, переживались и интерпретировались самими участниками локальной истории.

В-третьих, «Дневник» обладает междисциплинарной ценностью, выходящей за рамки собственно исторических исследований. Он представляет интерес для изучения лингвистики, географии, этнографии и антропологии, поскольку содержит сведения о специфике таджикского языка с включением локальных диалектных элементов, описания обрядов, ремёсел, устного народного творчества и фольклора. Комплексное отражение этих аспектов

делает источник важным материалом для реконструкции культурной среды и повседневной жизни данного региона.

В-четвёртых, анализ содержания «Дневника» позволяет выявить, каким образом научные и этнографические наблюдения участников экспедиции трансформировались в действенный инструмент имперской административной практики. Собранные в ходе подобных путешествий сведения использовались не только в познавательных целях, но и становились основой для составления карт, описания налоговых механизмов и фиксации структуры местной социальной организации, тем самым способствуя институционализации власти в новых приграничных пространствах.

В-пятых, обращение к «Дневнику» способствует формированию более сбалансированного научного диалога между исследователями Средней Азии и Российской империи. Введение этого источника в научный оборот помогает осмыслить региональную специфику исторических процессов и поддерживает развитие компаративных исследований в постколониальном и локальном контекстах.

Степень научной разработанности темы. Изучение «Дневника Искандеркульской экспедиции» Абдуррахмана Мустаджира как исторического источника на протяжении более ста лет развивалось неравномерно и может быть условно разделено на три этапа: **дореволюционный, советский** и **постсоветский.** Каждый из этих периодов характеризуется собственными методологическими подходами, исследовательскими приоритетами и степенью вовлечённости научного сообщества в интерпретацию как самого текста, так и более широких историко-культурных процессов, с ним связанных.

Дореволюционный период (до 1917 года) ознаменовался первоначальным интересом к материалам, собранным в ходе Искандеркульской экспедиции 1870 года, в рамках которой был подготовлен «Дневник» А. Мустаджира. Основной акцент в дореволюционной науке делался на географических, этнографических и лингвистических аспектах, связанных с освоением горных районов Средней Азии. Особую роль в осмыслении ценности

собранных сведений сыграло «Предисловие» к «Дневнику», написанное востоковедом А. Л. Куном[1], где подчёркивалась значимость этнографических наблюдений, лингвистических записей и фиксации топонимики для изучения внутренней структуры таджикских горных сообществ. Уже тогда была отмечена уникальность «Дневника», написанного на таджикском языке самаркандского наречия, что придавало ему особую ценность в глазах востоковедов и лингвистов.

Важным событием стало выступление академика Г. К. Залемана, в котором он изложил краткие сведения о «Дневнике». Эти материалы были опубликованы в журнале «Mélanges asiatiques» («Азиатские заметки»)[2], где было представлено краткое сообщение об этой рукописи.

Советский период (1917-1990) характеризовался расширением источниковой базы исследований. В 1950-е годы в серии «Учёные записки Института востоковедения» были опубликованы обзоры восточных рукописей, включая таджикские и персидские. К данному источнику обращались в своих работах Д. И. Тихонов, В. И. Беляев и Н. П. Журавлёв[3].

Уже в 1955 году в публикации Н. Д. Миклухо-Маклая «Дневник Искандеркульской экспедиции» был охарактеризован как ценнейшая таджикоязычная рукопись, содержащая развернутые сведения о географии, быте, языке и культуре населения верховьев Зеравшана[4].

В исследованиях Х. Назарова «Дневник Искандеркульской экспедиции» рассматривается как важный исторический источник, содержащий ценные

---

[1] Кун А. Л. Предисловие к «Дневнику Искандеркульской экспедиции» [рукопись] // Архив Санкт-Петербургского института восточных рукописей Российской академии наук. – № D 133 (609g). – Л. 319а-322б.

[2] Salemann C. Das Asiatische Museum im Jahre 1890. Nebst Nachträgen. – Lu le 1/13 mai 1891// Mélanges asiatiques tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg, 1890-1892. – С. 278-279.

[3] Журавлев Н.П., Мугинов, А.М. Краткий обзор архивных материалов Института востоковедения // Ученые записки Института востоковедения. Т. VI. – М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1953. – С. 34-53; Тихонов Д.И. Восточные рукописи Института востоковедения Академии Наук СССР // Ученые записки Института востоковедения. Т. VI. – М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1953. – С. 3-33; Беляев В.И. Арабские рукописи в собрании Института востоковедения Академии Наук СССР // Ученые записки Института востоковедения. Т. VI. – М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1953. – С. 54-103.

[4] Миклухо-Маклай Н.Д. Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения. Вып. 1 / ответственные редакторы В.И. Беляев, Д.И. Тихонов. – М.–Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1955. – С. 100-102. Он же. Некоторые персидские и таджикские исторические, биографические и географические рукописи Института востоковедения Академии Наук СССР // Ученые записки Института востоковедения. Т. XVI. – М.–Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1958. – С. 235-279.

сведения о социально-экономических аспектах, повседневной жизни, системе местного управления, эпиграфических памятниках и элементах устной традиции населения верховьев Зеравшана[1].

В работах О. И. Смирновой этот источник рассматривается как один из ключевых по топонимике и используется для реконструкции географической номенклатуры верховьев Зеравшана[2].

Существенный вклад в изучение «Дневника Искандеркульской экспедиции» и фигуры его автора – А. Мустаджира, внесли советские учёные Б. В. Лунин, Х. Хасанов[3], И. Абдуллаев и Х. Хикматуллаев[4].

Б. Л. Лунин одним из первых обратил внимание на фигуру А. Мустаджира, охарактеризовав его как важного участника научных экспедиций и собирателя редких этнографических и эпиграфических материалов[5].

В свою очередь А. Л. Хромов первым обратился к «Дневнику Искандеркульской экспедиции» как к лингвистическому источнику, подчеркнув его ценность для изучения диалектов и культурной самобытности говоров Масчи и Фальгара [6].

Ю. Э. Брегель в статье «Расселение туркмен в Хивинском ханстве в XIX в.»[7] упоминает записки А. Мустаджира как ценный источник, основанный

---

[1] Назаров Х. Н. Очерк истории Кухистана во второй половине XIX и в начале XX веков: дисс… канд. истор. наук: 07.00.00. – Сталинабад, 1957. – 246 с. Он же. Историческое значение Искандеркульской экспедиции (Аҳамияти таърихии экспедитсияи Искандаркӯл) // Советский Таджикистан, 1958. – № 217 (8799). – С. 2-3.

[2] Смирнова О. И. Карта верховьев Зеравшана по мугским документам. – М.: Изд-во восточной литературы, 1960. – 18 с. – (XXV международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР); Она же: Карта верховьев Зеравшана первой четверти VIII века // Страны и народы Востока. География, этнография, история. Вып. II. – М.: Изд-во восточной литературы, 1961. – С. 220-230.

[3] Хасанов Х. Среднеазиатские географы и путешественники (на узбекском языке). – Ташкент: Узбекистан, 1964. – 251 с.

[4] Абдуллаев И., Хикматуллаев Х. Самарқандлик олимлар. Масъул муҳаррир тарих фан, канд. Б. Аҳмедов. – Ташкент: «Фан», 1969. – 104 с.

[5] Лунин Б. В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. – Ташкент: Фан, 1965. – 408 с.; Лунин Б. В. Историография общественных наук в Узбекистане: биобиблиографические очерки. – Ташкент, 1974. – С. 66-68.

[6] Хромов А. Л. Историко-лингвистическое исследование Ягноба и Верхнего Зеравшана: дис. … д-ра филол. наук: 10.00.00 / Таджикский гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Душанбе, 1969. – 786 с. (в двух томах). Он же. Говоры таджиков Матчинского района. – Душанбе: Акад. наук Таджик. ССР, 1962. – 214 с.; – (Труды / Акад. наук Таджик. ССР. Ин-т языка и литературы; Т. 107). Он же. О Дневнике Искандеркульской экспедиции 1870 г. // Известия Отд. Общественных наук АН Таджикской ССР. 1972. – № 2(68). – С. 72-76. Он же. Очерки по топонимии и микротопонимии Таджикистана / под ред. акад., проф. З. Ш. Раджабова; М-во нар. образования ТаджССР. Тадж. гос. ун-т им. Ленина. – Душанбе: Ирфон, 1975. – Вып. 1. – 85 с. Он же. Ягнобский язык. – Москва: Наука, 1972. – 208 с.

[7] Брегель Ю. Э. Расселение туркмен в Хивинском ханстве в XIX в. (По материалам архива хивинских ханов) //

на личных наблюдениях и расспросах. Он сопровождал востоковеда А. Л. Куна не только в Искандеркульской экспедиции, но и в Хивинском походе 1873 г., где делал записи на таджикском и узбекском языках в дафтарах архива Хивинского ханства. Эти материалы сохранились в личном архиве А. Л. Куна в ИВ РАН и существенно дополняют сведения о переселении туркмен.

Исследования академика А. М. Мухтарова по эпиграфике верховьев Зеравшана, в частности надписям Бабура и другим памятникам эпиграфики, способствовали привлечению внимания к материалам «Дневника».[1]

В обобщающем исследовании М. Н. Боголюбова[2] подчёркивается, что первые записи ягнобского языка были сделаны в 1870 году А. Л. Куном и А. Мустаджиром в ходе Искандеркульской экспедиции. Эти материалы, зафиксированные на таджикском языке и ягнобском говоре (согдийского происхождения), легли в основу последующих лингвистических исследований и рассматриваются как отправная точка научного изучения ягнобского (новосогдийского) языка.

Академик З. Ш. Раджабов в ряде работ[3] рассматривает «Дневник Искандеркульской экспедиции» Абдуррахмана Мустаджира как важный памятник таджикской общественно-политической мысли конца XIX века. Учёный подчёркивает культурное значение «Дневника», и обращает внимание

Страны и народы Востока: география, этнография, история / под ред. акад. В.В. Струве. Вып. I. – М.: Восточная литература, 1959. – С. 242-256.

[1] Мухтаров А. Надпись султана Захируддина Бабура (1483-1530) на камне в Матче // Изв. АН Тадж ССР. Отдние обществ. наук. – 1954. – № 5. – С. 109-115. Он же. Таджикские и другие надписи на скалах и камнях в верховьях Зеравшана и их научное значение // Материалы Первой всесоюзной научной конференции востоковедов в Ташкенте 4-11 июня 1957 г. – Ташкент, 1958. – С. 668-674. Он же. Надписи на скалах и камнях в верховьях Зеравшана // Труды АН ТаджССР. – 1960. – Т. CXX. – С. 147-167. Он же. Надписи с именем Бабура в верховьях Зеравшана. – М.: ИВЛ, 1960. – С. 1-10. Он же. Надписи на скалах и камнях в Верховьях Зеравшана // Труды Академии наук Таджикской ССР (Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии). – Т. CXX. – Сталинабад, 1960. – С. 147-167. Он же. Мазары разоблачают религию (на тадж. яз.). – Душанбе: нашр. дав. Тоҷикистон, 1964. – 50 с. Он же. Тайны прошлых времен (на таджикском языке) / под ред. Х. Файзиева. – Душанбе: Ирфон, 1974. – 142 с. Он же. Эпиграфические памятники Кухистана (XI-XIX вв.). Кн.1. – Душанбе: Дониш, 1978. – 306 с.; Эпиграфические памятники Кухистана (XI-XIX вв.). Кн. 2. – Душанбе: Дониш, 1979. – 123 с. Он же. Мира Масчох // Наука и жизнь. – 1992. – № 3-4. – С. 8-9. Он же. Санг ҳам диле дорад («У камня тоже есть сердце»). – Душанбе: Пайванд, 1999. – С. 10-12.

[2] Боголюбов М.Н. Ягнобский язык // Языки народов СССР. 1. Индоевропейские языки / ред. В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1966. – Т. 1. – С. 342-360. – 658 С.

[3] Раджабов З.Ш. Из истории обществен-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX и начала XX вв. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1957. – 459 с. Он же. Развитие общественной мысли таджикского народа во второй половине XIX в. и в начале XX в.: краткий очерк/ – Сталинабад: Мин-во просвещения ТаджССР, 1951. – 42 с. Он же. Россия и таджикская литература конца XIX-начала XX вв. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1959. – 55 с. Он же. Просветитель Ахмади Дониш (на тадж. яз.). – Душанбе: Ирфон, 1964. – 306 с.

на другую рукопись автора – «Записку о Московской выставке», в которой отражено восхищение достижениями русской науки и техники конца XIX века.

В диссертации В. И. Ибрагимова «Дневник» А. Мустаджира рассматривается как важный источник по истории верховьев Зеравшана в период присоединения их к Российской империи, с акцентом на социально-политические процессы и отношение местного населения к экспедиции[1]. Также заслуживает внимания издание кириллического варианта «Дневника», подготовленное к печати литературоведом А. Афсахзодом и М. Муллоахмадовым[2].

В статье Л. И. Чугуевского[3] акцентируется значение архивного наследия А. Л. Куна, куда входят и его дневниковые записи, сделанные во время Искандеркульской и Хивинской экспедиций. Особый интерес вызывает факт, что в 1890 году в Азиатский музей (ныне ИВ РАН) поступил богатый комплекс документов, включавший этнографические и лингвистические материалы: извлечения из таджикских и узбекских рукописей, заметки по истории и географии Бухары и Самарканда, а также сведения о наречиях Средней Азии. Среди этих источников особое место занимает «Дневник Искандеркульской экспедиции», рассматриваемый как часть уникального свода свидетельств по истории региона.

Постсоветский период (с 1991 г.) характеризуется возрастающим интересом к локальным нарративам, переосмыслением колониального наследия, внедрением междисциплинарных подходов и введением в научный оборот ранее неиспользованных источников, в том числе на таджикском языке. Возросшее внимание к региональной истории, эпиграфике, этнографии и письменному наследию коренного населения повлияло и на степень изученности «Дневника Искандеркульской экспедиции» А. Мустаджира.

---

[1] Ибрагимов В. И. Социально-экономическое и политическое положение в верховьях Зеравшана во второй половине XIX – начале XX веков: дисс… канд. истор. наук: 07.00.02. – Душанбе, 1973. – 198 с.

[2] Мустаджир А. Дневник Искандеркульской экспедиции / подготовка к печати, предисловие и комментарии А. Афсахзод, М. Муллоахмадов. – Душанбе: Ирфон, 1989. – 176 с.

[3] Чугуевский Л. И. Архив востоковедов (бывший Азиатский архив) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: XXIII Годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Материалы по истории отечественного востоковедения. Ч. III. – М.: Наука, Глав. ред. вост. лит-ры, 1990. – С. 5-105.

Наиболее значимым событием этого периода стала публикация О. М. Ястребовой, где впервые введён в научный оборот перевод из «Дневника», его «Приложения». Работа О. М. Ястребовой способствовала расширению источниковой базы для изучения горных сообществ Верхнего Зеравшана[1], а также развитию направлений, связанных с полевыми этнографическими описаниями, эпиграфическими регистрациями и народной памятью.

Следует отметить, что особое место в постсоветской историографии занимает исследование Н. К. Убайдуллоева, посвящённое вопросам развития народного образования в верховьях Зеравшана во второй половине XIX – начале XX вв.[2] Представляется важным подчеркнуть, что в данной работе, а также в ряде последующих публикаций автор впервые предпринял системное изучение состояния образовательной и духовной жизни населения Кухистана. Его исследование основано как на широком круге архивных материалов, так и на малоизвестных нарративных источниках, среди которых особое значение имеет «Дневник Искандеркульской экспедиции» А. Мустаджира.

Н. К. Убайдуллоев рассматривает «Дневник Искандеркульской экспедиции» не только как мемуарный или описательный текст, но и как полноценный источник по социальной истории региона. В особенности ценной является информация, касающаяся функционирования мактабов, медресе, мечетей и локальных форм религиозного просвещения. На основании анализа данных «Дневника» исследователь реконструирует географию распространения учебных заведений, специфику преподавательской практики и особенности учебного процесса в таких населённых пунктах, как Оббурдон, Урметан, Киштут, Масчо и др.

---

[1] Ястребова О. М. Документы XIX века из верховьев реки Зеравшан в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки // Восточный сборник. 2003. Вып. 6. – С. 77-123; Она же: Персидские и таджикские документы в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки: Сист. Кат. Рос. нац. б-ка. – СПб: Изд-во РНБ, 1999. – 207 с.; Она же: Yastrebova O., Azad A. Reflections on an Orientalist: Alexander Kuhn (1840–88), the Man and His Legacy // Iranian Studies. – 2015. – Т. 48. – № 5. – С. 675-694.

[2] Убайдуллоев Н.К. Народное образование в верховьях Зеравшана во второй половине XIX – начале XX вв. // Сборник научных трудов Налогово-правового института. – Вып. 1. – Душанбе, 1999. – С. 41-48.

Так, в труде Р. Х. Джумъаева[1] проводится этнологическое исследование историко-культурных реалий ягнобского региона, частично пересекающихся с маршрутом Искандеркульской экспедиции.

Схожий междисциплинарный подход реализован в диссертационном исследовании профессора Х. Ш. Камолова, посвящённом истории мазаров Северного Таджикистана. Автор использует широкий комплекс источников – от полевых этнографических описаний и устных преданий до архивных документов второй половины XIX века. Особое внимание Х. Ш. Камолов уделяет информации, зафиксированной в «Дневнике Искандеркульской экспедиции» Абдуррахмана Мустаджира. В своей работе он подчёркивает, что выборочные сведения о 73 мазарах и святых местах Фальгара[2], Масчи, Киштута, Магияна и Ягноба были зафиксированы именно в этом «Дневнике». Помимо святых мест, ассоциируемых с мужскими религиозными фигурами, А. Мустаджир фиксирует также ряд мазаров, связанных с памятью об образованных женщинах, почитаемых в регионе.

В числе таких объектов он называет мавзолеи Бибилайли, Бибизохиде, Бибиче, Ходжа Бибиавлиё, Бибифаранджипуш и Розиябону. Присутствие этих женских святынь в структуре сакрального пространства позволяет говорить о более сложной и многослойной картине религиозной культуры горных таджикских сообществ второй половины XIX века[3]. Упоминание женщин не как абстрактных персонажей, а как локально почитаемых фигур, закреплённых в топонимике и культовой практике, указывает на значимую, хотя и слабо зафиксированную в других источниках, роль женского начала в формировании духовного ландшафта региона.

---

[1] Ҷумъаев Р. Х. Яғнобмарз ва мардуми он пажӯҳиши таърихӣ-этнолоҷӣ. – Душанбе: Амри илм, 2000. – 160 с.; Яғнобмарз ва мардуми он. –Душанбе, «ЭР-граф», 2013. – 185 с.

[2] Камолов Х. Ш. История мазаров Северного Таджикистана: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. – Душанбе, 2002. – 160 с. Он же. История мазаров Северного Таджикистана. – Душанбе: Деваштич, 2005. – 208 с.

[3] Камолов Х. Ш. Значение экспедиции 1870 г. генерала А. К. Абрамова в изучении материальной и духовной культуры верховья Зеравшана и долины Фондарьи // Вклад российской науки … / материалы междунар. науч. конф. – Худжанд: Университет, 2019. – С. 168-179.

Особое внимание к «Дневнику» А. Мустаджира уделено в работах Н. И. Собирова[1], где подробно рассматривается развитие историографии изучения региона во второй половине XIX – начале XX вв. Исследования ряда авторов способствовали уточнению социокультурного контекста и реконструкции маршрута Искандеркульской экспедиции. В частности, в монографии Н. И. Собирова анализируются ключевые этапы научного освоения региона, а в статьях Н. Икрамова[2] и Ш. Юсуфи[3] рассматриваются особенности торговых отношениях в верховьях Зеравшана на основе материалов «Дневника Искандеркульской экспедиции».

Работы Д. Худоназарова[4] и М. Муллоахмедова[5], Ш. Вахидова[6], Х. Х. Олимова[7] иллюстрируют новый тренд обращения к пространствам культурной памяти (мазары, пещеры, архаические практики) в контексте региональной идентичности, что открывает новые перспективы для использования «Дневника» в культурологических и антропологических исследованиях.

Значение Искандеркульской экспедиции и «Дневника» А. Мустаджира как ценнейшего источника по истории духовной культуры горных таджикских сообществ получает особое освещение в публикации профессора

---

[1] Собиров Н. И. Изучение памятников истории и культуры верховьев Зеравшана второй половины XIX –первой половины XX вв. – Душанбе, «Ирфон», 2014. – 200 с.

[2] Икрамов Н. Искандаркульская военная экспедиция и начало изучения Верхнего Зеравшана // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. – 2010. – № 1(21). – С. 133-143. Он же. Роль русских востоковедов в изучении истории, археологии и этнографии северного Таджикистана (вторая половина XIX – начало XX вв.): дисс… канд. истор. наук: 07.00.02. – Душанбе, 2015. –180 с.

[3] Юсуфи Ш. Муносибатҳои тиҷоратии саргаҳи Зарафшон дар охири асри XIX - ибтидои асри XX (тибқи ахбори «Рӯзномаи сафари Искандаркӯл»-и А. Мустаджир) // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. – 2019. – № 9. – С. 102-110.

[4] Худоназаров Д. Экспедиция графа Бобринского на Зеравшан и загадки Макшеватской пещеры // Центральная Азия: традиция в условиях перемен. Вып. III. – СПб.: МАЭ РАН, 2012. – С. 351-391.

[5] Муллоахмедов М. Устойчивые грани гуманизма: научные изыскания по истории иранской культуры / Ин-т востоковедения РАН; АН Респ. Таджикистан; Культурное представительство Посольства ИРИ в Москве. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2014. – 242 с. Он же. Зерцало человечности: научные изыскания по иранистике / АН Респ. Таджикистан, Представительство Россотрудничества в Таджикистане, Общество дружбы и культурных связей с зарубежными странами. – Душанбе: Дониш, 2016. – 302 с.

[6] Вахидов Ш. Абдуррахман Мустаджир и его «Дневник Искандаркульской экспедиции» (1870). // Марказий Осиё тарихи: манбашунослик ва тарихшунослик изланишлари. (1-) Тўплам. – Тошкент, 2009. – С. 199-203.

[7] Олимова Х. Х. Дневник и путевые заметки в конце XIX века // Вестник Института языков (серия филологических, педагогических, исторических и философских наук). – 2019. – № 1 (33). – С. 53-59.

Х. Ш. Камолова[1]. В данной работе исследователь акцентирует внимание на выявлении и анализе религиозных представлений, локальных культов, а также на рассмотрении роли сакрального пространства в формировании и воспроизводстве традиционного мировоззрения.

В свою очередь, М. Ш. Холов в одном из своих исследований, опираясь в том числе на материалы «Дневника» А. Мустаджира, анализирует систему традиционных мер веса и площади, бытовавших в Кухистане в конце XIX – начале XX века[2], что позволяет реконструировать практики локального хозяйственного обихода и представления о пространстве в доиндустриальной горной среде.

Таким образом, несмотря на интерес со стороны исследователей, «Дневник Искандеркульской экспедиции» до сих пор не стал предметом целостного источниковедческого анализа. Имеющиеся публикации, как правило, касаются лишь отдельных сторон его содержания: географических описаний, этнографических наблюдений или языковых особенностей текста, оставляя в стороне его значение как связного и концептуально оформленного свидетельства о регионе, эпохе и способах познания. Настоящее диссертационное исследование ставит своей целью восполнить этот пробел, рассматривая «Дневник» не только как ценный источник по истории верховьев Зеравшана, но и как отражение практики полевых наблюдений, характерной для экспедиционной науки и административной разведки Российской империи во второй половине XIX века.

Целью исследования является анализ «Дневника» А. Мустаджира как исторического источника, содержащего сведения о политическом, социально-

---

[1] Камолов Х. Ш. Значение экспедиции 1870 г. генерала А. К. Абрамова в изучении материальной и духовной культуры верховья Зеравшана и долины Фондарьи // Вклад российской науки … / материалы междунар. науч. конф. – Худжанд: Университет, 2019; Он же. О наскальных надписях Бабура в селе Шамтич: новое прочтение // Современное состояние изучения истории, искусства и культуры в Таджикистане: сборник статей международного круглого стола, сентябрь 2019 г., Душанбе / под ред. Х. Эрена, А. Н. Мухаммада; подготовка к печати Л. Додхудоева, А. Муминов. – Стамбул: Центр исследований исламской истории, искусства и культуры (IRCICA), 2020. – С. 247-254.

[2] Холов М. Ш. Меры веса и площади таджиков Кухистана (верховья Зеравшана) в конце XIX – начале XX веков // Ученые записки Худжандского гос. ун-та им. акад. Б. Гафурова. Сер. гуманитарно-общественных наук. – 2023. – № 1(74). – С. 11-22.

экономическом, материальном и духовном положении верховьев Зеравшана во второй половине XIX века. Для достижения этой цели ставятся следующие **задачи:**

– изучить биографию А. Мустаджира и особенности его рукописи, выявить мотивы и методологические подходы автора при составлении «Дневника»;

– изучить географические и природно-климатические особенности долины Зеравшана, отражённые в «Дневнике», и определить их значимость для историко-географических исследований региона;

– исследовать социально-экономическое положение верховьев Зеравшана, отраженное в «Дневнике», включая аспекты торговли, земледелия, скотоводства и ремесел;

– оценить роль «Дневника» в анализе материальной и духовной культуры верховьев Зеравшана, а также его вклад в современные историографические и этнографические исследования;

– рассмотреть народные обычаи и обряды, описанные в «Дневнике», и их значение для понимания культурных традиций местных сообществ во второй половине XIX века;

– определить значение «Дневника» как исторического источника, оценить его достоверность и объективность в контексте других источников того времени;

– выявить научную значимость «Дневника Искандеркульской экспедиции» для изучения истории, географии, этнографии и источниковедения верховьев Зеравшана;

– выработать рекомендации по использованию материалов «Дневника» в современных исторических исследованиях и образовательных программах;

Объектом диссертационного исследования является историческая реальность бекств верховьев Зеравшана во второй половине XIX века, рассматриваемая в контексте продвижения Российской империи в Среднюю Азию и связанной с этим административной реорганизации и трансформации местных сообществ. Исследование сосредоточено на процессах социальной,

культурной и социально-экономической адаптации высокогорных обществ Фальгара, Масчи, Фона, Ягноба и соседних территорий к новым формам управления и системам знания.

Предметом исследования является рукопись «Дневник Искандеркульской экспедиции» как исторический источник, позволяющий реконструировать повседневную жизнь, природную среду, социально-родовую организацию, религиозную и обрядовую практику горных обществ.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в системном анализе «Дневника Искандеркульской экспедиции» А. Мустаджира как самостоятельного исторического источника, отражающего политическую, социально-экономическую, этнокультурную и духовную специфику верховьев Зеравшана во второй половине XIX века.

Основные положения новизны сводятся к следующему:

– введены в научный оборот сведения «Дневника», относящиеся к географии, этнографии, топонимике, а также к социальной и культурной жизни горных сообществ долины Зеравшана;

– детализирована биография Абдуррахмана Мустаджира на основе сведений, содержащихся в данном источнике;

– описаны существующие рукописи сочинения «Дневник»;

– проведён источниковедческий анализ содержания и структуры «Дневника», включая сравнительное изучение двух вариантов – чернового и чистового, особенностей языка, стиля и редакторских правок, а также влияние востоковедческой методологии, редактуры и комментариев А. Л. Куна;

– реконструирована историческая эволюция региона на основе дневниковых записей: уточнены маршруты, хронология событий, а также социокультурные процессы, происходившие в Матче, Фальгаре, Ягнобе, Киштуте и других бекствах верховьев Зеравшана;

– на основе сопоставительного анализа материалов «Дневника» с военно-административными отчётами других участников экспедиции, архивными документами и этнографическими публикациями выявлены ранее не

зафиксированные аспекты повседневной жизни, а также определена достоверность сведений сочинения А. Мустаджира;

– обобщены этнографические и топонимические сведения, представленные в рукописи, включая информацию о народных обычаях, образовательных учреждениях, мазарах и религиозных практиках, с потенциалом их дальнейшего применения в лингвистических, историко-картографических и антропологических исследованиях.

Методологические основы исследования. Методологическую базу диссертации составляют принципы историзма и объективности, предполагающие рассмотрение событий во взаимосвязи внутренних (социально-экономических) и внешних (колониальных) факторов. Применение сравнительно-исторического метода позволяет сопоставлять данные различных источников и выявлять причинно-следственные связи.

Изучение «Дневника Искандеркульской экспедиции» А. Мустаджира основывается на междисциплинарном подходе, включающем историко-географический и культурно-этнографический анализ. Основная цель исследования заключается в выявлении и анализе социально-экономических, культурных и географических особенностей верховьев Зеравшана во второй половине XIX в. Важной задачей является оценка достоверности и значимости сведений, зафиксированных в «Дневнике», а также их сопоставление с другими источниками того периода для реконструкции исторических событий и процессов в исследуемом регионе.

Для описания хода экспедиции и зафиксированных автором событий применяется хронологический метод, позволяющий установить их последовательность, выявить причины и последствия. Это обеспечивает более детальную реконструкцию социально-экономической и культурной жизни региона на основе дневниковых наблюдений.

Историко-описательный метод используется для сравнительной оценки данных «Дневника» с официальными отчётами и иными дневниковыми записями второй половины XIX века. Такое сопоставление даёт возможность

определить степень достоверности сведений и их научную значимость, а также восстановить более полную и объективную картину исторических процессов в верховьях Зеравшана.

Социокультурный анализ направлен на изучение этнографических описаний, обычаев и традиций местного населения, что позволяет глубже понять социальную структуру и культурные особенности общества.

Текстологический анализ даёт возможность выявить языковые и стилистические особенности «Дневника»: особенности таджикского языка, использованного автором, а также влияние комментариев и редакторских вставок А. Л. Куна на русском языке.

Таким образом, совокупность применённых методов обеспечивает комплексный и научно обоснованный подход к изучению «Дневника Искандеркульской экспедиции» А. Мустаджира как ценного источника по социальной и культурной истории горных сообществ Верхнего Зеравшана.

Источниковедческая база диссертации. Основу диссертационной работы составили два варианта рукописи – черновой и чистовой – «Дневника Искандеркульской экспедиции» А. Мустаджира[1]. Наряду с ними, для сравнительно-сопоставительного анализа, проверки достоверности сведений «Дневника» и их дополнения были привлечены и другие первоисточники, которые условно подразделяются на **три группы**.

Первая группа: оригинал рукописи «Дневника» из Отдела рукописей и документов (ОРД) Института восточных рукописей Российской академии наук, фотокопия «Дневника» из Центра письменного наследия при Национальной

[1] Мирза Мулла Абдуррахман, сын Мухаммада Латифа Мустаджира. Дневник Искандеркульской экспедиции: [рукопись] // Архив Санкт-Петербургского Института восточных рукописей Российской академии наук, Отдел рукописей и документов. – № D 133 (старый шифр 609g). – 1870. – 398 л.; – № D 134 (старый шифр 609h). – 1870. – 322 л.

академии наук Таджикистана[1], а также материалы из личного архива А. Л. Куна, хранящиеся в Архиве востоковедов ИВР РАН[2].

Также была использована версия, опубликованная в 1989 году профессорами А. Афсахзодом и М. Муллоахмадовым[3].

Вторая группа: материалы, возникшие в результате деятельности ученых, входивших в состав Искандеркульской экспедиции по всестороннему изучению различных аспектов жизни жителей верховьев Зеравшана. В эту группу входят статьи: барона П. А. Аминова[4]; военного инженера Е. Воронеца[5]; горного инженера Д. К. Мышенков[6], отвечавший за геологические изыскания; А. М. Скасси и Н. П. Старцева, проводившие военно-топографические работы; капитан Л. Н. Соболева[7], занимавшийся барометрическими и астрономическими

---

[1] Мирза Мулла Абдуррахман, сын Мухаммада Латифа Мустаджира. Дневник Искандеркульской экспедиции: [рукопись] // Архив Санкт-Петербургского Института восточных рукописей Российской академии наук, Отдел рукописей и документов. – № D 133 (старый шифр 609g). – 1870. – 398 л.; – № D 134 (старый шифр 609h). – 1870. – 322 л.; Записка о Московской выставке (روزنامۀ ویستفکۀ مسکاب) // Отдел рукописей и документов Архив Санкт-Петербургского Института восточных рукописей Российской академии наук. № B 806 (старый шифр 609k). – 1872 (?) – 75 л.

[2] Дневник мирзы Абдуррахмана, веденный во время путешествий по Бухаре и окрестностям, тадж. яз.; рукопись. ф. 33, оп. 4, ед. хр.: 217. – 30 л.; А.Л. Кун. Предисловие (сообщение о Искандеркульской экспедиции, мирзе Абдуррахмане, цели и ходе исследования); рукопись. ф. 33, оп. 4, ед. хр.: 218. – 4 л.; Дневник мирзы Абдуррахмана, веденный во время Искандеркульской экспедиции, тадж. яз.; рукопись. ф. 33, оп. 4, ед. хр.: 219. – 84 л.; Дневник мирзы Абдуррахмана, веденный во время Шахрисябской экспедиции; рукопись. ф. 33, оп. 4, ед. хр.: 220. – 27 л.; Дневник мирзы Абдуррахмана, веденный во время хивинского похода, узбек, яз.; рукопись. ф. 33, оп. 4, ед. хр.: 221. – 76 л.; Путевые заметки мирзы Абдуррахмана в Хивинском ханстве, тадж. яз.; рукопись. ф. 33, оп. 4, ед. хр.: 222. – 17 л.; Записи о Фальгаре, тадж. яз.; рукопись. ф. 33, оп. 4, ед. хр.: 223. – 10 л.; Перевод А. Л. Куном и Султановым дневника (мирзы Абдуррахмана?); рукопись. ф. 33, оп. 4, ед. хр.: 228. – 71 л.; Архив хивинских ханов. Дафтар из архива хивинских ханов (записи расходов за 1289 г. хиджры) и новые путевые записи Мирзы Абдуррахмана, проводника А. Л. Куна в его поездке по Хивинскому ханству в 1873 г., узбек, яз.; рукопись. ф. 33, оп. 5, ед. хр.: 134. – 148 л.; Архив хивинских ханов. О привозе товаров и о взимании зякатов (1289-1290 г. х.), документы (дафтар) из архива хивинских ханов, узбек, яз.; рукопись. ф. 33, оп. 5, ед. хр.: 135. – 43 л.; Архив хивинских ханов. Реестры, составленные по материалам салгутных дафтаров архива хивинских ханов (рукою мирзы Абдуррахмана?), узбек, яз.; рукопись. ф. 33, оп. 5, ед. хр.: 139. – 52 л.

[3] Мустаджир А. Дневник Искандеркульской экспедиции [на тадж. язык.]/ подготовка к печати, предисловие и комментарии А. Афсахзод, М. Муллоахмадов. – Душанбе: Ирфон, 1989. – 176 с.

[4] Аминов П. А. Военно-топографический очерк горной страны верховьев Зеравшана (с картой). – СПб., 1873. – 105 с.; то же // Материалы для статистики Туркестанского края: Ежегодник. – Вып. 3 / под ред. Н. А. Маева. – СПб.: Туркестанский стат. ком., 1874. – С. 1-105. Он же. Искендер-Кульская экспедиция 1870 г. // Туркестанские ведомости. – 1873. – № 13 (27 марта). – С. 49-51; № 14 (3 апр.). – С. 54-55.

[5] Воронец Е. Искандер-кульская экспедиция в 1870 г. (записки сапера) // Инженерный журнал. СПб., 1871, № 4. – С. 409-451; № 5. – С. 547-586.

[6] Мышенков Д. К. Геологические заметки из дневника по экспедиции в верховья Зеравшана // Туркестанские ведомости. – 1870. – 15 авг. – № 8. – С. 47; а также: Геологические заметки из дневника по экспедиции в верховья Зеравшана // Материалы для статистики Туркестанского края: Ежегодник / под ред. Н. А. Маева. – Вып. II. – СПб.: Издание Туркестанского статистического комитета, 1873. – С. 133-138. Он же. Геологические наблюдения во время Зеравшанской экспедиции // Записки Императорского Русского географического общества по общей географии. – 1871. – Т. 4. – С. 269-287.

[7] Соболев Л. Н. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе с приложением списка населенных мест округа. – СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1874. – 561.

наблюдениями; этнографические, исторические и лингвистические исследования входили в обязанности А. Л. Куна[1] естествоиспытатели О. А. Федченко и А. П. Федченко[2]; капитан А. Д. Гребенкин[3], знавший диалекты местных языков.

Третья группа: Заметки русских и зарубежных дореволюционных исследователей и путешественников, включая: Ш. Акимбетова[4], Ф. Короткова[5],

[1] Искандер-Тюря [А. Л. Кун]. Сведения о ягнаубском народе (К материалам для исследования ягнаубского языка) // Туркестанские ведомости. – 1881. – № 3 (20 янв.). – С. 11-12; № 4 (27 янв.). – С. 14-15.

[2] Федченко А. П. Заметка о верхнем Зеравшане // Материалы для статистики Туркестанского края / под ред. Н. А. Маева. – СПб.: Тип. К. В. Трубникова, 1873. – Вып. 2. – С. 49-52. Он же. Заметки о флоре и фауне Зеравшанской долины // Материалы для статистики Туркестанского края. – СПб.: Тип. К. В. Трубникова, 1873. – Вып. 2. – С. 434-438. Он же. Краткий отчет о путешествии в бассейн верхнего Зеравшана (июнь 1870 г.) // Путешествие в Туркестан (1868-1871). – М.: Географгиз, 1950. – С. 149-162. Он же. Магианские, Фарабские и Кштутские владения // Материалы для статистики Туркестанского края / под ред. Н. А. Маева. – СПб.: Тип. К. В. Трубникова, 1873. – Вып. 2. – С. 46-68. Он же. Топографический очерк Зеравшанской долины. Краткий отчет о путешествии в бассейн верхнего Зеравшана // Путешествие в Туркестан. – М.: Географгиз, 1950. – С. 151-188. Он же. Краткие исторические заметки о бывших бекствах: Ургутском, Магианском, Фарабском и Кштутском // Материалы для статистики Туркестанского края: Ежегодник. – СПб., 1873. – Вып. 2. – С. 68-70. Он же. Заметки о Магианском бекстве // Материалы для статистики Туркестанского края: Ежегодник. – СПб., 1873. – Вып. 2. – С. 53-67. Он же. Путешествие в Туркестан (1868-1871) / (Под ред., со вступ. статьей и коммент. Б. В. Юсова). – М.: Географгиз: тип. «Красный пролетарий», 1950. – 468 с.

[3] Гребенкин А. Д. Заметка о видах землевладения в Зеравшанском округе // Туркестанские ведомости. – 1873. – № 3. – С. 9-10. Он же. Заметки о Зеравшанской долине // Туркестанские ведомости. – 1873. – № 4 (23 янв.). – С. 15-16; № 6 (6 февр.). – С. 23. Он же. Заметки о Зеравшанской долине // Туркестанские ведомости. – 1873. – № 7 (13 февр.). – С. 26-27. Он же. Заметки о Когистане // Материалы для статистики Туркестанского края: Ежегодник. – Вып. II. – СПб., 1873. – С. 71-73; то же: // Туркестанские ведомости. – 1871. – № 22. – С. 87-89. Он же. Заметки о Когистане // Туркестанские ведомости. – 1872. – № 21 (29 мая). – С. 83-85; № 22 (5 июня). – С. 88-89; № 23 (12 июня). – С. 91-92; № 24 (19 июня). – С. 95-96; № 25 (27 июня). – С. 99-100; № 27 (11 июля). – С. 109-110; № 30 (1 авг.). – С. 120-121; № 31 (8 авг.). – С. 124; № 32 (15 авг.). – С. 127-128. Он же. Мелкие народности Зеравшанского округа // Русский Туркестан. – Вып. 2. – М., 1872. – С. 118. Он же. Минг // Русский Туркестан: сб., изд. по поводу Политехнической выставки. – СПб., 1874. – Вып. 3. – С. 331-336. Он же. Несколько слов о разведении хлопчатника в Зеравшанской долине // Туркестанские ведомости. – 1873. – № 10. – С. 38. Он же. Ремесленная деятельность таджиков Зеравшанского округа // Материалы для статистики Туркестанского края: Ежегодник. – Т. 1. – СПб., 1873. – С. 118. Он же. Таджики // Русский Туркестан: сб., изд. по поводу Политехнической выставки. – Вып. II. – М., 1872. – С. 3-50. Он же. Этнографический очерк Зеравшанского округа // Туркестанские ведомости. – 1872. – № 45. – С. 169-171.

[4] Акимбетов Ш. Очерки Когистана // Туркестанские ведомости. – 1881. – № 2 (13 янв.). – С. 7-8; № 3 (20 янв.). – С. 10-11.

[5] Коротков Ф. Базары в нагорных тюменах Зеравшанского округа // Туркестанские ведомости. – 1877. – № 30. – С. 138-140; № 31. – С. 142; № 32. – С. 142-143; № 40. – С. 178-179; № 41.

Г.А. Арендаренко[1], И. Вирского[2] Н. Г. Маллицкого[3] В. Дынина[4], Ю. Скайлера[5], И. П. Бутенева (Г. Подполковника Бутенев 2-го)[6], Лилиенталя[7], Н. А. Маева[8], М. А. Терентьева[9], Шарль Эжена Уйфальви де Мезоковезд[10], В. В. Радлов,[11] Г. Юль,[12] П. А. Шишова,[13] К. К. Абаза,[14] М. Венюков,[15] Лыко М.,[16]

[1] Арандаренко Г. А. Досуги в Туркестане. 1874-1889. – Санкт-Петербург: тип. М. М. Стасюлевича, 1889. – 666 с. Он же. Возмущение в Матче и действия против неприятеля Самаркандского отряда // Туркестанские ведомости. – 1876 (20 янв.). – № 3. – С. 10-11. Он же. Зимняя экспедиция генерал-майора Абрамова в верховья Зеравшана // Туркестанские ведомости. – 1876. – № 15 (20 апр.). – С. 58-59. Он же. Заметки об ирригации в нагорных тюменях Зеравшанского округа // Туркестанские ведомости. – 1876. – № 54. Он же. Малоизвестные города Зеравшанского округа Пенджикент и Ургут // Материалы для статистика Туркестанского края: Ежегодник. – 1879. – Вып. 5. – СПб. – С. 339-382. Он же. Статистические сведения по нагорным тюменям Зеравшанского округа за 1877 г. // Материалы для статистика Туркестанского края: Ежегодник. – СПб. – 1879. – Вып. 5. – С. 332-351.

[2] Вирский И. Сведения о Зеравшанском округе // Туркестанский Сборник. – Т. 123. – С. 9-122. Он же. Сведения о Зеравшанском округе. Нагорные Тюмени // Материалы для статистики Туркестанского края: Ежегодник. Вып. 4. – Санкт-Петербург: А. Траншель, 1876. – С. 11-122.

[3] Маллицкий Н.Г. Ягнобцы // Известия Туркестанского отдела Русского географического общества. – Т. XVII. – Ташкент, 1924. – С. 165-178.

[4] Дынин В.В. Очерк быта горцев верховьев Зеравшана // Известия Туркестанского отдела РГО. – Ташкент, 1914. – Т.X. – Вып.1. С.46-89.

[5] Schuyler E. Turkistan: Vol. 1: notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara, and Kuldja: in 2 volumes: with 3 maps and numerous illustrations. – London: Sampson Low, Marston, Searle, & Rivington, 1876. – 411 p.

[6] Бутенев И. П. (Г. Подполковника Бутенев 2-го). Минеральные богатства, заводское дело, монетное дело, ковка булата в Бухарии; Об увеличении сбыта изделий русских горных заводов в Бухарию; Результаты метеорологических наблюдений на пути из Оренбурга в Бухарию и во время пребывания в ней // Горный журнал. – Ч. IV, кн. XI. – СПб., 1842. – С. 137-185.

[7] Лилиенталь ?. ?. Кухистан о северной частые Гиссарского бекства 1887 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 36. – С.-Петербург: Военная типография, в здании Главного Штаба, 1888. – С. 9-83.

[8] Маев Н. А. Новый шаг в Средней Азии // Материалы для статистики Туркестанского края. – Вып. III. – Санкт-Петербург, 1874. – С. 431-434. Он же. Наше положение в Средней Азии // Материалы для статистики Туркестанского края. – Вып. III. – Санкт-Петербург, 1874. – С. 435-448.

[9] Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. С картами и планами: в 3 т. – Санкт-Петербург: Типолитография В. В. Комарова, 1906. Т. 1. – 510 с.; Т. 2. – 547 с.; Т. 3. – 526 с. Он же. Россия и Англия в Средней Азии. – Санкт-Петербург: тип. П. П. Меркульева, 1875. – 361 с.

[10] Ujfalvy de Mezo-Kovesd Ch. E. de. Expédition scientifique française en Russie, en Sibérie et dans le Turkestan. Vol. 1. Le Kohistan, le Ferghanah & Kouldja avec un appendice sur la Kachgharie. – Paris, 1878. – 186 p.

[11] Радлов В. В. Средняя Зеравшанская долина // Записки Императорского Русского Географического Общества по отделу этнографии. – Т. IV. – Санкт-Петербург, 1880. – С. 1-92. То же. Средняя Зеравшанская долина // Туркестанский сборник. – Т. 281. – Санкт-Петербург, 1882. – С. 1-92.

[12] Юль Г. Очерк географии и истории верховьев Аму-Дарьи. – Санкт-Петербург: тип. В. Безобразова и К°, 1873. – 82 с.

[13] Шишов А. П. Таджики. Этнографическое и антропологическое исследование. Ч. 1: Этнография. – Ташкент: Тип. Туркест. т-ва печ. дела, 1910. – 325 с. То же. Таджики: этнографическое исследование. – Алматы, 2006. – 392 с. То же. Таджики. Этнографическое и антропологическое исследование. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 340 с. – (Антология мысли). – ISBN 978-5-534-15549-5.

[14] Абаза К. К. Завоевание Туркестана: рассказы из военной истории, очерки природы, быта и нравов туземцев в общедоступном изложении. – СПб., 1902. – 310 с.

[15] Венюков М. Несколько статистических данных по Зеравшанскому округу // Известия Императорского Русского Географического общества, издаваемые под редакцией секретаря общества графа К. О. Литке. – Том VII. – С.-Петербург: В типографии В. Безобразова и комп., 1872. – С. 301-302.

[16] Лыко М. Очерк военных действий 1868 года в Зеравшанской долине // Военный сборник. – 1871. – № 5-8. – С. 1-221.

А. И. Макшеева,[1] И. В. Мушкетова,[2] А. П. Хорошина[3] С. Идарова [4], М. Н. Ростиславова,[5] К. К. Палена[6] и др.

Эти три группы источников служат основой для исследования разных аспектах верховьев Зеравшана и Средней Азии, что позволяет достоверно и полно реконструировать исторические события и процессы, происходившие в верховьях Зеравшана во второй половине XIX в.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что исследование «Дневника Искандеркульской экспедиции» А. Мустаджира вносит важный вклад в развитие научного понимания истории таджикского народа.

Практическая значимость диссертации заключается в возможности применения её результатов в учебных курсах по истории таджикского народа, этнографии и исторической географии. Полученные данные способствуют углублению подготовки специалистов в этих областях и могут быть использованы для разработки учебных материалов и образовательных программ.

Материалы исследования могут также найти применение при организации новых научных экспедиций, а также в рамках разработки историко-этнографических и географических проектов. Исследования могут быть полезны

---

[1] Макшеев А. И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. – Санкт-Петербург: Военная типография (издания Главного штаба), 1890. – 370 с.

[2] Мушкетов И. В. Туркестан: геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 г. по 1880 г. В 2 т. Т. 1. – Санкт-Петербург, 1886. – 741 с. Он же. Туркестан: геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 г. по 1880 г. В 2 т. Т. 2. – Санкт-Петербург, 1906. – 348 с. Он же. Геологическая экспедиция на Зеравшанский ледник в 1880 году // Известия Императорского Русского Географического Общества. – 1881. – Т. 17, вып. 2. – С. 79-103. Он же. Геологическая экспедиция на Зеравшанский ледник в 1880 году // Туркестанский сборник. – Т. 366. – Санкт-Петербург, 1883.– С. 79-103.

[3] Хорошихин А. П. Сборник статей, касающихся Туркестанского края. – Санкт-Петербург: Типография и ксилография А. Т. Стешневых, 1876. – 531 с.

[4] Идаров С. Поземельное право и податная система по магометанскому законодательству // Туркестанские ведомости. – 1872. – № 41 (17 окт.). – С. 164-166.

[5] Ростиславов М. Н. Очерк видов земельной собственности и поземельный вопрос в Туркестанском крае. – Санкт-Петербург, 1879. – С. 3-33.

[6] Всеподданнейшая записка, содержащая главные выводы отчета. Ч. 2 // Входит в: Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором, гофмейстером графом К. К. Паленом. – 1910. – 53 с. Он же. Горное дело // Входит в: Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором, гофмейстером графом К. К. Паленом. – 1910. – 366 с. Он же. Городское управление // Входит в: Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором, гофмейстером графом К. К. Паленом. – 1910. – VIII, 483 с. Он же. Государственные имущества: (Управление, оброк, статьи, лесное дело, сельскохозяйственные учреждения) // Входит в: Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором, гофмейстером графом К. К. Паленом. – 1910. – 264 с. Он же. Поземельно-податное дело: т. 17 [С прил.] // Входит в: Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором, гофмейстером графом К. К. Паленом. – Санкт-Петербург: тип. Гл. упр. уделов, 1910. – 390.

в музейной и архивной практике, способствуя сохранению и популяризации историко-культурного наследия верховьев Зеравшана.

Выводы работы могут послужить основой для создания научно-популярных изданий и документальных фильмов, а также будут способствовать распространению знаний о значимых событиях и процессах в истории региона.

Хронологические рамки исследования охватывают вторую половину XIX века, с акцентом на период 1868-1870 гг. – время подготовки и проведения Искандеркульской экспедиции, а также события, непосредственно предшествующие ей и следующие за ней до конца столетия. Выбор данного периода обусловлен тем, что именно тогда в верховьях Зеравшана происходили значимые социально-экономические и культурные трансформации, отражённые в «Дневнике Искандеркульской экспедиции» А. Мустаджира. Такой временной охват позволяет всесторонне проанализировать влияние экспедиции на историческое развитие региона.

Географические рамки исследования охватывают территорию Средней Азии, а именно верховья Зеравшана.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. «Дневник Искандеркульской экспедиции» А. Мустаджира является важным источником для изучения истории, географии и этнографии верховьев Зеравшана во второй половине XIX в. Его материалы подробно освещают социально-экономические, культурные и политические процессы региона.

2. Политическое положение верховьев Зеравшана в период проведения экспедиции, отражённое в «Дневнике», представляет собой важный источник для документирования обоснования её необходимости и выявления особенностей её организации и хода. Указанные сведения вносят значимый вклад в понимание исторических процессов, связанных с расширением влияния Российской империи в регионе.

3. Географические и природно-климатические описания «Дневника» способствуют реконструкции исторической географии региона, а также анализу

природных условий, повлиявших на социально-экономическое развитие местного населения.

4. Социально-экономические и этнографические данные, содержащиеся в «Дневнике», позволяют изучать хозяйственные системы региона (земледелие, скотоводство, торговлю), а также традиции, обряды и религиозные практики населения верховьев Зеравшана, что представляет собой ценный материал для анализа повседневной жизни.

5. Достоверность сведений «Дневника» подтверждается сопоставлением с другими источниками того времени, что делает его надёжным основанием для реконструкции исторических и культурных процессов верховьев Зеравшана.

6. Лингвистические сведения «Дневника», включая информацию о ягнобском диалекте согдийского языка, а также о топонимии и микротопонимии в диалектах таджикского языка, делают его важным источником для изучения языковой ситуации в регионе в XIX в.

7. Впервые в отечественном и зарубежном востоковедении осуществлён системный источниковедческий и культурно-антропологический анализ «Приложений к „Дневнику по Искандеркульской экспедиции“» Абдуррахмана Мустаджира, которые ранее оставались вне поля научного внимания. Установлено, что четыре тематических блока «Приложений» – эпиграфика, надгробные надписи, устные рассказы и народные песни – содержат уникальные сведения, отражающие локальные формы письменности, религиозные и мемориальные практики, элементы речевой культуры, фольклорно-мифологические образы и коллективную память горного населения Масча и Фальгара во второй половине XIX в. Выявлена самостоятельная научная ценность этих текстов как историко-культурного источника, позволяющего реконструировать утраченные пласты эпиграфического, устного и поэтического наследия, а также проследить трансформации этноконфессиональной идентичности, языка и социокультурных связей в условиях посттрадиционного перехода.

Апробация работы проводилась на протяжении всего исследовательского процесса.

Материалы диссертации были представлены на международных и республиканских научных конференциях, что подтвердило её актуальность и значимость для изучения социально-экономических, культурных и историко-политических процессов в верховьях Зеравшана во второй половине XIX века.

Результаты исследования нашли отражение в 21 научных публикациях, из которых 18 статей опубликованы в рецензируемых научных журналах, входящих в Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите в Отделе древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана (протокол № 7 от 23 сентября 2025 г.).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трёх глав, включающих шесть параграфов, заключения и списка использованных источников и литературы.

ГЛАВА I. ИСКАНДЕРКУЛЬСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ В «ДНЕВНИКЕ ИСКАНДЕРКУЛЬСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ» АБДУРРАХМАНА МУСТАДЖИРА

1.1. Биографические сведения об Абдуррахмане Мустаджире и характеристика его рукописи

Изучение истории Средней Азии во второй половине XIX века невозможно без обращения к подлинным письменным источникам, позволяющим выявить внутреннюю динамику социально-культурных и политических процессов, происходивших в регионе. Особую ценность среди подобных свидетельств представляет «Дневник Искандеркульской экспедиции», составленный мирзой муллой Абдуррахманом ибн Мухаммадом Латифом, более известным под именем Абдуррахман Мустаджир – одним из участников экспедиции.

Разнообразие форм записи имени автора в русскоязычной и таджикской историографии отражает не только исторически сложившиеся подходы к репрезентации восточных источников, но и демонстрирует специфические редакторские стратегии, характерные для различных периодов. Эти особенности требуют внимательного источниковедческого и историко-филологического осмысления с учётом контекста возникновения и закрепления каждой из форм.

В русскоязычных исследованиях имя А. Мустаджира нередко упрощается – это обусловлено стремлением адаптировать текст к фонетическим особенностям и восприятию русскоязычной аудитории. Одним из часто встречающихся вариантов в описаниях его рукописи является форма, использованная Н. Д. Миклухо-Маклаем: «Мирзā Муллā ‘Абд ар-Рахман, сын Мухаммада Лаṭīфа Мустаджира», при этом диакритические знаки зачастую опускаются[1].

[1] Миклухо-Маклай Н. Д. Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения. Вып. 1. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. – С. 100.

В советский и постсоветский периоды корпус вариантов передачи имени расширился. В различных публикациях встречаются формы: «Мулло Абдурахмон ибн Мухаммада», «Абдурахмон Самарканди», «Мирзо Самарканди», «Мустажири Самарканди», «Мирзо Абдуррахим», «Абдулло Рахим», «Абд ар-Рахим Самарканди». В современных исследованиях особенно распространён вариант имени «Абдурахмони Мустаджир», в то время как форма «Мирзо Самарканди» получила широкое распространение в энциклопедических изданиях Республики Таджикистан и Республики Узбекистан[1].

Непроверенное повторение дат, заимствованных из чужой биографии, не только искажает научное представление о личности автора, но и снижает достоверность одного из важнейших письменных источников по истории, этнографии и языку таджикского народа XIX века.

При написании биографии А. Л. Куна профессор Б. В. Лунин отметил деятельность Абдуррахмана Мустаджира, указав: «Нами подготовлен к печати небольшой очерк жизни и деятельности Абдуррахмана»[2]. Впоследствии в своих трудах Б. В. Лунин[3] также рассматривал научное наследие А. Мустаджира. Однако сведения о его биографии, такие как год рождения, этапы образования и ключевые моменты жизни, остаются фрагментарными.

Согласно имеющимся данным, Абдуррахман Мустаджир родился в Самарканде. По свидетельству А. Л. Куна, он получил начальное образование в одном из самаркандских мактабов и провёл около двух лет в медресе[4]. Основное внимание в обучении он уделял каллиграфии, что, по всей видимости, было связано с его последующей профессиональной деятельностью в качестве мирзы

---

[1] Таджикская Советская Энциклопедия (А – ГАВҲАР) = Энциклопедияи Советии Тоҷик. Ҷилди I (А – ГАВҲАР) / АН ТаджССР, Гос. ком. ТаджССР по делам изд-в, полиграфии и кн. торговли; Гл. науч. ред. М.С. Асимов. – Душанбе: Гл. науч. ред. Тадж. сов. энцикл, 1978. – Т. 1. – 672 с. – С. 21; Таджикская Советская Энциклопедия (А–ГАВҲАР) = Энциклопедияи Советии Тоҷик. Ҷилди I (А–ГАВҲАР) / АН ТаджССР, Гос. ком. ТаджССР по делам изд-в, полиграфии и кн. торговли; Гл. науч. ред. М.С. Асимов. – Душанбе: Гл. науч. ред. Тадж. сов. энцикл., 1978. – Т. 1. – 672 с. – С. 54.

[2] Лунин Б.В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. – Ташкент: Фан, 1965. – С. 340.

[3] Лунин Б.В. Историография общественных наук в Узбекистане: биобиблиографические очерки. – Ташкент: Фан, 1974. – С. 66-68.

[4] Кун А. Л. Предисловия к «Дневнику» //Дневник Искандеркульской экспедиции [рукопись] // Отдел рукописей и документов Архив Санкт-Петербургского Института восточных рукописей Российской академии наук. – 1870. – № D 134 (старый шифр 609h). Л. 319а.

(секретаря). Это узкое профессиональное направление, как подчёркивает А. Л. Кун, существенно повлияло на характер его письма, отличавшегося простотой и приближённостью к разговорной речи, с минимальным использованием арабизмов и книжно-персидской лексики.

Востоковед А. Л. Кун указывает в заключении своего «Предисловия» к «Дневнику»: «<…> должен сказать, что мой Дневник (т. е. „Дневник Искандеркульской экспедиции“. – О. А.) вёлся на самаркандском таджикском наречии указаниями местных выражений масчинцев, фалгарцев и ягнабцев, бывших при мне Мирзой Муллой Абдуррахманом, сыном Мухаммеда Лятифа Мустаджира, самаркандским уроженцем, чистым таджиком. Мирза получил образование в одной из школ (мектабхона) Самарканда и около двух лет провёл в медресе. Специальностью своею он избрал обязанности мирзы, для чего главным для него было усовершенствоваться в каллиграфии. Благодаря только этому направлению речь его совершенно одинакова с говором простонародным. В ней весьма мало встречается арабских слов и чисто персидских оборотов. Вследствие этого и «Дневник» чужд напыщенных, громких фраз арабских и персидских, которыми так щедро пересыпают улемы свою речь».[1].

Вопрос о точной датировке жизни и научной деятельности Абдуррахмана Мустаджира по-прежнему остаётся открытым и требует критического переосмысления в историографии. В ряде современных публикаций, в том числе учебного и справочного характера, его годы жизни ошибочно указываются как 1840-1888[2]. Однако эта датировка в точности совпадает с хронологией жизни выдающегося востоковеда и организатора участия Абдуррахмана Мустаджира в Искандеркульской экспедиции А. Л. Куна (1840-1888)[3], что позволяет предположить не случайное совпадение, а редакторскую подмену.

---

[1] Кун А. Л. Предисловия к «Дневнику» //Дневник Искандеркульской экспедиции [рукопись] // Отдел рукописей и документов Архив Санкт-Петербургского Института восточных рукописей Российской академии наук. – 1870. – № D 134 (старый шифр 609h). Л. 319а.

[2] Саидкулов Т. С. Очерки историографии истории народов Средней Азии: Учеб. пособие для студ. Ч. I. – Ташкент: Укитувчи, 1992. – С. 155.

[3] Лунин Б. В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. – Ташкент: Фан, 1965. – С. 114-117.

На это указывает и Т. С. Саидкулов в своём исследовании по историографии народов Средней Азии[1]. Упоминая Абдуррахмана Мустаджира в числе самаркандских интеллектуалов, привлечённых к экспедиционной работе, он одновременно называет те же самые годы жизни – 1840-1888 гг. Однако ни один из первоисточников, будь то российские востоковедческие издания XIX–XX веков, архивные описи или каталоги восточных рукописей – не содержит биографических сведений, подтверждающих данную датировку в отношении самого А. Мустаджира.

Анализ текста «Дневника Искандеркульской экспедиции» также не подтверждает версию о рождении автора в 1840 году. Напротив, из содержания и стиля сочинения можно сделать вывод о зрелом возрасте и профессиональной подготовке автора в момент Искандеркульской экспедиции. Его филологическая эрудиция, владение каллиграфией, а также способность к системному наблюдению и аналитическому изложению указывают на уже сложившуюся научную фигуру. Это делает гипотезу о его рождении в 1840 году сомнительной: в таком случае ему было бы 30 лет на момент экспедиции – возраст, безусловно, допустимый, но вряд ли отражающий весь тот объём культурного и интеллектуального багажа, продемонстрированного в его труде.

Представляется более корректным отказаться от условной датировки жизни А. Мустаджира, навязанной по аналогии с данными о А. Л. Куне. В научном употреблении предпочтительнее использовать уточнённые формулы, отражающие его историческую активность, например: «Мирза Мулла Абдуррахман ибн Мухаммад Латиф (точные годы жизни не установлены; активно действовал в 1870-1873 гг.)»[2] или «<…> работал во второй половине XIX века в Самарканде»[3].

Вопрос о возрасте Абдуррахмана Мустаджира на момент участия в Искандеркульской экспедиции остаётся предметом дискуссии. Профессор

---

[1] Саидкулов Т. С. Очерки историографии истории народов Средней Азии: Учеб. пособие для студ. Ч. I. – Ташкент: «Укитувчи», 1992. –187 с.
[2] Там же. – С. 154-158.
[3] Там же.

М. Муллоахмадов выдвинул предположение, что в этот период ему было около 35-40 лет[1], что позволяет приблизительно датировать его рождение 1830-1835 годами[2]. Однако данная гипотеза основана на косвенных данных и не подтверждена документально. Основной аргумент исследователя – оценка возрастных характеристик, выведенная из профессионального уровня и социального статуса А. Мустаджира, – не может быть признан методологически достаточным. В отсутствие архивных подтверждений подобное допущение остаётся умозрительным.

Точное установление даты рождения А. Мустаджира требует глубокого анализа архивных документов, которые в настоящее время недоступны. Перспективными направлениями для будущих исследований могут стать изучение не опубликованных материалов экспедиции, составленных А. Л. Куном, а также стилистический анализ рукописей А. Мустаджира[3].

Имеющиеся данные позволяют предположить, что Абдуррахман Мустаджир начал свою профессиональную деятельность в достаточно раннем возрасте. Его каллиграфические и секретарские навыки, продемонстрированные в «Дневнике Искандеркульской экспедиции» и другие его записях, свидетельствуют о высоком уровне подготовки, достигнутом задолго до участия в Искандеркульском экспедиции[4].

Таким образом, сведения о биографии А. Мустаджира сохранились весьма скудными как в его собственных сочинениях, так и в трудах его современников. Возможно, в будущем, в процессе выявления и введения в научный оборот новых архивных материалов, появятся более подробные сведения о его биографии, которые позволят уточнить хронологию жизни А. Мустаджира,

---

[1] Муллоахмедов М. Устойчивые грани гуманизма: Научные изыскания по истории иранской культуры. – М., 2014. – С. 207.

[2] Муллоахмад М. Зерцало человечности: научные изыскания по иранистике. – Душанбе: Дониш, 2016. – С. 240; Муллоахмедов М. Устойчивые грани гуманизма: Научные изыскания по истории иранской культуры. – М., 2014. – С. 206-207.

[3] Там же.

[4] См.: Кун А. Л. Предисловие (сообщение об Искандеркульской экспедиции, мирзе Абдуррахмане, цели и ходе исследования): [рукопись]. – Ф. 33, оп. 4, ед. хр. 218, 4 л. – Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН.

выявить неизвестные страницы его деятельности и дать более целостную характеристику его роли в истории востоковедения и изучения Среднее Азии.

Продолжая научную деятельность, А. Мустаджир сопровождал А. Л. Куна в Хивинском походе 1873 года, где вновь вёл дневниковые записи в соответствии с утверждённой программой. В этих записях содержится ценная информация о маршрутах движения, топонимике, населении и архитектуре региона. По свидетельству М. Н. Богданова, А. Мустаджир не только задавал вопросы местным жителям, но и составлял маршрутную карту, в которую включал элементы гидрографии и топографии местности[1].

Помимо «Дневника Искандеркульской экспедиции», к числу трудов А. Мустаджира относятся: «Дневник, ведённый во время путешествий по Бухаре и её окрестностям», «Записи, сделанные во время Шахрисябской экспедиции»[2], «Дневник хивинского похода»[3] и «Путевые заметки в Хивинском ханстве»[4]. Данные рукописи позволяют в деталях воссоздать картину повседневной жизни, обычаев и социальной организации таджикского населения и соседствующих народов.

Следует отметить, что заглавие, приведённое на первой странице рукописи – «Дневник, ведённый во время Искандеркульской экспедиции на самаркандском таджикском наречии с 25 апреля по 27 июня 1870 года» – не сохраняется в таком виде на протяжении всего текста. В заключительной части рукописи, озаглавленной как «Приложения», востоковед А. Л. Кун использует иную формулировку: «Приложения к Дневнику по Искандаркульской экспедиции». Подобная редакционная вариативность может свидетельствовать о функциональном разграничении основного корпуса дневниковых записей и

[1] Богданов М. Н. Очерки природы Хивинского оазиса и пустыни Кизыл-Кум. – Ташкент: тип., аренд. Ф.В. Базилевским, 1882. С. 62-63.
[2] Дневник мирзы Абдуррахмана, веденный во время Шахрисябской экспедиции; [рукопись]. ф. 33, оп. 4, ед. хр.: 220. – 27 л.
[3] Дневник мирзы Абдуррахмана, веденный во время хивинского похода, узбек, яз.; [рукопись]. ф. 33, оп. 4, ед. хр.: 221. – 76 л.
[4] Путевые заметки мирзы Абдуррахмана в Хивинском ханстве, тадж. яз.; [рукопись]. ф. 33, оп. 4, ед. хр.: 222. – 17 л.

сопутствующего материала, что, в свою очередь, отражает особенности научной систематизации текста при его оформлении.

Рукопись «Дневника Искандеркульской экспедиции» включает три основные части: «Предисловие», собственно «Дневник» и «Приложения». Основной раздел представляет собой хронологически структурированный маршрутный отчёт, в котором зафиксированы ключевые географические объекты – реки Зеравшан и Ягноб, озеро Искандеркуль, горные перевалы, ледники и населённые пункты. Существенное внимание уделено описанию природных условий, особенностей хозяйственного уклада и обычаев местного населения, что подчёркивает важность этнографических наблюдений Абдуррахмана Мустаджира как источника для последующего научного анализа.

Первая запись в «Дневнике» датирована 30 апреля 1870 года и начинается с упоминания деревни Ёри, откуда экспедиция «в среду, десятого числа месяца Сафара (12.05.1870г.), выехала из области Пенджикент, сопровождаемая военными, в сторону Урметана»[1]. Далее экспедиция проследовала через деревни Суфиён и Рузиобнок, постепенно продвигаясь к верховьям Зеравшана, и через 27 дней, 26 мая 1870 года, достигла Зеравшанского ледника. Затем маршрут пролёг через долину реки Фандарья и долину Ягноба, охватывая такие ключевые пункты, как Искандеркуль, Анзоб и другие. На обратном пути участники повторно исследовали часть Зеравшанской долины. Записи велись практически ежедневно, фиксируя передвижения и наблюдения экспедиции.

Согласно записи от 29 июня 1870 года, с возвращением в Самарканд «14 числа месяца раби‘аль-авваль 1287 года хиджры (14 июля 1870 года) завершились заметки о экспедиции русских к Искандеркулю»[2].

Особое внимание в источнике уделено описанию хозяйственного уклада, обычаев и повседневной жизни населения верховьев Зеравшана во второй половине XIX века. Абдуррахман Мустаджир систематически фиксирует

---

[1] Мирза Мулла Абдуррахман Мустаджир. Дневник Искандеркульской экспедиции: [рукопись]. – № D 133 (стар. шифр 609g). – Архив Института востоковедения РАН (Санкт-Петербург). – Л. 1а; D 134 (старый шифр 609h). – Л. 2а; Мустаджир А. Дневник Искандеркульской экспедиции. – Душанбе, 1989. – С. 23.

[2] Мирза Мулла Абдуррахман Мустаджир. Дневник Искандеркульской экспедиции: [рукопись]. – № D 133 (стар. шифр 609g). – Архив Института востоковедения РАН (Санкт-Петербург). – Л. 1б.

количество домов в деревнях, наличие культовых и учебных заведений, типы земледелия, распространённые ремёсла, формы собственности и виды налогообложения. Эти наблюдения позволяют реконструировать социально-экономическую картину горного региона Средней Азии во второй половине XIX века. Характер его записей свидетельствует не только об этнографической точности, но и о стремлении автора к всестороннему охвату действительности.

«Предисловие» к данному источнику, написанное востоковедом А. Л. Куном на русском языке, выполняет методологическую и организационную функции: в нём раскрываются цели и задачи экспедиции, охватывающие вопросы этнографии, лингвистики, археологии и других дисциплин. Особое внимание в этом разделе уделено методам полевых исследований и общей структуре экспедиционной работы. Датой составления значится 1 июля 1870 года, местом написания – город Самарканд[1].

Как подчёркивается в «Предисловии» А. Л. Куна, под его научным руководством «Дневник» создавался с целью документирования сведений о слабоизученных верховьях Зеравшана. Автор, опираясь как на устные рассказы местных жителей, так и на собственные наблюдения, формирует многослойную картину жизни населения в условиях нарастающего колониального влияния России. Тем самым «Дневник» выходит за рамки традиционного путевого отчёта, превращаясь в ценный историко-этнографический источник, сочетающий в себе элементы научного описания, повествовательной прозы и фольклорных вставок[2].

Следует особо отметить высокий уровень стилистической организованности текста. А. Мустаджир использует литературный таджикский язык, обогащённый элементами самаркандского диалекта и лексикой, характерной для горных наречий. Это делает рукопись ценным источником для

[1] Мирза Мулла Абдуррахман сын Мухаммада Латифа Мустаджира. Дневник Искандеркульской экспедиции [рукопись] // Архив Санкт-Петербургского Института восточных рукописей Российской академии наук. – № D 133 (609g). – 319 а.
[2] Там же. – Л. 320б.

лингвистических и филологических исследований, особенно в контексте изучения региональных форм таджикского языка XIX в.

Черновые варианты данного источника (шифр хранения D 133, старый шифр 609g), подготовленные А. Мустаджиром во время экспедиции, впоследствии были сведены в цельный текст, что свидетельствует о его систематическом подходе к фиксации материала.

Анализ «Предисловия» к «Дневнику Искандеркульской экспедиции», позволяет в достаточной степени понять причины и обоснование привлечения к экспедиции местного образованного жителя – Абдуррахмана Мустаджира. Его участие в научной группе объясняется необходимостью решения комплекса задач – научных, лингвистических и этнографических, – поставленных перед экспедицией, за реализацию которых, в том числе, отвечал руководитель востоковедческого направления А. Л. Кун.

Особое внимание заслуживает тот факт, что А. Л. Кун характеризует его как «чистого таджика» не только по происхождению, но и по языковому облику: «его речь, по словам исследователя, отличалась ясностью, точностью и свободой от риторических штампов и напыщенных арабо-персидских оборотов, характерных для образованных улемов»[1]. Именно этот аспект позволяет понять, почему А. Л. Кун рассматривает фигуру А. Мустаджира не просто как помощника, но как полноценного участника научного процесса, носителя аутентичного знания и живой речи.

Важно подчеркнуть, что приведённые материалы свидетельствуют о высокой степени взаимодействия между европейскими исследовательскими стандартами и внутренними знаниями таджикской культурной среды. В ежедневных записях А. Мустаджир выделял особенно значимые или редкие слова посредством красной черты, что отражает его осознанную языковую рефлексию и ориентацию на последующую научную обработку собранного

[1] Мирза Мулла Абдуррахман сын Мухаммада Латифа Мустаджира. Дневник Искандеркульской экспедиции [рукопись] // Архив Санкт-Петербургского Института восточных рукописей Российской академии наук. – № D 133 (609g). – Л. 319а.

материала[1]. Параллельно А. Л. Кун систематически сопоставлял эти записи со своими наблюдениями, что обеспечивало возможность их верификации и повышало достоверность фиксируемых данных.

В этой связи представляется очевидным, что без посредничества такой фигуры, как Абдуррахман Мустаджир, обладавшей необходимыми качествами, сбор столь детализированных и языково-культурно насыщенных материалов был бы крайне затруднён, если не невозможен. С точки зрения историко-этнографической реконструкции данный случай можно рассматривать как один из ранних примеров осознанного включения «внутреннего» взгляда в рамки колониального исследовательского проекта. Подобная методологическая установка, опередившая по своим приёмам и целям господствующие подходы второй половины XIX в., оставила в наследие корпус источников, выделяющийся полнотой, нюансированностью и редкой степенью аутентичности.

Таким образом, привлечение Абдуррахмана Мустаджира к составу экспедиции стало не только научно оправданным решением, но и важным шагом в развитии полевых методов востоковедческого исследования. Его деятельность позволяет сегодня рассматривать «Дневник Искандеркульской экспедиции» как ценный и подлинный источник, отразивший этнолингвистическую картину таджикских горных регионов конца XIX века. А. Мустаджира выступает в нём не просто как писец, но как «проводник культурной памяти» и посредник между научной традицией Российской империи и живой речевой и духовной средой таджикского народа.

Особую ценность данная рукопись представляет как источник, созданный представителем таджикской культурной традиции на родном языке, что придаёт изложению аутентичность и культурную глубину. В отличие от официальных русскоязычных рапортов, текст «Дневника» А. Мустаджира раскрывает

[1] Мирза Мулла Абдуррахман сын Мухаммада Латифа Мустаджира. Дневник Искандеркульской экспедиции [рукопись] // Архив Санкт-Петербургского Института восточных рукописей Российской академии наук. – № D 133 (609g). – 317 лл.

восприятие экспедиционных событий с позиции местного наблюдателя, участвующего в них непосредственно.

Рукопись «Дневника Искандеркульской экспедиции» представляет собой выдающийся образец синтеза местных знаний и европейской научной методологии, что делает её первоклассным источником по истории Средней Азии. Её значимость определяется как богатым фактическим содержанием, так и стилистическими особенностями текста: автор удачно сочетает живое, образное изложение этнографических и лингвистических наблюдений с точным описанием маршрутов, географических объектов и событий.

Существенный вклад в популяризацию и введение в научный оборот «Дневника Искандеркульской экспедиции» внёс видный востоковед, академик К. Г. Залеман (1849-1916). В своём докладе, представленном 13 мая 1891 года на французском языке в журнале «Mélanges asiatiques» («Азиатские заметки»), он изложил сведения о состоянии Азиатского музея Петербургской академии наук, директором которого являлся. Среди приоритетных задач К. Г. Залеман выделил систематизацию и каталогизацию восточных рукописей, включая произведения, полученные от А. Л. Куна – сотрудника Туркестанского генерал-губернаторства[1].

В ходе их каталогизации К. Г. Залеман классифицировал «Дневник» как географическое сочинение и включил его в пятую группу инвентарного перечня:

1. **609g**: *«Дневник, ведённый во время Искандеркульской экспедиции на самаркандском таджикском наречии. С 25 апреля по 27 июня 1870 г. Содержит копии надписей, народные предания и песни. – 396 листов»*.

2. **609h**: *«Чистовой экземпляр предыдущего текста – 323 листа»*[2].

Позднее российский иранист Н. Д. Миклухо-Маклай (1915-1975) в своих трудах[3] также охарактеризовал обе рукописи А. Мустаджира – «Дневник

[1] Salemann C. Das Asiatische Museum im Jahre 1890. Nebst Nachträgen. – Lu le 1/13 mai 1891// Mélanges asiatiques tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg, 1890-1892. – С. 271.
[2] Там же. – С. 278-279.
[3] Миклухо-Маклай Н.Д. Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения. Выпуск 1. Ответственные редакторы В.И. Беляев, Д.И. Тихонов. М.-Л. Издательство Академии Наук СССР, 1955. С. 100-102; Он же. Некоторые персидские и таджикские исторические, биографические и географические рукописи

Искандеркульской экспедиции» и «Записку о Московской выставке»[1] – как ценные источники по географии и истории Средней Азии. Однако, на наш взгляд, классификация «Дневника» исключительно как географического сочинения представляется ограниченной. Помимо географических и маршрутных описаний, он включает исторические сведения, этнографические наблюдения, топонимику, образцы устного народного творчества, эпитафии и копии надписей, что позволяет рассматривать его как комплексный историко-этнографический источник.

На сегодняшний день обе рукописи «Дневника» хранятся в Отделе рукописей и документов Института востоковедения Российской академии наук (Санкт-Петербург) под новыми шифрами: D 133 (старый шифр 609g) – 398 листов, из них 394 написаны на таджикском языке; 4 листа «Предисловие» и комментарии на русском языке; D 134 (старый шифр 609h) – окончательная редакция текста без редакторских помет, в лучшей степени сохранности[2].

Рукопись сопровождается специальным «Приложением», включающим:

1. тексты надписей на скалах, придорожных камнях, стенах зданий (в том числе мечетей, крепостей, частных домов и других сооружений), встречавшихся на маршруте экспедиции;[3]
2. тексты надгробных надписей;[4]
3. сказки, анекдоты и свидетельства местных жителей, записанные во время экспедиции;[5]

Института востоковедения Академии наук СССР // Ученые записки Института востоковедения. – 1958. – Т. XVI. – С. 274-275.

[1] Мирза Мулла Абдуррахман сын Мухаммада Латифа Мустаджира (?). Записка о Московской выставке (روزنامهٔ ویستفکهٔ مسکاب) // Отдел рукописей и документов Архив Санкт-Петербургского Института восточных рукописей Российской академии наук. № B 806 (старый шифр 609k). – 1872 (?) – 75 л.

[2] См.: Мирза Мулла Абдуррахман, сын Мухаммада Латифа Мустаджира. Дневник Искандеркульской экспедиции: [рукопись] // Архив Санкт-Петербургского Института восточных рукописей Российской академии наук, Отдел рукописей и документов. – № D 133 (старый шифр 609g). – 1870. – 398 л.; – № D 134 (старый шифр 609h). – 1870. – 322 л.; Миклухо-Маклай Н.Д. Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения. Выпуск 1. Ответственные редакторы В.И. Беляев, Д.И. Тихонов. М.-Л. Издательство Академии Наук СССР, 1955. С. 100-102; Миклухо-Маклай Н.Д. Некоторые персидские и таджикские исторические, биографические и географические рукописи Института востоковедения Академии наук СССР // Ученые записки Института востоковедения. – 1958. – Т. XVI. – С. 274-275.

[3] Мирза Мулла Абдуррахман, сын Мухаммада Латифа Мустаджира. Дневник Искандеркульской экспедиции [рукопись] // Архив Института восточных рукописей РАН. № D 133 (609g). – ЛЛ. 313а-322б.

[4] Там же. – ЛЛ. 324а-329б.

[5] Там же. – ЛЛ. 330а-369б.

4. тексты песен, собранных в Матче и Фальгар;[1]

К «Приложению» даны пояснения на русском языке, автором которых является А. Л. Кун.

К этим материалам А. Л. Кун составил пояснительные примечания на русском языке, что подчёркивает их научный характер и обоснованность включения в общий корпус экспедиционного отчёта.

Следует отметить, что в Центре письменного наследия при Президиуме Академии наук Таджикистана хранятся фотокопии только чернового варианта рукописи под номерами 97а и 97б. Однако эти экземпляры страдают от значительных текстовых утрат, особенно в части «Приложений», что существенно затрудняет их использование в исследовательской работе.

Дополнительный интерес представляет издание «Дневник Искандеркульской экспедиции», подготовленное таджикскими литературоведами А. Афсахзодом и М. Муллоахмадовым[2].

Данное издание основано на факсимильной копии оригинальной рукописи, которая ранее хранилась в архиве Института языка и литературы имени Абуабдулло Рудаки Академии наук Таджикской ССР, а в настоящее время находится в Центре письменного наследия при Президиуме Национальной академии наук Таджикистана. Указанный экземпляр инвентаризирован под номерами 97а и 97б и соответствует рукописи в чистовом варианте (шифр хранения D 134, старый шифр 609h).

Тем не менее, в издании 1989 года эти «Приложения» не были подвергнуты полноценному научному анализу. Авторы издания подчёркивают, что «Приложения к „Дневнику“» обладают особой ценностью для изучения культурного уровня населения Кухистана[3].

В его предисловии упоминаются лишь некоторые рубаи и газели, представленные в сокращённой форме с опорой на исследования А. Мухторова.

---

[1] Мирза Мулла Абдуррахман, сын Мухаммада Латифа Мустаджира. Дневник Искандеркульской экспедиции [рукопись] // Архив Института восточных рукописей РАН. № D 133 (609g). – ЛЛ. 371а-322б.

[2] Мустаджир А. Дневник Искандеркульской экспедиции / Подготовка к печати и авторы предисловия и комментариев Аълохон Афсахзод и Мирзо Муллоаҳмадов. – Душанбе: Ирфон, 1989. – 176 с.

[3] Там же. – С. 15.

При этом сами тексты «Приложений» в издании либо отсутствуют, либо значительно сокращены[1].

Важно отметить, что разрозненные копии «Дневника», хранящиеся в Центре письменного наследия, имеют значительные утраты. Особенно пострадали разделы «Приложений», которые во многих случаях были полностью утрачены, а переписанный экземпляр был уничтожен по неизвестным причинам.

Сопоставительный анализ рукописей и кириллического издания 1989 года показал, что этот текст, как мы отмечали ранее, был подготовлен на основе экземпляра D 134 (старый шифр 609h). При этом из него были изъяты фрагменты, содержащие религиозные, социальные и лексические особенности, заменённые многоточиями. Подобные цензурные правки зафиксированы, в частности, на следующих страницах: 41, 43, 49, 50-51, 55 (дважды), 56, 57, 58, 61, 63, 64, 65 (дважды), 72, 76, 86, 88 (трижды), 90, 97, 99, 101, 102, 105, 113, 141-142 и 152[2].

В отличие от основного текста «Дневника», который уже стал объектом изучения, эти материалы до сих пор не подвергались серьезному анализу. Данная проблема характерна как для отечественной, так и для зарубежной историографии.

Как уже упоминалось, две основные рукописи «Дневника» – D 133 и D 134 – обладают высокой степенью сходства по содержанию и структуре, однако различаются степенью сохранности и оформлением. Обе рукописи имеют идентичный формат (33,8×20,8см)[3] и выполнены на европейской бумаге. Основной текст написан на таджикском языке каллиграфическим почерком в стиле наста῾лик, с чёткой графикой и грамотной стилистикой. Разделы на русском языке (включая «Предисловие» и комментарии к приложениям) выполнены стандартным рукописным шрифтом в 29 строк на страницу.

[1] Мустаджир А. Дневник Искандеркульской экспедиции. – Душанбе, 1989. – С. 16-18.
[2] Мустаджир А. Указ. соч. – СС. 41, 43, 49, 50-51, 55 (дважды), 56, 57, 58, 61, 63, 64, 65 (дважды), 72, 76, 86, 88 (трижды), 90, 97, 99, 101, 102, 105, 113, 141-142 и 152.
[3] Миклухо-Маклай Н. Д. Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения. Вып. 1. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. – С. 100-102.

Переплёт обеих рукописей соответствует европейской книжной традиции: плотная картонная обложка с кожаным корешком.

Рукопись D 133 (609g) насчитывает 398 страниц: 394 – на таджикском языке и 4 – на русском, с комментариями на русском и таджикском языках. Она создана непосредственно в ходе экспедиции и имеет характер полевого «Дневника» с правками и комментариями, сделанными А. Л. Куном. При этом ряд полей и начальные листы частично повреждены, что не повлияло на целостность основного текста[1].

Характер этой рукописи – гибридный: она сочетает в себе черновые и чистовые фрагменты, редакторские вставки и стилистически разнородные слои. Уже на первых листах (лл. 1б, 2а, 2б и далее) заметны правки, выполненные синим и чёрным карандашом, вычёркивания целых фраз и замена их новыми формулировками. Судя по характеру вмешательств, основная часть этих правок принадлежит самому А. Л. Куну, который стремился привести текст к более научной и структурированной форме[2].

Рукопись D 134 (609h) представляет собой окончательный вариант, свободный от правок. Она содержит 322 страницы (317 – таджикский текст, 4 – русский), отличается более высокой степенью сохранности и чистотой оформления. Размер текстового блока в таджикском тексте – 26×16,5 см, количество строк на странице – 9; в русском – 29 строк на лист[3].

Первый дневниковый фрагмент в рукописи D 133 датирован 30 апреля 1870 г. («кишлак Йори», л. 1б), последняя запись сделана 29 июня 1870 г. (г. Самарканд, л. 304б). Внимание автора сосредоточено на описании маршрутов через ключевые населённые пункты: Урметан, Рарз, Шавадки Боло, Шамтич, Оббурдан, Табушн, Водиф, ледник Зеравшана, Искандеркуль, перевал Кули-

---

[1] См.: Мирза Мулла Абдуррахман, сын Мухаммада Латифа Мустаджира. Дневник Искандеркульской экспедиции: [рукопись] // Архив Санкт-Петербургского Института восточных рукописей Российской академии наук, Отдел рукописей и документов. – № D 133 (старый шифр 609g). – 1870. – 398 л.

[2] См.: Мирза Мулла Абдуррахман сын Мухаммада Латифа Мустаджира. Дневник Искандеркульской экспедиции [рукопись] // Архив Санкт-Петербургского Института восточных рукописей Российской академии наук. – № D 134 (старый шифр 609h). – 1870. – 322 л.

[3] См.: Мирза Мулла Абдуррахман сын Мухаммада Латифа Мустаджира. Дневник Искандеркульской экспедиции [рукопись] // Архив Санкт-Петербургского Института восточных рукописей Российской академии наук. – № D 134 (старый шифр 609h). – 1870. – 322 л.

Калян и другие. Особый интерес представляют этнографические сведения о кишлаках Варзиманор, Пальдорак, Лангари Ёз, Пенджикент и др., включая данные о численности населения, занятиях, обычаях, языке и религиозных практиках[1].

А. Мустаджир сознательно фиксировал диалектные формы речи масчинцев, ягнобцев и фальгарцев, что придаёт тексту дополнительную лингвистическую ценность. Его письмо сочетает простоту повествования с научной наблюдательностью, что позволяет использовать данный источник не только в исторических, но и в филологических исследованиях, направленных на реконструкцию исторической динамики таджикского языка.

«Этнографические сведения я собирал, – пишет востоковед А. Л. Кун в “Предисловии” к “Дневнику”, – лично, в присутствии мирзы (т. е. А. Мустаджира. – О. А.), который тут же записывал услышанное по-таджикски. В этих беседах я направлял все усилия на то, чтобы уловить в обрывистых рассказах туземцев местные слова, на которые также обращал внимание и мирза (т. е. А. Мустаджир. – О. А.)».[2]

«Приложения к „Дневнику“» состоят из четырех разделов, каждый из которых имеет уникальное содержание. В них приведены списки надгробных надписей, тексты, выгравированные на камнях и стенах мечетей, а также местные предания и народные песни региона. Этот раздел не только предоставляет подробную информацию о социальном, культурном, политическом и экономическом положении жителей верховий Зеравшана, но и обладает исключительной ценностью для изучения материальной и духовной культуры региона. Например, надписи на надгробиях содержат важные сведения о выдающихся исторических личностях и времени их жизни, а зафиксированные

[1] См.: Мирза Мулла Абдуррахман сын Мухаммада Латифа Мустаджира. Дневник Искандеркульской экспедиции [рукопись] // Архив Санкт-Петербургского Института восточных рукописей Российской академии наук. – № D 133 (старый шифр 609g). – 322 л.

[2] Мирза Мулла Абдуррахман сын Мухаммада Латифа Мустаджира. Дневник Искандеркульской экспедиции [рукопись] // Архив Санкт-Петербургского Института восточных рукописей Российской академии наук. – № D 133 (609g). – 322 а.

народные песни и предания отражают богатое устное литературное наследие горных народов.

Несмотря на очевидную научную ценность, «Приложения к “Дневнику”» по-прежнему остаются в тени основного корпуса текста данного источника и до настоящего времени практически не введены в научный оборот. Их целенаправленное и комплексное изучение позволило бы не только уточнить представления о повседневной жизни населения горных бекств верховьев Зеравшана в XIX веке, но и восстановить отдельные элементы утраченных обычаев и верований, а также проследить эволюцию локальных форм культурной идентичности. Эти материалы заслуживают самостоятельного критического издания, снабжённого подробным научным аппаратом, переводами и типологическим анализом.

Интерес А. Мустаджира к топонимике и устной традиции выходит за рамки вспомогательного материала: он рассматривает их как самостоятельные объекты исследования. Это позволяет отнести «Дневник» к числу первых этнографически ориентированных описаний региона. Включение лингвистических записей на таджикском языке придаёт источнику особую ценность для изучения диалектов и разговорных форм таджикского языка второй половины XIX века.

Таким образом, работа с рукописями А. Мустаджира позволяет осветить характер взаимодействия российских учёных и местных интеллектуалов, во многом определявшего облик исследований верховьев Зеравшана в имперский период. Этот диалог знаний, основанный на признании значимости местных культурных традиций, открывает новые горизонты в изучении истории науки и этнографии региона. Сохранение, публикация и дальнейшее исследование подобных источников представляются одной из приоритетных задач современной гуманитарной науки, ориентированной на комплексное осмысление историко-культурного наследия народов верховьев Зеравшана.

1.2. Искандеркульская экспедиция 1870 года и отражение её хода в «Дневнике Искандеркульской экспедиции» Абдуррахмана Мустаджира

Решение о проведении Искандеркульской экспедиции следует рассматривать как часть более широкой политики Российской империи, направленной на закрепление контроля в приграничных и труднодоступных бекствах. После завершения основных этапов военных действий 1868 года и создания Зеравшанского округа внимание администрации было обращено на верховья Зеравшана, где сохранялась нестабильная политическая ситуация, препятствовавшая полноценной интеграции этих территорий в систему российского управления.

Особое внимание заслуживает состав научной группы, включённой в экспедицию. Научная часть Искандеркульской экспедиции была сформирована в соответствии с комплексной задачей всестороннего изучения труднодоступных бекств верховьев Зеравшана. Финансирование мероприятия осуществлялось за счёт средств Туркестанского генерал-губернаторства, что указывает на статус экспедиции как военно-административного предприятия с выраженной научной компонентой.

Центральную роль в организации и проведении географо-топографических работ сыграл штаб-ротмистр лейб-гвардии уланского полка барон Г. А. Аминов, причисленный к Генеральному штабу. Ему было поручено общее руководство съёмочной партией, а также сбор обобщённых географических данных по маршрутам. Его работа сыграла важную роль в точной топографической привязке региона, особенно по верхнему течению Зеравшана и его левому притоку Масче, который имел стратегическое значение как возможный маршрут к долине Амударьи.

Среди научных сотрудников особое место занимал А. Л. Кун – востоковед и археолог, назначенный для сбора материалов по археологии, этнографии и филологии. Его участие позволило впервые задокументировать особенности

языка, быта и устного народного творчества ягнобцев[1]. Востоковедческая направленность экспедиции, таким образом, не была побочной задачей, а была институционализирована в рамках общего плана полевых работ.

В качестве специалиста по геологии и геоморфологии в состав экспедиции был включён горный инженер Д. К. Мышенков, которому поручались натурные исследования горных формаций, описание минеральных ресурсов и геологических структур региона. Наряду с ним в экспедиции участвовал Д. Л. Иванов, исполнявший обязанности художника (рисовальщика). Ему принадлежит заслуга в создании первых зарисовок Зеравшанского ледника, которые впоследствии были опубликованы в качестве иллюстраций к статье И. В. Мушкетова[2]. Его наблюдения, наряду с отчётами А. Л. Куна, вошли в научный оборот и стали частью совокупного знания о физико-географических особенностях Кухистана.

После соединения с Ура-Тюбинским отрядом, двигавшимся от Оббурдана, к экспедиции присоединился известный натуралист А. П. Федченко. Его участие, а также сопровождение его супруги – О. А. Федченко, способствовало существенному расширению природоведческого направления экспедиции. Их работа охватывала флористику, зоологию и климатические наблюдения, положившие начало систематическим исследованиям по естественной истории данного региона.

Для проведения астрономических наблюдений и сопряжения топографических съёмок с картографической основой от Ура-Тюбы был сформирован отдельный отряд под руководством подполковника А. Р. Деннета. В его состав входил капитан артиллерии Л. Н. Соболев, снабжённый необходимыми инструментами для точных наблюдений небесных тел и координатной фиксации рельефа. Деятельность этой группы была направлена на

[1] См.: Искандер-Тюря (Кун А. Л.) Сведения о ягнаубском народе (К материалам для исследования ягнаубского языка) // Туркестанские ведомости. – 1881. – № 3. – С. 11-12; № 4. – С. 14-15.

[2] См.: Мушкетов И. В. Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 г. по 1880 г. : в 2 т. – Т. 2 : С приложением 11 таблиц фототипий, 106 рисунков и разрезов в тексте и картой Зеравшанского ледника. – Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1906. – С. 237–260.

соединение съёмок южной части Ходжентского уезда с работами в бассейне реки Зеравшан (Масча).

Инженерное обеспечение, связанное с устройством военных дорог, фортификационных точек и переправ, осуществлялось под надзором поручика Воронца. Делопроизводство было возложено на майора Э. В. Адеркаса, исполнявшего функции офицера связи и административного координатора.

Следует особо отметить включение в состав экспедиции капитана А. Д. Гребенкина, занимавшегося сбором статистических, административных и исторических сведений о крае. Его работа отражала стремление получить систематизированную информацию о социально-экономических условиях региона и структуре местного управления.

Состав научной части экспедиции объединял специалистов самых разных областей – от географии, геологии и топографии до востоковедения, этнографии и естественных наук. Благодаря этому экспедицию можно рассматривать не только как военную рекогносцировку, но и как масштабный исследовательский проект, стремившийся дать целостное представление о регионе, который до того оставался вне систематического научного описания.

Завершение Искандеркульской экспедиции принесло не только новые карты и обширные полевые материалы, но и целый ряд научных публикаций. Каждый из участников – географы, востоковеды, геологи, натуралисты – обобщил свои наблюдения и представил их в печати в виде статей и отчётов. Эти работы, вышедшие в ведущих изданиях своего времени, отличались высоким уровнем достоверности и заложили основу для дальнейшего систематического изучения Верхнего Зеравшана. Таким образом, Искандеркульская экспедиция стала значимой не только как военно-административная акция, но и как крупное научное предприятие, результаты которого прочно вошли в корпус академического знания о регионе.

Интересным элементом экспедиции было включение в её состав секретаря-переводчика – таджика из Самарканда Абдуррахмана Мустаджира, который выполнял посредническую функцию между русскими исследователями и

местным населением. Его «Дневник», представляет собой уникальный источник, сочетающий элементы этнографического наблюдения, военно-административной отчётности и личной хроники. С научной точки зрения, он позволяет взглянуть на события экспедиции «изнутри» – с позиции образованного местного участника, тесно связанного с русской администрацией.

Документальное описание хода Искандеркульской экспедиции, представленное в «Дневнике» А. Мустаджира, представляет собой уникальный нарративный источник, воссоздающий повседневную логику продвижения военного отряда Российской империи в верховья Зеравшана. В отличие от официальных рапортов и рекогносцировочных донесений, «Дневнике» А. Мустаджира позволяет проследить не только маршруты и остановки экспедиции, но и внутреннюю динамику движения, включая трудности переходов, стратегическое планирование маршрута, взаимодействие с местными властями и топографические реалии.

Экспедиция, согласно дневниковой записи, начинает от 30 апреля 1870 г., помеченной: «к[ишлак] Йори [Ёрӣ]», начала продвижение от Пенджикента в направлении Урметана. Первые этапы пути, охватывавшие деревни Суфиён, Суджина и другие, сопровождались серьёзными техническими трудностями: крутыми спусками, необходимостью коллективной транспортировки грузов и сложным рельефом[1]. Эти обстоятельства подчёркивают не только географическую специфику региона, но и степень организованности военного отряда, действовавшего в условиях, близких к боевым. При прохождении труднопроходимых участков солдаты действовали согласованно: грузы спускались с участием нескольких десятков человек, передвижение осуществлялось с постоянным учётом рельефных преград, что свидетельствует о строгой дисциплине и централизованном управлении[2].

Однако, как следует из дальнейшего хода событий, фактическая программа Искандеркульской экспедиции значительно выходила за пределы

[1] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 23.
[2] Там же.

первоначально заявленных рекогносцировочных задач[1]. В условиях внутренней нестабильности, обусловленной феодальной анархией и произволом местных властей, отряд воспринимался частью населения как возможный гарант порядка и социальной справедливости. Хотя Абдуррахман Мустаджир напрямую не формулирует подобную оценку, она, тем не менее, прослеживается в свидетельствах других источников, в том числе непосредственных участников событий. В частности, это подтверждается в официальных донесениях П. А. Аминова[2], а также в публикациях в «Туркестанских ведомостях»[3], где подчёркивается, что значительная часть местного населения связывала с приближением русского отряда надежды на прекращение произвола, беспорядков и насилия, особенно усилившихся в годы междоусобной борьбы.

Первая запись в «Дневнике» Абдуррахмана Мустаджира датируется 30 апреля 1870 года[4] и знаменует собой официальное начало его полевых наблюдений. В этот день экспедиционный отряд покинул окрестности Пенджикента и, сопровождаемый военным подразделением, направился в сторону Урметана. Согласно описанию автора, первый этап маршрута пролегал через кишлаки Суфиён и Суджина, где уже на начальном этапе экспедиции зафиксированы характерные черты социально-экономического и топографического облика региона: преобладание туркоязычного населения, занятого преимущественно земледелием и овцеводством, а также сложный рельеф – узкие ущелья, пересечённые русла рек, и крутые склоны[5]. Он сообщает: «Мы переночевали в том месте (то есть в Рузиобнок. – О. А.), затем собрали войска <…> вместе с тураганами [солдаты] отдохнули, снова собрались. Оттуда мы двинулись, осмотрелись вокруг, снова собрали войска и снова поехали <…>. Примерно два часа просидели, затем вновь собрались и продолжили путь.

[1] Камолов Х. Ш. Значение экспедиции 1870 г. генерала А. К. Абрамова в изучении материальной и духовной культуры верховья Зеравшана и долины Фондарьи // Вклад российской науки … / материалы междунар. науч. конф. – Худжанд: Университет, 2019. – С. 169.
[2] Там же.
[3] Известия из рекогносцировочных отрядов: Ура-Тюбинского и Зеравшанского // Туркестанские ведомости. – 1870. – № 5. – С. 31-32; № 7. – С. 41-43.
[4] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 23.
[5] Там же.

Оттуда [из деревни Вота] мы пошли пешком, один за другим <…>. Два часа варили чай, ели с тураганами [солдаты] <…>»[1].

А. Мустаджир отмечает обилие садов – абрикосовых, персиковых, ореховых, описывает систему ирригации, а также происхождение топонима село Ёри, связанного с именем Ходжа Мухаммада Башоро. Всё это свидетельствует о том, что в памяти местных жителей сохранялись устойчивые историко-легендарные пласты. Особое внимание он уделяет мостам и вакуфным сооружениям. Так, упоминание о мосте, построенном женщиной по имени Шарифа и пожертвованном ею «на вечные времена» вакуфе, говорит о развитой правовой и благотворительной культуре региона[2]. Подобные детали, редко встречающиеся в официальных русских источниках, придают «Дневнику» особую ценность как источнику.

А. Мустаджир подробно описал особенности продвижения отряда через узкие ущелья, подвесные мосты и крутые склоны, требующие значительных физических усилий и технической изобретательности. В одном из эпизодов он отмечает: «Связывали грузы верёвками, стаскивали их вниз: двадцать – сзади, двадцать – спереди, и несли на спинах <…>. Сердце человека трепетало, как ивовый лист»[3]. Данная поэтичность выражений у А. Мустаджира сочетается с высокой степенью документальности: в его описаниях встречаются точные упоминания архитектурных форм, гидрологических объектов, а также этнического состава местного населения, что придаёт источнику этнографическую насыщенность. В отличие от военных отчётов, автор уделяет особое внимание символическим, мифологическим и религиозным аспектам окружающего пространства – таким, как родник Бибича, городище Муг, мавзолей Ходжа Халвои. Это придаёт его нарративу ярко выраженный антропоцентрический и культурологический характер[4].

---

[1] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – СС. 24, 68, 137, 140, 158.
[2] Там же. – С. 23.
[3] Там же. – С. 24.
[4] Там же. – С. 30.

Несмотря на внешнюю простоту, это повествование содержит важные наблюдения, касающиеся тактики продвижения экспедиционного отряда. В частности, обращает на себя внимание разграничение войска на относительно автономные тактические группы, что позволяло поддерживать маневренность, обеспечивать безопасность передвижения в условиях горного рельефа и одновременно контролировать дисциплину. Регулярные остановки, упорядоченные сборы и взаимодействие с тураганами (офицеры), в свою очередь, свидетельствуют о налаживании временных форм координации как внутри экспедиции, так и – косвенно – с местным населением. Эти детали подчёркивают двойственную природу миссии: с одной стороны – военную, с другой – ориентированную на демонстрацию политической сдержанности и контроля, не переходящего в открытую конфронтацию.

Среди описанных поселений Урметан в «Дневнике» А. Мустаджира предстает как изолированное горное селение, расположенное в узкой долине между хребтами, пересечённой рекой Зеравшан, воды которой, однако, не использовались для орошения. Поселение делилось на четыре квартала (гузара), каждый из которых имел собственную социальную и религиозную организацию. В них находились мечети, мактабы и плодовые сады на склонах. Особое значение имела ханакох в Сойи Лангар, выполнявшая функцию центра религиозной жизни. Важное место занимали святыни, такие как гробница шейха Абулкосима Курагони, а крепость служила не только оборонительным, но и административным центром[1].

Хозяйственная жизнь Урметана отличалась бедностью, однако была адаптирована к горным условиям: жители выращивали фрукты, собирали дикие травы и деревья, изготавливали масло, пасли скот на летних пастбищах. Существовала устойчивая система взаимопомощи и круговой экономики, особенно в контексте свадебных обрядов и долговых обязательств. Практиковались исламские нормы брака с разделением махра, а торговые связи

[1] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 30.

с Самаркандом, Ургутом и Ура-Тюбой указывали на частичную интеграцию в региональный рынок[1].

По сведениям одного из участников экспедиции, П. А. Аминова, 2 мая генерал-майор Абрамов и есаул Принц прибыли к отряду. 3 мая основные силы подошли к Урметану, а 7 мая началось продвижение в сторону Варзиминора, куда отряд прибыл 9 мая. Генерал был встречен местными жителями с радушием, что можно рассматривать как свидетельство временного снижения напряжённости[2].

По данным А. Мустаджира, местные жители – преимущественно таджики, занимаются земледелием, скотоводством и охраной территории. Особое внимание уделяется сведениям о густонаселённости (до тысячи дворов), оборонной инфраструктуре (высокие крепость воротами) и экономической значимости этих пунктов.

Экспедиция достигла местности Зироват, которую автор описывает как особо благодатное и плодородное пространство. Здесь обращают на себя внимание не только горные посевы и весенние засеянные поля, но и развитая система садоводства. Продукция садов – вяленые фрукты (абрикос, шелковицы (тут)) – служила важным источником дохода для местного населения. Эти продукты вывозились в долинные местности, прежде всего в Джизак, Самарканд и Ура-Тюбе, что свидетельствует о существовании сезонной торгово-аграрной модели хозяйства, характерной для Кухистана[3]. Подобная деталь позволяет уточнить особенности образа жизни горных общин, которые, несмотря на географическую отдалённость, были органично включены в более широкие экономические связи Бухарского ханства.

На противоположной стороне реки располагался кишлак Дардар – более крупный, около 80 дворов <…>. Вместе с тем, автор отмечает несколько святых мест – мазары Ходжа Ширинпаз, Ходжа Кушод, Ходжа Бибиавлиё – что

[1] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 34.
[2] Аминов П. А. Искандер-Кульская экспедиция 1870 г. // Туркестанские ведомости. – 1873. – № 13. – С. 49.
[3] Там же.

позволяет судить о наличии сильной локальной духовной традиции, связанной с почитанием местных авлия и формированием своего сакрального пространства[1].

Особое внимание А. Мустаджир уделяет описанию Варзиманора – значительного населённого пункта с богатой историей. В своей записи он перечисляет ряд архитектурных и культовых объектов, находящихся на этой территории: курган (крепость), возведённый, по его словам, по приказу Абдушукур-бека; мечеть и башни (*манора*), приписываемые строительству султана Джалолиддина, происходившего, как утверждается, из Индии; мазар Хазрати Мир; а также многочисленные сады, ирригационные сооружения и водяные мельницы.[2]

Продвигаясь на север, отряд вышел к месту слияния рек Зеравшан (Масча) и Фон, расположенному у подножия горы Кумарг. В своих записях Абдуррахман Мустаджир отмечает произрастание здесь редких пород деревьев, таких как бурс (можжевельник) и мисвок – растения, широко применяемые в традиционной гигиене и религиозных ритуалах[3].

Как отмечает П. А. Аминов, уже 3 мая 1870 года основной отряд генерала А. К. Абрамова прибыл в Урметан, а 7 мая начал продвижение в сторону Варзиминора. «В Варзиминоре генерал был встречен жителями весьма радушно <…>», – пишет исследователь, подчёркивая благожелательное отношение местного населения. Здесь А. К. Абрамову предстояло не только вступить в контакт с представителями местных сообществ, но и оперативно реагировать на потенциальные угрозы со стороны гиссарского бека[4].

Особое внимание П. А. Аминов уделяет известию о разрушении моста Пули-Мулла через Фан-Дарью. По его свидетельству, этот акт саботажа был произведён сторонниками гиссарского бека, с целью воспрепятствовать продвижению русского отряда к Фанскому бекству и далее – к Искандеркулю. При этом он подчёркивает, что разрушение моста сопровождалось «попыткой

[1] Аминов П. А. Искандер-Кульская экспедиция 1870 г. // Туркестанские ведомости. – 1873. – № 13. – С. 49.
[2] Там же.
[3] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 48.
[4] Аминов П. А. Искендер-Кульская экспедиция 1870 г. // Туркестанский ведомости. – 1873. – № 13. – С. 50.

поднять население на восстание», что свидетельствует о наличии заранее подготовленного сопротивления, пусть и некоординированного[1].

Для выяснения положении и оценки проходимости маршрута, генерал А. К. Абрамов направляет в Фон моста Пули-Мулла специальную рекогносцировочную группу под командованием П. А. Аминова и сапёрного поручика Е. Воронеца. Последний, как специалист в инженерной части, должен был произвести осмотр не только разрушенного моста, но и всей транспортной линии на предмет пригодности к проходу отряда. П. А. Аминов описывает путь к мосту как чрезвычайно трудный: «дорога <…> оказалась до такой степени трудною и малодоступною, что вести по ней отряд, без предварительных исправлений, было бы весьма рискованно»[2]. По заключению Е. Воронеца, для восстановления моста и обеспечения прохода требовались значительные временные и материальные затраты[3].

Как писал сам офицер: «прежде чем двинуться в Фанское ущелье, [генерал А. К. Абрамов. – О. А.] приказал мне [т. е. Е. Воронец. – О. А.] с рабочею командою в 60 челов[ек] пройти до Пули-Мулла и произвести необходимые исправления пути»[4]. Однако уже с самого начала были очевидны серьёзные ограничения: «для работ можно было располагать только 2-3 днями», «в Фанском ущелье нет необходимого для исправлений лесу», и «о привозе же его из Варзаминора или боковых ущелий Фана нечего было и помышлять». Кроме того, на отдельных участках требовались «порохострельные работы», что в условиях нехватки времени и ресурсов было практически неосуществимо[5].

В результате, как признаёт Е. Воронец, выполнить задачу в полном объёме не удалось: «Исполнить данное поручение при таких неблагоприятных

[1] Аминов П. А. Искендер-Кульская экспедиция 1870 г. // Туркестанский ведомости. – 1873. – № 13. – С. 50.
[2] Там же.
[3] Воронец Е. Искандер-Кульская экспедиция в 1870 г. (записки сапёра) // Инженерный журнал. – 1871. – № 5. – С. 549.
[4] Там же.
[5] Воронец Е. Искандер-Кульская экспедиция в 1870 г. (записки сапёра) // Инженерный журнал. – 1871. – № 5. – С. 549.

условиях, как и оказалось потом, было невозможно, а потому подмостки Рашм-Мери и не были поправлены»[1].

Интересно, что в официальных «Известиях из рекогносцировочных отрядов» сведения о разрушении Пули-Муллы представлены лаконично и без акцента на саботаж: там указано лишь на «отсутствие возможности продвижения через Фанскую дорогу ввиду паводковых затруднений»[2].

Также в «Дневнике» Абдуррахмана Мустаджира описанию труднопроходимого участка маршрута – Пули Мулло. Автор отмечает, что местные жители называют этот мост «Пули Хазрати Мулло» («мост Хазрата-Мулло»).[3] Далее он пишет: «От того места [т. е. перед мостом „Пули Ҳазрати Мулло“] мы поднялись ещё на высоту около пятисот газов [500 метр], и дорога стала чуть шире, но камней стало ещё больше. Солдаты, перепрыгивая с одного большого камня на другой, прошли около тысячи шагов и с немалыми страданиями добрались до места, которое было особенно опасным и внушающим страх <…>»[4].

Помимо реконструкции самого маршрута, ценность представляют наблюдения А. Мустаджира за состоянием участников экспедиции. Переход сопровождается ощущением коллективного напряжения, граничащего с отчаянием: «Все солдаты <…> понемногу взяли поклажу на спину и шаг за шагом, в страхе, со слезами и мольбами к Богу <…> прошли <…> с великими мучениями и испытаниями <…>»[5].

Потеря лошади с поклажей, сорвавшейся в ущелье, фиксируется без выраженного сочувствия, как неизбежная часть реальности: «<…> в этом месте каждый был предоставлен самому себе»[6]. Подобная интонация позволяет

---

[1] Воронец Е. Искандер-Кульская экспедиция в 1870 г. (записки сапёра) // Инженерный журнал. – 1871. – № 5. – С. 549.
[2] Известия из рекогносцировочных отрядов: Ура-Тюбинского и Зеравшанского // Туркестанские ведомости. – 1870. – № 7 (1 авг.). – С. 42.
[3] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 116.
[4] Там же. – СС. 117-118.
[5] Там же.
[6] Там же.

говорить об отчуждённой солидарности, сформированной в экстремальной ситуации, когда индивидуальное выживание выходит на первый план.

Немаловажным аспектом «Дневника» является зафиксированная неспособность использовать верховую тягу на многих участках. Так, при переходе от Варзиманора до местности Пете весь путь проделан пешком: «<…> постоянно шли пешком, ведя лошадей за узду, повторяя: “О, Господи! О, мой хозяин!”. На этом пути не было ни обжитых мест, ни широкой дороги <…>»[1].

Переход через собственно мост – Пули Хазрати Мулло – также сопровождался соблюдением строжайших мер предосторожности. Из-за крайней узости переправа осуществлялась в одиночном порядке: «Из-за узости моста мы переходили его по одному, гуськом <…>»[2].

Это подчёркивает не только объективную опасность участка, но и высокий уровень самодисциплины среди участников. После переправы маршрут не становится легче: «Эта дорога тоже была узкой, как и предыдущая»[3].

Солдаты, как подчёркивает А. Мустаджир, расчищали путь вручную, поскольку «в этом месте не было ни одного участка, где можно было бы ехать верхом»[4].

Реакцией командования стало оперативное перенаправление маршрута. Отказавшись от немедленного продвижения в сторону озера Искандеркуль, А. К. Абрамов принимает решение двинуться вверх по Заравшану, оставив посещение Фанского бекства и озера на обратный путь. При этом в Варзиминоре была оставлена одна казачья сотня (9-я уральская) для охраны линии связи с Самаркандом и наблюдения за фанскими территориями. Есаулу Чеботареву, командиру сотни, было поручено вступить в переговоры с фанцами и добиться восстановления разрушенного моста[5].

12 мая, отряд покинул Варзиминор и к 16 мая достиг селения Оббурдан – первого населённого пункта Масчинского бекства на маршруте. Как отмечал

---

[1] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 118.
[2] Там же.
[3] Аминов П. А. Искендер-Кульская экспедиция 1870 г. // Туркестанские ведомости. – 1873. – № 13. – С. 50.
[4] Там же.
[5] Там же.

П. А. Аминов, «по дороге мы везде были встречаемы фальгарскими жителями радушно», свидетельствует о преимущественно лояльном отношении со стороны местного населения в пределах Фальгарского бекства.[1]

Однако при приближении к масчинской границе экспедиция столкнулась с первым открытым проявлением сопротивления. «Во время следования отряда по узкому карнизу между селениями Вешаб и Шамтич, партия горцев, высланная масчинским беком, взобравшись на горы, начала с громадной высоты бросать каменья»[2] – свидетельствует П. А. Аминов. Под удар попали сапёры, шедшие впереди колонны, которым было приказано отойти в ожидании дальнейших распоряжений. В ответ генерал А. К. Абрамов выслал стрелков для обхода позиций, однако сам, «не дождавшись окончания обхода», принял решение продолжить движение: «со своею свитою [он] проехал по тропинке через то место, где на скалах видны были следы брошенных на сапёров камней»[3].

Инцидент завершился травмой: «дело обошлось довольно благополучно: переломлена нога у одного офицера [капитана Шостака] и ранена под ним же лошадь». Ответный огонь со стороны российских стрелков не последовал: «с нашей стороны не было сделано ни одного выстрела»[4]. Вскоре после появления царских стрелков мятежники отступили, и путь был расчищен.

Свидетельство А. Мустаджира дополняет описание боевого эпизода между селениями Вешаб и Шамтич, о котором писал и П. А. Аминов. По его словам, отряд, спускаясь селение Вешаба, с риском для жизни двигался вниз по опасному склону, полагаясь на волю Всевышнего: «спустились вниз, положившись на Бога, – немного ровного места, которое называют Устонаки Вешаб»[5]. Однако вскоре ситуация резко обострилась: «увидели, что с вершины горы масчинцы начали сталкивать вниз огромные валуны – весом в две, три, а то и четыре манны (64 кг.), направляя их на солдат»[6]. Начался хаотичный бой с

---

[1]. Аминов П. А. Искендер-Кульская экспедиция 1870 г. // Туркестанские ведомости. – 1873. – № 13. – С. 50.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же. – С. 51.
[5] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 58.
[6] Там же.

применением луков и метательных снарядов с обеих сторон: «разразилось чрезвычайное сражение и тревога; несколько раз происходила перестрелка с обеих сторон». Для нейтрализации нападавших генерал-майор А. К. Абрамов (в «Дневнике» упоминаемый как «ҷониролтӯра») приказал группе солдат подняться в горы: «тут же ҷониролтӯра (т. е. генерал-майор А. К. Абрамов) велел нескольким солдатам взобраться на гору и преградить путь этим мерзавцам-масчинцам»[1].

Примечательно, что, по наблюдению П. А. Аминова, именно «смелый поступок генерала А. К. Абрамова <…> произвёл большое впечатление на масчинцев», что, по-видимому, способствовало стабилизации обстановки в регионе: «во время дальнейшего нашего следования по Масчинскому бекству, мы были избавлены от подобных приветствий»[2].

А. Мустаджир завершает сцену эмоциональной ремаркой: «эти мерзавцы (т. е. масчинцы. – О. А.) с вершины горы бежали и скрылись»[3], передавая как напряжённость момента, так и моральное превосходство российской стороны после успешно пройденного испытания.

П. А. Аминов интерпретирует поведение местных жителей через призму психологии страха и прагматического подчинения. Он подчёркивает, что «уже через несколько минут после описанного случая» – нападения на отряд между кишлаками Вешаб и Шамтич – российские военные были встречены «депутацией из Оббурдана», преподнёсшей традиционные дары: «хлеб, соль, мясо баранину, яйца и птицу»[4].

Особый интерес вызывает культурная интерпретация этого жеста. П. А. Аминов специально отмечает, что «у туземцев этот обычай не существует»[5]. По его мнению, жители Оббурдана, вероятнее всего, переняли эту форму поведения от жителей Ура-Тюбе, где подобный ритуал приветствия российских чиновников уже оформился как устойчивая практика. Тем самым

[1] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 58.
[2] Аминов П. А. Искендер-Кульская экспедиция 1870 г. // Туркестанские ведомости. – 1873. – № 13. – С. 51.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же. – С. 50.

исследователь фиксирует не столько проявление аутентичной традиции, сколько демонстративную адаптацию к новой политической реальности, отражающую процесс формирования колониальной модели взаимодействия между центром и периферией.

Следующим важным этапом Искандеркульской экспедиции стало прибытие основного состава Зеравшанского отряда в селение Оббурдан 16 мая 1870 года и последующее соединение с Ура-Тюбинским рекогносцировочным отрядом под командованием подполковника (впоследствии полковника) А. Р. Деннета, которое состоялось 20 мая. Этот момент ознаменовал формальное завершение первого, предварительного цикла рекогносцировочных мероприятий, а также дал старт координированному продвижению двух отрядов вверх по Масчинской долине. Как отмечает П. А. Аминов, прибытие А. Р. Деннета «согласованно с нами в условиях высокогорья» произвело сильное впечатление на местное население и упрочило образ организованной военной машины Российской империи[1].

Согласно наблюдениям П. А. Аминова, Оббурдан представлял собой первую значимую опорную точку на территории Масчинского бекства, через которую пролегал дальнейший маршрут Искандеркульской экспедиции. Здесь был оставлен полувзвод стрелков с задачами охраны тыловых коммуникаций, обеспечения подвоза продовольствия из Ура-Тюбе и поддержания связи с Варзиминором. Хотя данное распоряжение носило логистический характер, оно, по сути, имело и политическую подоплёку, демонстрируя стремление российской военной администрации к институционализации контроля на занятой территории посредством регулярного гарнизонного присутствия и устойчивого снабженческого обеспечения[2].

Генерал-майор А. К. Абрамов в Оббурдане получил письмо от масчинского бека, в котором тот, угрожая военными действиями, заявлял о недопустимости продвижения отряда в Пальдорак – административный центр

[1] Аминов П. А. Искендер-Кульская экспедиция 1870 г. // Туркестанские ведомости. – 1873. – № 13. – С. 51.
[2] Известия из рекогносцировочных отрядов: Ура-Тюбинского и Зеравшанского // Туркестанские ведомости. – 1870. – № 7. – С. 41-43.

бекства. Однако уже на следующий день эта риторика была кардинально пересмотрена. Как сообщает П. А. Аминов, 22 мая в селение Ривамутк прибыла делегация от бека Масча – Подчохуджа, состоявшая из казы и раисов, с дарами и письмом, в котором бек выражал готовность к «дружескому приёму», ссылаясь при этом на «крайнюю бедность населения и невозможность обеспечения отряда» в случае его длительного пребывания[1]. Очевидно, подобная перемена носила вынужденный характер и служила тактической отсрочкой – тем более что, как далее фиксирует П. А. Аминов, сам Подчохуджа «не дожидаясь ответа, вскоре бежал в горы, а переданные им дары были разграблены местными жителями»[2].

Согласно официальным данным, 25 мая отряд под командованием генерал-майора А. К. Абрамова благополучно прибыл в Пальдорак, где был встречен старшинами и частью местных жителей, оставшихся в селении. Масчинский бек, по сведениям источников того периода, накануне покинул город с десятью джигитами, направившись в сторону Коканда[3].

С целью укрепления доверия генерал-майор А. К. Абрамов обратился к населению с призывом вернуться в селение и возобновить обычную жизнь. Уже 24 мая он выступил с небольшим сопровождением, включая ракетную батарею, к истокам Зеравшана.

Дополнительное измерение к описанию этих событий добавляет свидетельство Абдуррахмана Мустаджира, который акцентирует внимание на повседневных трудностях продвижения отряда. Он подробно описывает, как «лошади вели вручную», «камни расчищались ногами», а в наиболее трудных местах к передвижению подключались местные жители, предоставляя еду, фураж и вьючных ослов[4]. В селениях Табушна, Водифа и Пальдорак А. Мустаджир отмечает участие местных аксакалов и раисов в сопровождении колонны, что перекликается с данными официальных сводок: «из пограничных

[1] Аминов П. А. Искендер-Кульская экспедиция 1870 г. // Туркестанские ведомости. – 1873. – № 13. – С. 50.
[2] Там же.
[3] Известия из рекогносцировочных отрядов: Ура-Тюбинского и Зеравшанского // Туркестанские ведомости. – 1870. – № 5. – С. 31.
[4] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 120.

кишлаков было доставляемо в отряд всё необходимое, как-то: продовольствие для людей и корм для лошадей»[1].

23 мая 1870 года объединённые отряды под командованием генерал-майора А. К. Абрамова вошли в селение Пальдорак – резиденцию Почохуджа и центр Масчинского бекства. Сам бек, ранее угрожавший вооружённым сопротивлением, к моменту прибытия российских войск уже бежал в горы, фактически утратив контроль над территорией. По свидетельству П. А. Аминова, местные жители встретили русских спокойно, а в демонтажных работах по крепости участвовали добровольно, что может свидетельствовать о слабости прежней власти и наличии скрытых антифеодальных настроений[2]. Л. Н. Соболев отмечал внешне лояльное поведение населения: «туземцы, видя, что с ними обходятся мирно, с восторгом встречали русских почти на всём пути до Пальдорака»[3]. Однако он же указывает на массовое бегство жителей самого селения: «из [него] почти все бежали», что позволяет говорить о страхе перед возможными репрессиями в условиях стремительных политических перемен.

О социальной подоплёке этих перемен свидетельствуют также сведения генерал-лейтенанта, военного востоковеда и историка М. А. Терентьева, в которых передаётся обращение местных жителей к А. К. Абрамову. Население Пальдорака и окрестных местностей, как он сообщает, выразило открытое недоверие к институту местного бекства, заявив, что ни один из прежних правителей «кроме притеснений и зла, ничего народу не делал». Люди настаивали, что примут бека лишь в том случае, если он будет назначен непосредственно Туркестанским генерал-губернатором, подчёркивая, что прежнего бея они «не впустят в город», даже если он решит вернуться. При этом жители просили разрешения выбрать себе аксакала и казия – и соответствующие выборы были проведены в день отхода русских войск из Пальдорака[4].

---

[1] Известия из рекогносцировочных отрядов: Ура-Тюбинского и Зеравшанского // Туркестанские ведомости. – 1870. – № 7. – С. 41.
[2] См.: Аминов П. А. Искендер-Кульская экспедиция 1870 г. // Туркестанские ведомости. – 1873. – № 13. – С. 50.
[3] Соболев Л. Н. Среднеазиатская политика России в 1875 году // Голос. – 1875. – № 222 (13 (25) авг.). – С. 1.
[4] Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. С картами и планами. В 3 т. Т.1. – СПб.: Типолитография В.В. Комарова, 1906. – С. 492-493.

Дополнительную информацию о ледниковой зоне даёт А. Мустаджир. По его описанию, путь пролегал через густые заросли, реки и снежные склоны, откуда в летний период сходили потоки талой воды. Исток Зеравшана, по местным представлениям, берет начало из древнего ледника (пирях), покрытого вечными снегами. Зимой толщина снега достигала 60-70 ваджаб (до 2 м), летом образовывались глубокие трещины (тарақ), в которые проваливались люди и животные. После осмотра ледника участники экспедиции вернулись через мавзолей Абумусо в Пальдорак[1].

Параллельно осуществлялась рекогносцировка перевалов Пакшиф и Янги-Саббак[2]. По наблюдению П. А. Аминова, события, развернувшиеся у Янги-Саббакского перевала в конце мая 1870 года, стали одним из наиболее напряжённых эпизодов заключительной фазы экспедиции. С целью разведки маршрута к перевалу 26 мая вперёд были высланы 25 казаков под командованием есаула Оренбургского казачьего войска Уржумцева. В теснине горного ущелья они подверглись внезапному нападению: по колонне был открыт ружейный огонь, с высот бросались камни. Попытки отстреливаться оказались безуспешными из-за скрытого положения противника. В результате атаки казаки потеряли 12 лошадей, получили одного раненого и недосчитались двух человек, числившихся пропавшими без вести. Отряд был вынужден прервать дальнейшие действия[3].

После этого отряд продолжил движение и, пройдя примерно полдороги, достиг места, где впереди показался узкий проход.

До достижения Киштута экспедиция последовательно прошла ряд населённых пунктов и природных объектов, фиксируя их географические, этнографические и хозяйственные особенности. Уже в середине мая (13-14 числа) внимание исследователей было сосредоточено на местности Рарз, где особый интерес вызвала топография и геологическое строение[4]. Последующие

---

[1] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – СС. 81-82.

[2] Макшеев А. И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. – Санкт-Петербург: Воен. тип., 1890. – СС. 274-276.

[3] Аминов П. А. Искендер-Кульская экспедиция 1870 г. // Туркестанские ведомости. – 1873. – № 13. – С. 50.

[4] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 48.

дни были посвящены изучению Шавадки Боло (14-15 мая)[1], предоставившего новые сведения о культурных и исторических реалиях региона, а также Шамтича (16 мая), где акцент был сделан на описании флоры и фауны.

17 мая экспедиция достигла Оббурдана[2], что позволило собрать данные о структуре заселённости и социально-бытовых условиях. На новом этапе (20 мая) в Ривамутке[3] исследовались природные ресурсы и климатические особенности, тогда как посещение Лангари Ёза (21 мая)[4] выявило ряд значимых архитектурных и культурных черт. В конце мая внимание было уделено Табушну (22 мая)[5] и Пальдораку (23 мая)[6], где наблюдения касались преимущественно флоры, фауны и образа жизни местного населения. Дополнительно в Водифе (24 мая)[7] были зафиксированы геологические и гидрологические характеристики, а у ледника Зарафшана (25 мая) – природные формации горного ландшафта[8].

Возвращение в Пальдорак (28 мая)[9] и повторное посещение Табушна и Лангари Ёза (30 мая – 1 июня)[10] позволили уточнить ранее собранные сведения. Завершающий цикл первых исследований был связан с пребыванием в Оббурдане (4 июня), где проводились итоговые наблюдения перед переходом к Варзиминору (10 июня)[11]. В середине июня внимание экспедиции сосредоточилось на крепости Сардбода (14 июня)[12], представлявшей интерес с архитектурно-исторической точки зрения, и на Искандеркуль (15-17 июня)[13], где проводились комплексные исследования природы, климата и гидрологии озера.

---

[1] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 53.
[2] Там же. – С. 61.
[3] Там же. – С. 63.
[4] Там же. – С. 68.
[5] Там же. – С. 71.
[6] Там же. – С. 74.
[7] Там же. – С. 77.
[8] Там же. – С. 80.
[9] Там же. – С. 83.
[10] Там же. – С. 89.
[11] Там же. – С. 107.
[12] Там же. – С. 115.
[13] Там же. – С. 121-133.

Финальный этап до выхода к Киштуту был связан с изучением верховьев Ягнау и Джиджик (19-23 июня)[1], переходом через перевал Анзоб и проведением гидрологических измерений, а также с анализом природных условий у озера Кули-Калан (24-26 июня)[2]. Завершением маршрута стало прохождение кишлака Панджруд и прибытие в Пенджикент (27 июня)[3], после чего экспедиция сосредоточила внимание на долине Киштут.

Наутро, как отмечает А. Мустаджир, открылось обширное и благодатное пространство с многочисленными садами. В кишлаке произрастали абрикосы, яблоки, шелковица, алыча, грецкие орехи, а также выращивались пшеница, ячмень, лён, бобы, просо и чумиза. В селе действовало пять водяных мельниц и три мечети. Население составляло около ста дворов. Это было процветающее и благоустроенное место. Однако и этот кишлак – под названием Панджруд, что означает «Пять ручьёв» (по числу источников, питающих местный арык), – был сожжён[4].

Согласно донесению подпоручика Е. Воронеца, 27 июня, по приказанию начальника Искандеркульского отряда, была разрушена Киштутская крепость – один из ключевых опорных пунктов враждебных отрядам генерала Абрамова сил. По конструкции она напоминала Сорваданскую крепость: в роли цитадели выступала сакля, возведённая на искусственном возвышении, рядом с которой располагались бековские дома. Единственные ворота крепости находились с юго-западной стороны, а восточная ограда представляла собой мощную глиняную стену с бойницами и банкетом, выполненную из слежавшейся глины с примесью крупного песка, по прочности приближавшейся к камню[5].

По словам Абдуррахмана Мустаджира, «за совершённое преступление» ҷонирол (т. е. генерал А. К. Абрамов) отдал приказ сжечь деревню. Все дома в кишлаке были преданы огню»[6].

---

[1] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 133.
[2] Там же. – С. 155-164.
[3] Там же. – С. 167.
[4] Там же. – СС. 164-166.
[5] Воронец Е. Искандер-Кульская экспедиция в 1870 г. (записки сапёра) // Инженерный журнал. – 1871. – № 5. – С. 586.
[6] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 81-82.

Для разрушения крепости были предприняты следующие действия: разобрали часть внутренних и примыкавших к ограде построек, сруб из которых собрали в других помещениях и подожгли; в цитадели заложили два подземных горна с порохом (по 10 фунтов каждый); аналогичный заряд был помещён в сакле с тайником для зерна в юго-восточной части и ещё один – у самих ворот. После поджога леса и воспламенения горнов взрывы оказались достаточными для вывода крепости из строя[1].

Таким образом, демонтаж Киштутской крепости стал символическим завершением боевой операции в верховьях Зеравшана.

Заключительная фаза Искандеркульской экспедиции (конец июня – июль 1870 г.) ознаменовалась переходом от военных действий к интенсивной научной и топографической деятельности. Как указывает П. А. Аминов, в этот период были задействованы различные методы полевой съёмки – триангуляция, барометрическое нивелирование и глазомерные маршруты, что позволило впервые создать связное картографическое описание междуречья Зеравшана и Амударьи[2].

По инициативе генерал-майора А. К. Абрамова в Ягнобскую долину был направлен востоковед А. Л. Кун с задачей сбора этнографических, лингвистических и фольклорных данных. Эта поездка стала поворотным моментом в изучении ягнобского языка и культуры. Помимо непосредственного наблюдения, А. Л. Кун зафиксировал широкий круг сведений о социальной организации, бытовых и религиозных практиках, а также языковых особенностях местного населения, включая уникальные формы ягнобского языка. Его наблюдения дополнялись комментариями и пояснениями, сделанными на таджикском языке секретарём экспедиции А. Мустаджиром[3].

---

[1] Воронец Е. Искандер-Кульская экспедиция в 1870 г. (записки сапёра) // Инженерный журнал. – 1871. – № 5. – С. 586.

[2] Аминов Г. А. Военно-топографические заметки о местности, исследованной Искандер-Кульскою экспедициею в 1870 году: с картой. – СПб., 1873. – С. 5-10.

[3] Ястребова О. М. Документы XIX века из верховьев реки Зеравшан в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки // Восточный сборник / Рос. нац. б-ка. – СПб., 2003. – Вып. 6. – С. 77-123.

Значимым документом, подводящим официальные итоги Искандеркульской рекогносцировочной экспедиции, стал приказ № 258 от 31 июля 1870 года[1], содержит развернутую официальную оценку действий обоих отрядов – Зеравшанского, под началом генерал-майора А. К. Абрамова, и Ура-Тюбинского, возглавляемого подполковником А. Р. Деннетом.

Особое внимание в данном приказе уделялось разбору инцидента, произошедшего в Янги-Саббакском ущелье и на урочище Кумбель. Подполковник А. Р. Деннет подвергся сдержанной, но принципиальной критике за «бесполезное столкновение» с местным населением, которое, по мнению Кауфмана, могло быть предотвращено при условии более внимательной разведки и предварительного изучения обстановки. В частности, в приказе указывается: «Согласно данной ему инструкции, он должен был употребить все возможные меры к избежанию столкновений <…>. В таком случае высланные вперёд джигиты из местных жителей и лазутчики могли бы с большей вероятностью, чем казаки, открыть засаду и своевременно уведомить подполковника А. Р. Деннета <…>»[2].

В приведённом фрагменте отчётливо прослеживается значимость предварительной разведывательной подготовки и опоры на локальные сведения в условиях сложного горного рельефа и политической мозаичности Кухистана. Практика налаживания прочных связей с местным населением нередко становилась решающим фактором, предопределявшим как успешное выполнение, так и неудачу военных операций.

В противоположность этому, действия Зеравшанского отряда, и особенно операция на Куликаланских высотах, удостоились безусловного одобрения. В приказе подчёркнуто: «Движение в верховьях Заравшана было исполнено с совершеннейшей точностью <…> с населением, во многом отличающимся от остальной части подвластных Российской империи областей. Русские войска, проявив великодушие по отношению к мирным жителям и строгость к

[1] Кауфман К. П. Приказ № 258 по войскам Туркестанского военного округа от 31 июля 1870 года // Туркестанские ведомости. – 1870. – № 8 (15 августа). – С. 45-46.
[2] Там же. – С. 45.

изменникам, засвидетельствовали возможность передвижений в местностях, прежде считавшихся недоступными»[1].

Данного оценка отражает ключевые установки колониальной военной политики: демонстрацию мобильности войск, подавление сопротивления и одновременное выражение «дружелюбия» по отношению к лояльным элементам населения. Характерно, что успех экспедиции измерялся не только в тактических категориях, но и в научных терминах. Так же подчёркивается: «Горная страна [т.е. верховья Зеравшана] стала известна многим офицерам и начальствующим лицам как в географическом, этнографическом и геологическом отношениях, так и по части естественной истории. Сведения <…> были собраны лицами, специально для того назначенными при отряде»[2].

Таким образом, сам официальный нарратив отражает институциональное признание научного аспекта экспедиции. Собранные сведения, подчеркнуто, «впервые открыли» ранее неизученную часть Туркестанского края. Такая формулировка свидетельствует о переходе от сугубо военных задач к комплексной разведке территории, в рамках которой научные знания (в том числе этнографические, геологические и зооботанические) становились неотъемлемым элементом имперской политики.

В заключительной части приказа названы имена офицеров и специалистов, отличившихся как в боях, так и в исследовательской деятельности: майор Э. В. Адеркас, капитан Л. Н. Соболев, капитан А. Д. Гребенкин, штабс-ротмистр Г. А. Аминов, поручик Е. Воронец, прапорщик А. М. Старцев, классный топограф Н. П. Скасси и другие. Генерал-губернатор ходатайствовал о представлении наиболее отличившихся к награде, подчеркивая, что «походные движения отрядов и военные действия предлагаю занести в послужные списки участвовавших»[3].

---

[1] Кауфман К. П. Приказ № 258 по войскам Туркестанского военного округа от 31 июля 1870 года // Туркестанские ведомости. – 1870. – № 8 (15 августа). – С. 46.
[2] Там же.
[3] Там же.

В завершение описания Искандеркульской экспедиции в «Дневнике» А. Мустаджира подчёркивается не только трудоёмкость и протяжённость маршрута, но и символическая значимость завершения путешествия. Последний этап экспедиции – возвращение из Пенджикента в Самарканд – охарактеризован как особенно тяжёлый: «В тот же день мы выехали из Пенджикента, преодолели около семи фарсахов пути (приблизительно 42 километра) и прибыли в Самарканд. Это возвращение оказалось особенно тяжёлым»[1]. Несмотря на утомление и лишения, все участники благополучно достигли пункта назначения, что позволило А. Мустаджиру с удовлетворением зафиксировать успешное завершение похода: «Тем не менее все участники благополучно достигли пункта назначения»[2].

Хронологическая четкость заключительных записей подчёркивает систематичность наблюдений автора: от момента отправления 9 мая (седьмого дня месяца сафар 1287 г. х.) до прибытия в Самарканд 14 июля 1870 года (тринадцатого числа месяца раби‘ус-сани). Тем самым зафиксирована общая продолжительность экспедиции – два месяца и шесть дней. Автор подчёркивает эмоциональное состояние участников, указывая, что «все были радостны и удовлетворены, предавшись отдыху»[3], что свидетельствует о значительной психологической нагрузке, сменившейся облегчением и чувством выполненного долга.

Финальная запись «Согласно <…> это произошло четырнадцатого дня месяца раби’ус-сани 1287 года по хиджре (14 июля 1870 года), когда завершилось настоящее повествование о путешествии [экспедиции] русских в горную область Кухистан (то есть в верховья Зеравшана) и к озеру Искандеркуль»[4] имеет не только хронологическую, но и символическую

[1] Мирза Мулла Абдуррахман, сын Мухаммада Латифа Мустаджира. Дневник Искандеркульской экспедиции: [рукопись] // Архив Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург). – № D 133 (609g). – Л. 311a. – № D 134 (609h). – Л. 244a; Мустаджир А. Дневник Искандеркульской экспедиции. – Душанбе, 1989. – С. 176.
[2] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – СС. 175-176.
[3] Там же.
[4] Мирза Мулла Абдуррахман, сын Мухаммада Латифа Мустаджира. Дневник Искандеркульской экспедиции: [рукопись]. – № D 133 (609g). – Л. 311a. – № D 134 (609h). – Л. 244a.; Мустаджир А. Дневник Искандеркульской экспедиции. – Душанбе, 1989. – С. 176.

функцию. Автор тем самым подводит черту под проделанной работой – как собственно экспедиционной, так и описательной. Употребление словосочетания «настоящее повествование» указывает на осознание историко-документальной ценности зафиксированных наблюдений.

В «Дневника» А. Мустаджира содержатся не только маршрутизированные описания продвижения отряда, но и ценные устные свидетельства: рассказы местных жителей о прошлых конфликтах, борьбе за власть в горных бекствах, легендах и обрядах. В отличие от официальных отчётов, эти записи передают живую картину социокультурной среды региона и отражают народную перспективу происходящих событий. А. Мустаджир фиксирует рассказы о междоусобицах между Рахим-ханом, Абдулгаффар-беком, Падшах-ходжой и другими фигурами, представлявшими собой элементы фрагментированной политической структуры Верхнего Зеравшана[1].

Научное значение экспедиции не ограничивалось геодезическими или военно-стратегическими задачами. С участием востоковеда А. Л. Куна она приобрела междисциплинарный характер, сочетавший в себе элементы географии, этнографии, лингвистики и социального анализа. Исследования А. Л. Куна отличались системностью: им были описаны типы поселений, структура местного управления, формы хозяйственной деятельности, а также особенности религиозной и правовой практики. Дополнительную ценность собранным материалам придаёт тот факт, что многие записи сопровождались карандашными пометами самого исследователя и устными пояснениями А. Мустаджира, благодаря чему они приобретают характер подлинных полевых наблюдений.

Часть документов, собранных в ходе экспедиции, была позднее передана в Отдел рукописей Российской национальной библиотеки[2]. Особый интерес представляют тексты, освещающие политическую обстановку в

[1] Мустаджир А. Дневник Искандеркульской экспедиции. – Душанбе, 1989. – С. 80-81.
[2] Ястребова О. М. Документы XIX века из верховьев реки Зарафшан в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки //Восточный сборник. РНБ. – СПБ. - 2003. – Вып. 6. – С. 78-79.

труднодоступных регионах и свидетельствующие о напряжённой борьбе за власть в условиях горного ландшафта[1].

Следует подчеркнуть, что особую ценность в рамках экспедиции представляют материалы, собранные в Ягнобской долине[2]. В условиях географической изоляции удалось зафиксировать ценные образцы ягнобского языка, элементы традиционного права, обрядности и топонимики. Эти данные стали отправной точкой для последующих иранистических и этнолого-лингвистических исследований, посвящённых ягнобцам как уникальной этнокультурной общности.

В совокупности сведения, представленные в «Дневнике» А. Мустаджира, позволяют рассматривать Искандеркульскую экспедицию как комплексное явление, в рамках которого военные, административные и научные задачи не только переплетались, но и взаимно подкрепляли друг друга. Маршрут экспедиции, пролегавший через ключевые горные бекства, сочетал демонстрацию имперской военной мощи с апробацией методов топографической съёмки и полевых этнографических наблюдений. Взаимодействие офицеров, инженеров и учёных, в частности А. Л. Куна, обеспечивало фиксацию уникальных лингвистических, этнографических и топонимических материалов, сохраняющих высокую исследовательскую ценность до настоящего времени.

Экспедиция одновременно подвела итог этапу активных военных действий в верховьях Зеравшана, закрепив присутствие Российской империи на стратегически важных перевалах, и заложила основы систематического академического изучения ранее малоисследованных регионов Кухистана. Именно эта двойственная – военно-административная и научно-исследовательская – природа похода позволяет рассматривать его как

---

[1] Мирза Мулла Абдуррахман, сын Мухаммада Латифа Мустаджира. Дневник Искандеркульской экспедиции: [рукопись]. – № D 133 (609g). – Л. 311a. – № D 134 (609h). – Л. 244a; Мустаджир А. Дневник Искандеркульской экспедиции. – Душанбе, 1989. – С. 176.

[2] См. также: Архив А. Л. Куна (Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН). — Материалы по исследованию «ягноби»: черновые материалы по ягнобскому наречию со сведениями о ягнобском народе, ягнобские тексты, словари и др.; рукопись. – Ф. 33, оп. 1, ед. хр. 68. – 183 л.

показательный пример формирования особой «политики знания» на восточных рубежах империи.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что Искандеркульская экспедиция в интерпретации Абдуррахмана Мустаджира предстает не только как военная операция, направленная на установление контроля над горными бекствами, но и как многоуровневое мероприятие, сочетавшее политические, административные и научные цели. Её ход демонстрирует, каким образом военное продвижение становилось инструментом интеграции труднодоступных территорий в административную систему Зеравшанского округа, тогда как сопутствующие топографические, этнографические и лингвистические исследования выполняли функцию закрепления этой интеграции в пространстве имперского знания.

Взаимодополнение официальных военных сводок и полевых записей А. Мустаджира позволяет реконструировать не только стратегическую логику похода, но и повседневный опыт его участников, а также реакции местных сообществ на приход русской власти. Именно в этой двойственной перспективе – как акта военного освоения и одновременно акта познания – экспедиция занимает особое место в истории колониальной политики Российской империи в Средней Азии. Это, в свою очередь, создаёт основу для рассмотрения её последствий в социально-экономической и культурной сферах региона, чему посвящён следующий раздел.

Таким образом, Искандеркульская экспедиция предстает не только как практическое освоение высокогорного пограничья, но и как значимое научное предприятие, результаты которого сохраняют исследовательскую ценность. Её междисциплинарный характер и сочетание официальных и личных наблюдений делают её редким примером соединения административно-территориального освоения с этнолингвистическим изучением региональных сообществ.

ГЛАВА II. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ВЕРХОВЬЕВ ЗЕРАВШАНА В «ДНЕВНИКЕ»

2.1. Сведения о географических и природно-климатических особенностях региона в «Дневнике Искандеркульской экспедиции»

Верховья Зеравшана представляют собой высокогорный регион, издавна называемый местными жителями Кухистаном (в русскоязычных источниках XIX века часто встречается транслитерация «Когистан», «Кугистан»). Само персидское название, буквально означающее «страна гор», вполне оправдано, поскольку речь идёт о сложной системе хребтов – отрогов Тянь-Шаня, которые с юга и юго-востока ограничивали владения Кокандского ханства, а с другой стороны, отделяли бассейн Зеравшана от верховьев Амударьи[1].

По сути, Кухистан занимает западную часть водораздела между двумя крупнейшими реками Средней Азии – Сырдарьёй и Амударьёй. Его природные границы отличаются отчётливой выраженностью: «на севере расположен Туркестанский хребет, отсекающий Зеравшанскую долину от Ходжентской равнины; на юге протянулась мощная гряда Гиссарского хребта; на востоке находятся ледники, питающие истоки Зеравшана; на западе – ущелье реки Киштут, впадающей в Зеравшан»[2].

По описаниям участников экспедиций, орографическая структура этой горной страны отличается особой сложностью. Через её территорию тянутся хребты преимущественно субширотного простирания, между которыми глубоко врезаны узкие речные долины. Здесь лежит основное русло Зеравшана, а также его притоки – слева Искандердарья, вытекающая из озера Искандеркуль, и Ягноб, справа – Фандарья. Главный водораздел проходит по Гиссарскому

---

[1] См. Аминов Г. А. Военно-топографические заметки о местности, исследованной Искандер-Кульскою экспедициею в 1870 году. – Санкт-Петербург: тип. К. В. Трубникова, 1873. – 105 с.; то же: Аминов П. А. Военно-топографический очерк горной страны верховьев р. Зеравшан // Материалы для статистики Туркестанского края. – Вып. 3. – Санкт-Петербург, 1874. – С. 3-105

[2] Там же. – С. 3.

хребту, от которого на север отходят параллельные отроги, разделяющие долины Кухистана[1].

Рельеф восточной и западной частей заметно различается. На востоке хребты вытянуты и относительно обособлены, образуя стройную, «читабельную» систему. В западной части, особенно в пределах Фальгарского бекства, горные поднятия словно спутаны между собой, «комкуются», создавая впечатление хаотического нагромождения массивов. Высоты постепенно нарастают от северных гряд к южным, Гиссарский хребет заметно выше северных отрогов, а снежная линия на его склонах лежит выше, около 13 тысяч футов (приблизительно 3960 м) против 11 тысяч футов (около 3350 м) на северных хребтах.

Ландшафт верховьев Зеравшана сочетает крутые скалистые склоны с отдельными плато, пригодными для обживания. Долины рек здесь обычно узки, нередко кишлаки и пашни устраиваются прямо на террасированных склонах. По наблюдениям исследователей, лишь ничтожная часть территории, примерно 1/85, пригодна для постоянного проживания и земледелия. Это около 65-77 квадратных вёрст (примерно 74-88 км²) пашен и порядка 121 квадратной версты (138 км²), занятой селениями и садами, при общей площади Кухистана около 6540 квадратных вёрст (7443,72 км²). Такая диспропорция определяет скученность обитаемых участков на фоне огромных пространств труднопроходимых гор[2].

Изучение географических и природно-климатических условий верховьев Зеравшана во второй половине XIX века требует комплексного анализа, основанного на разнообразных источниках, среди которых особое значение имеет «Дневник Искандеркульской экспедиции» Абдуррахмана Мустаджира. Несмотря на отсутствие профессионального географического образования, автор демонстрирует высокий уровень эмпирического наблюдения и стремление к целостному описанию среды, характерные для представителей образованной

[1] Аминов Г. А. Военно-топографические заметки о местности, исследованной Искандер-Кульскою экспедициею в 1870 году. – Санкт-Петербург: тип. К. В. Трубникова, 1873. – СС. 2-3.
[2] Там же.

традиционной элиты. Его текст раскрывает не только топографию, но и функциональную взаимосвязь элементов ландшафта, воспринимаемого как организованное и освоенное пространство.

Ценным дополнением к этим данным служит военно-топографическое обследование барона Г. А. Аминова[1], проведённое в рамках той же экспедиции. Его описание Кухистана как высокогорного региона с резко расчленённым рельефом и выраженной вертикальной поясностью находит отражение и в наблюдениях А. Мустаджира. Система параллельных хребтов, вытянутых с севера на юг, формирует сложную водораздельную структуру, главным образом вдоль Гиссарского хребта. Северные отроги, уступая южным по высоте, играют ключевую роль в распределении осадков и формировании локальных климатических зон[2].

П. А. Аминов подчёркивает резкое увеличение абсолютных высот к востоку и югу, что сопровождается нарастанием континентальности климата и подъёмом снежной границы: «в среднем она располагается на уровне 13 000 футов на южных склонах и около 11 000 футов (3 352,8 м) на северных»[3]. Эта разница обусловлена как экспозицией склонов, так и распределением осадков. Северные склоны, получающие большую долю осадков (в том числе в виде снега), увлажнены и покрыты травами, кустарниками и арчовыми лесами, тогда как южные – более сухие, обнажённые, с резко ограниченной растительностью. Верхняя граница произрастания арчи (можжевельника) служит чётким индикатором микроклиматических условий: «она достигает 9520 футов (2 902,9 м) на южных склонах, тогда как на холодных северных опускается до 7147 футов (2 179,9 м)»[4].

Климат верховьев Зеравшана резко континентальный и более суровый, чем в низинах Зеравшанской долины. Высокогорное положение и окружающие хребты приводят к продолжительной холодной зиме и короткому лету. По

[1] Аминов Г. А. Военно-топографические заметки о местности, исследованной Искандер-Кульскою экспедициею в 1870 году. – Санкт-Петербург: тип. К. В. Трубникова, 1873. – СС. 1-5.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.

наблюдениям экспедиции, уже в августе возможны первые снегопады на высоких участках долин, хотя летний снег быстро тает и не сопровождается устойчивым похолоданием. Наступление же настоящих холодов горцы связывают с началом октября – с этого времени жители прекращают летние кочёвки и спускаются с пастбищ обратно в капитальные зимние помещения. Зимой горные ущелья и пространство до самой реки местами полностью заваливает снегом, особенно на теневых (южных по экспозиции) склонах, что исключает зимовку людей или скота в высокогорных участках. Благодаря этому у местного населения сложился особый сезонный цикл: лето проводят в высокогорных летовках на затенённых склонах, а с наступлением холодов перегоняют скот на противоположные, солнечные склоны, где зимой снег держится меньше.

Зимы в Кухистане отличаются суровостью и продолжительностью. Значительная часть населённых пунктов оказывается отрезанной снежными заносами. Местные жители приспособились к этим условиям посредством сезонной миграции: «в кишлаках жители живут только зимою; летом же они откочевывают в горы»[1]. Это свидетельствует о чётко выраженной вертикальной мобильности, обусловленной как климатом, так и типом хозяйства. Летние пастбища (джайляу), расположенные в более высоких поясах, становятся основным пространством для скотоводства и полуземледельческой деятельности.

Весной, с началом таяния снегов, наступает период интенсивных паводков. Воды Зеравшана, Ягнаба и Фандарьи нередко выходят из берегов, затопляя дороги и изолируя кишлаки. В «Дневнике» экспедиции зафиксирован случай, когда путь по берегу Ягнаба оказался отрезан разлившейся рекой[2]. Таким образом, сезонная изменчивость условий диктовала специфику передвижения, землепользования и размещения жилья.

---

[1] Аминов Г. А. Военно-топографические заметки о местности, исследованной Искандер-Кульскою экспедициею в 1870 году. – Санкт-Петербург: тип. К. В. Трубникова, 1873. – С. 8.

[2] Там же. – С. 9.

П. А. Аминов чётко прослеживает климатическую вертикаль. В низовьях (3000-4000 футов ≈ 900-1200 м.) возможны садоводство и виноградарство – в нижнем Фальгаре ещё сохранялись виноградники, а тутовник использовался для шелководства. Однако уже начиная с Масчинского бекства, садовая растительность резко сокращается. В высокогорных местах, таких как Ягнаб, отсутствуют даже рощи тополя – единственного дерева, сохраняющегося на высотах около 7000-8000 футов (примерно 2 130-2 440 м)[1].

Ограниченность обрабатываемых земель и суровые климатические условия предопределили неравномерное расселение. По данным на 1870 год, в Кухистане насчитывалось 116 кишлаков, из которых 38 приходилось на долину Фальгара, 39 – на Масчинское бекство, 18 – на Фанское, и 21 – на Ягнабское. Население концентрировалось в долинах и вдоль рек, где сохранялись источники воды для орошения. Однако даже в этих относительно благоприятных местах пашни составляли всего 1/85 всей площади – 77,5 кв. верст из 6540. Плотность населения на возделываемой территории достигала 442 человек на одну версту[2]. В результате, основой жизнеобеспечения становилось отгонное скотоводство, дополняемое зимними ремеслами – выделкой кож, бурочной, производством кошем и канатов[3].

Среди ранних географических источников о Кухистане особое значение приобретает труд видного русского исследователя природы и географии Средней Азии первой половины XIX века А. Л. Лемана (1814-1842)[4], в котором зафиксированы географические и геологические особенности долины Зеравшана в пределах Бухарского ханства. Он подчёркивает изолированность горных поселений, их зависимость от гидрологической ситуации и особенностей рельефа. Так, в селе Урметан, расположенном на террасах узкой долины, А. Леман наблюдает садоводство, основанное на местных источниках, а также

[1] Аминов Г. А. Военно-топографические заметки о местности, исследованной Искандер-Кульскою экспедициею в 1870 году. – Санкт-Петербург: тип. К. В. Трубникова, 1873. – С. 6.
[2] Там же.
[3] Там же. – С. 6-7.
[4] См.: Lehmann A. Reise nach Buchara und Samarkand in den Jahren 1841 und 1842. – St. Petersburg: Buchdr. der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1852. – 342 p.

кустарную промывку золота в речных отложениях[1]. В Варзиманоре и Фон он фиксирует ручную промывку золотосодержащих песков и примитивные ирригационные сооружения[2].

Дополнительные сведения содержатся в записях Ф. Богословского[3], Ф. К. Бутенева[4] и Ш.-Э.Уйфальви де Мезоковезд[5] которые указывают на стратиграфическую сложность региона, представленную чередующимися сланцевыми, известняковыми, гранитоидными и угленосными формациями, а также на климатический контраст – от аридных предгорий до зон альпийской флоры.

В «Дневнике» А. Мустаджира географические объекты представлены как элементы взаимосвязанной природной системы. Горные хребты, долины, перевалы и террасированные склоны описываются не изолированно, а как структуры, определяющие маршруты, земледельческую пригодность, наличие пастбищ и водных ресурсов. Рельеф предстает не фоном, а активным фактором социальной и хозяйственной организации.

В «Дневнике» гидрографическая система представлена не как схема водных линий, а как жизнеобразующая структура[6]. А. Мустаджир последовательно описывает крупные и малые водотоки – Зеравшан, Фондарья, Ягноб и их притоки, – отмечая сезонность стока, температуру воды, направление течений и хозяйственное значение. Вода предстает ключевым ориентиром, определяющим структуру поселений, маршруты и формы жизнеобеспечения[7].

Описание гидрологического режима демонстрирует высокий уровень эмпирических знаний автора. А. Мустаджир фиксирует зависимость полноводности от ледникового питания, различия между потоками на солнечных

---

[1] Там же. – С. 114.
[2] Lehmann A. Reise nach Buchara und Samarkand in den Jahren 1841 und 1842. – St. Petersburg: Buchdr. der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1852. – CC. 115-120.
[3] Богословский 2-й. Записка о долине Зеравшана и горах, её окружающих // Горный журнал. – 1842. – Кн. X, ч. 2. – С. 1-22.
[4] Бутенев 2-й, Г. Отчёты о Бухарии: [6 статей] // Горный журнал. – 1842. – Ч. IV, кн. XI. – С. 137-182.
[5] Ujfalvy de Mezo-Kovesd, Ch. E. de. Expédition scientifique française en Russie, en Sibérie et dans le Turkestan. Vol. 1: Le Kohistan, le Ferghana & Kouldja avec un appendice sur la Kachgharie. – Paris, 1878. – 186 p.
[6] См.: Мустаджир А. Дневник Искандеркульской экспедиции. – Душанбе, 1989. – 176 с.
[7] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – СС. 24, 38, 47, 58, 61-62.

и теневых склонах, сезонные паводки. Эти наблюдения согласуются с научными данными Ю. Г. Промптова[1] о полной зависимости водного режима региона от снеготаяния и высокой эрозионной активности склонов в периоды инсоляции.

Вдобавок к описанию природного рельефа, гидрографической сети и климатических условий верховья Зеравшана, А. Мустаджир в своём «Дневнике» демонстрирует особый способ фиксации географической реальности. Его наблюдения не ограничиваются объективными характеристиками местности: напротив, они опираются на опыт прямого взаимодействия с пространством, в котором телесное, эмоциональное и культурное переживание природы становятся равноправными по отношению к картографическим данным. Таким образом, описание географии региона у него приобретает феноменологическое измерение.

В отличие от геодезистов, оперирующих системой координат, стратиграфической классификацией и метрическими измерениями, А. Мустаджир выстраивает своё пространственное описание через призму телесного опыта и сенсорного восприятия окружающей среды. Его подход не сводится к фиксации объективных параметров рельефа: топография в его изложении раскрывается как пережитая, а не измеренная реальность. Так, в одном из эпизодов он отмечает: «Мы выехали из Суджины вместе с армейским отрядом и, пройдя некоторое время, вступили в моста Дупула. Перед нами предстали удивительные и странные виды. В нижнем течении реки возвышается огромная гора. С этой стороны реки перекинут деревянный мост – длиной двадцать газов, шириной два газа. Когда по нему проходит лошадь, мост начинает дрожать. От страха перед рекой сердце человека трепещет, словно ивовый лист. В сопровождении артиллерии и пехотного состава мы переправились пешком, ибо на этом берегу реки был построен мост из обожжённого кирпича, расстояние от воды до его вершины составляет около ста газов»[2].

---

[1] Промптов Ю. Г. Кухистан - страна гор: [Описание маршрута]. – Москва: Физкультура и спорт, 1939. – 224 с.
[2] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 24.

А. П. Федченко подтверждает эту картину, характеризуя верховья Зеравшана как обширное плоскогорье, «прорезанное ущельями», где высоты хребтов, по его словам, сравнительно ровные, без острых вершин, однако долины между ними узки и глубоки. В результате экспедиционное передвижение чаще всего осуществлялось не по пологим тропам, а по каменистым уступам, осыпям и резким переходам, что делало каждую долину своеобразной «горной единицей», изолированной в физическом и логистическом смысле[1].

В описаниях А. Мустаджира, в отличие от рационально-объективирующего подхода, характерного для картографических и топографических описаний, наблюдается опора на телесно-переживательный регистр восприятия. Пространство не схватывается извне, как совокупность координат и объектов, но проходит через тело и эмоции наблюдателя: дрожание деревянного моста, вызывающее страх, сравнение сердцебиения с трепетом ивового листа, подчёркнутая грандиозность горного ландшафта. Подобная фигуративная насыщенность указывает на эмпирически укоренённое, аффективное освоение местности, в котором граница между субъективным и объективным не столько стирается, сколько переосмысляется.

Особое место в этом описании занимает мост – не просто инженерная конструкция, а структура с символической и гносеологической функцией. Он выступает как граница и как переход, как источник тревоги и как испытание. Его дрожь под ногами – не только физическое свойство, но и метафора нестабильности, связанной с переходом между состояниями, территориями, условиями. В то же время гора, вознесённая над течением реки, предстает не как геологическая константа, а как визуально-эмоциональная ось рассказа, своего рода вертикаль смысла, организующая повествование. Таким образом, топография в изложении А. Мустаджира неотделима от аффективной и символической динамики движения, где каждый элемент ландшафта вовлечён в смыслопорождающий процесс.

[1] Федченко А. П. Заметка о верхнем Зеравшане // Материалы для статистики Туркестанского края. – СПб., 1873. – Вып. 2. – С. 49-52.

В описаниях А. Мустаджира обращает на себя внимание использование локальных единиц измерения – санг (камень) [1], газ[2], қадам (шаг), ваджаб[3] – которые указывают на бытийную связанность пространства с практикой – труда, передвижения, межселенных связей. В таком ракурсе география предстает как часть культурной антропологии.[4]

Однако при всей этой повседневной укоренённости «Дневник Искандеркульской экспедиции» демонстрирует и другое измерение – стремление к научной систематизации наблюдаемого. Наряду с эмпирическим, телесно переживаемым восприятием, в тексте последовательно проводится линия топографической точности. А. Мустаджир чётко фиксирует границы обследуемой территории, опираясь на природные ориентиры – перевалы, речные долины, водоразделы и ущелья. Этот способ описания сближает его нарратив с приёмами научного картографирования и геодезической съёмки.

С первых же описаний А. Мустаджир подчёркивает, что населённые пункты в горах располагаются преимущественно в узких долинах рек или на террасах склонов. Так, о селение Суджина он пишет: «В этом населённом пункте (т.е. Суджина. – О. А.) проживают около трёхсот хозяйств. Все они занимаются земледелием и овцеводством <…>»[5]. Указание на число дворов и на специализацию жителей подчёркивает тесную зависимость расселения от наличия воды и от участков склонов, пригодных для полива и выпаса. Особую роль в пространственной организации играет чередование зимних поселений в долинах и летних пастбищ на высокогорье. А. Мустаджир фиксирует, что на вершинах гор расположены сезонные пастбища скота (айлаки): «На вершине этой горы (т. е. Тангатобтӣ. – О. А.) находится пастбище (айлоқ) барлос, все его обитатели – зажиточные овцеводы»[6]. Это наблюдение о перегоне скота на летние

[1] Санг, фарсанг – Единица измерения расстояния, равная примерно 6 километрам.
[2] Газ – Единица измерения длины, равная примерно 106,68 см для расстояний и 61 см для ткани.
[3] Ваджаб (вачаб) – традиционная таджикская антропометрическая мера длины, определяемая как расстояние между кончиками большого пальца и мизинца раскрытой кисти руки (при максимальном отведении пальцев), приблизительно 19-23 см.
[4] См.: Мустаджир А. Дневник Искандеркульской экспедиции. – Душанбе, 1989. – 176 с.
[5] Там же. – С. 22.
[6] Там же. – С. 23.

горные пастбища согласуется с данными А. Д. Гребенкина, отметившего существование обширных летников на Фальгарском плато и решающую роль вертикальной мобильности населения в традиционном хозяйстве[1]. Горцы детально знали сезонные ритмы и топографию местности: такое знание позволяло им эффективно использовать разновысотные пастбища и поля, формируя специфическую систему природопользования.

Следуя маршруту Искандеркульской экспедиции, А. Мустаджир неоднократно описывает географические объекты сквозь призму их хозяйственной значимости, что отражает традиционное представление о ландшафте как функционально освоенном пространстве. Так, при прохождении участка к селению Суджина он фиксирует экстремальные условия передвижения, подчёркивая необходимость коллективных усилий при преодолении труднопроходимого рельефа: «Подъём на этом отрезке крутизной около двухсот шагов. Тюки обвязали верёвками, и около двадцати человек спереди и двадцати сзади натягивали и притормаживали грузы при спуске»[2]. Данный эпизод ярко иллюстрирует не только физическую сложность передвижения по горному региону, но и практики адаптации к нему, основанные на слаженности и координации внутри экспедиционного коллектива.

По прибытии в кишлак Суджина А. Мустаджир обращает внимание на характер хозяйственной деятельности местного населения: «<…> мы продвигались с помощью тюры (солдаты) и прибыли в деревню Суджина. се жители этого селения владеют фермами и овцами, за которыми заботливо ухаживают. Верховья Суджины берут своё начало от перевала Дукдон <…>»[3]. По-видимому, автор стремился показать не только пространственное положение деревни и её гидрографическую привязку к перевалу Дукдон, но и устойчивые формы хозяйственного уклада, опирающегося на использование водных ресурсов и сезонную мобильность.

---

[1] Гребенкин А. Д. Заметки о Когистане // Туркестанские ведомости. – 1872. – № 21 (29 мая). – С. 83-85.
[2] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 23.
[3] Там же. – С. 23.

На основании наблюдений, зафиксированных в «Дневнике Искандеркульской экспедиции», можно очертить пределы исследованного региона как систему взаимосвязанных долин верхнего Зеравшана с прилегающими высокогорными плато, ограниченными хребтами Памиро-Алая. Территория экспедиции протянулась примерно на 100 вёрст с запада на восток, что находит подтверждение и в характеристике А. П. Федченко: «Посещенная нами страна представляет весьма массивное поднятие, тянущееся почти строго с востока на запад <…> ширина массива – более 100 верст»[1].

Сопоставление этих данных с наблюдениями А. Д. Гребенкина, также участника Искандеркульской экспедиции, позволяет дополнить картину локального ландшафта. Проезжая ту же территорию, А. Д. Гребенкин фиксирует резкий подъём на нижнюю террасу гор, сложенную конгломератами, и описывает её как левобережный вал, постепенно понижающийся к уступу верхней террасы. Очевидно, что данная конфигурация рельефа, по его мнению, сформировалась в результате длительного противостояния течения Зеравшана и твёрдых горных пород, что вынудило реку менять направление и образовывать систему островов и рукавов. Он отмечает, что наличие родников вблизи уступа способствовало появлению здесь дворов и саклей, что подчёркивает взаимозависимость геоморфологических условий и расселения[2].

Судя по приведённым данным, можно заключить, что в трактовке А. Мустаджира акцент сделан на человеческом освоении Суджина – земледелии, пастбищах, перегонке скота, – тогда как в описании А. Д. Гребенкина более рельефно выражен геоморфологический и гидрологический контекст, объясняющий причины размещения населённых пунктов, водопоев и мостов именно в этих точках. Описание конгломератных уступов, пещер и моста Ду-

[1] Федченко А. П. Заметка о верхнем Зеравшане // Материалы для статистики Туркестанского края / под ред. Н. А. Маева. – СПб.: Типография К. В. Трубникова, 1873. – Вып. 2. – С. 49-52.
[2] См.: Гребенкин А. Д. Заметки о Зеравшанской долине // Туркестанские ведомости. – 1873. – № 7 (13 февр.). – С. 26.

Пула[1], построенного в 1806 г. вдовой Шарифой, дополняет реконструкцию маршрута важными данными о состоянии инфраструктуры середины XIX в[2].

Так, при переходе через один из перевалов между Суджиной и Дупулой он писал: «крутизна подъёма составляла около 200 шагов, и грузы пришлось спускать коллективно на верёвках»[3].

Подобная характеристика рельефа подтверждается и при описании других участков маршрута. Так, в селениях Даштикози и Киштут «Дневник» фиксирует типичный для горных местностей V-образный профиль долин. «Правую сторону ущелья называют рекой Киштут <…>, расстояние между двумя горами в этом месте около двух тысяч шагов»[4]. Здесь пространственные наблюдения сочетаются с точным измерением ширины ущелья, а топография вновь предстает как элемент, непосредственно влияющий на восприятие и освоение местности.

Эмпирические наблюдения А. Мустаджира находят подтверждение в научных работах А. Д. Гребенкина, который характеризовал Кухистон как «покрытый рядом горных хребтов, идущих почти с востока на запад <…>. Все они выходят из одного главного, весьма мощного хребта»[5]. Такая структура рельефа порождает сложную сеть продольных и поперечных ущелий, формируя территорию, труднопроходимую и фрагментированную на изолированные горные отрезки с ограниченными междолинными связями.

Следует отметить, что образ ландшафта как внешне монолитного, но внутренне глубоко расчленённого неоднократно подчёркивается в «Дневнике» А. Мустаджира. Так, описывая преодоление ущелий Рарза и Табушна, автор акцентирует исключительную труднопроходимость маршрута: «[Идём]

---

[1] По-видимому, автор «Дневника» стремился зафиксировать не только сам факт возведения моста Ду-пул («два моста») — места на р. Зеравшан выше кишлака Суджина, где переброшены деревянный и каменный мосты. Абдуррахман Мустаджир в «Дневнике Искандеркульской экспедиции» отметил мраморную плиту с надписью почерком сулс, воспевавшей Шарифу, дочь Авазбая, построившую мост через Зеравшан. Слово «пул-и-ахрит» («мост вечности») обозначает дату 1233 г. хиджры (1817 м).

[2] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 23.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же.

извиваясь, ударяясь о горные камни, с превеликими муками и страданиями <…>»[1].

Подобные образные описания каменистых осыпей, крутых серпантинов и затруднённого продвижения по ущельям отражают не только физическую сложность маршрута, но и структурную фрагментарность рельефа. Пространство предстаёт в них не как абстрактный географический объект, а как телесно переживаемая среда, воспринимаемая через усилие, боль и напряжение движения. Таким образом, у А. Мустаджира топография сопрягается с аффективной географией, в которой тело становится основным инструментом познания ландшафта.

Подобное восприятие пространства находит перекличку в свидетельствах других участников Искандеркульской экспедиции. Так, А. П. Федченко, опираясь на эмпирические наблюдения и географическую терминологию своего времени, подчёркивает: «Горные ущелья между хребтами узки и круты; долины, по которым текут реки, чрезвычайно тесны – это скорее расщелины»[2]. В этих сжатых формулах содержится та же идея внутренней расчленённости горного массива, которая проходит через дневниковые записи А. Мустаджира.

При этом, в отличие от А. П. Федченко, А. Мустаджир уделяет внимание не только труднопроходимости ущелий, но и геологическим характеристикам рельефа. Он отмечает рыхлый, обломочный субстрат, особенно в местах ледников и перевалов: «мелкораздробленные камни»[3]. При описании Зеравшанского ледника (25 мая 1870 г.) он упоминает старые снежники, талые потоки и сезонные изменения снежного покрова. Эти наблюдения свидетельствуют о глубоком чувстве геоморфологической динамики даже при отсутствии специальной терминологии и указывают на эмпирическое понимание процессов стратификации и подвижности ландшафта.

---

[1] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 10-11, 33-41; 77-79 и др.
[2] Федченко А. П. Заметка о верхнем Зеравшане // Материалы для статистики Туркестанского края. – СПб., 1873. – Вып. 2. – С. 50.
[3] См.: Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – СС. 44, 46, 53, 60, 121.

Сопоставление наблюдений А. Мустаджира с данными русских географов позволяет обобщённо охарактеризовать орографию региона как чередование мощных хребтов и глубоких долин, где рельеф складывается из платообразных возвышений с крутыми склонами и локальных межгорных плато. Эта структура имеет не только физико-географическое, но и пространственно-антропологическое значение: она определяла конфигурацию путей сообщения, сезонную мобильность и характер расселения. Хребты выступали как естественные барьеры, сдерживавшие перемещения, тогда как ключевые перевалы – Дукдон, Калламардак, Карашакшак, Зидди, Гупарда, Анзоб, Шутургардан, Филмоват и др. – играли роль стратегических узлов доступа вглубь Кухистона.

Наряду с этим, важную роль в организации горного пространства играли террасированные межгорные плато, в частности территория Фальгарского бекства. Подобные участки создавали ограниченные, но критически значимые условия для ведения оседлого земледелия и скотоводства, выступая в качестве локальных центров хозяйственной устойчивости в условиях фрагментированного и труднодоступного рельефа. Представление о такой локализованной освоенности при общей труднопроходимости массива находит параллель как в наблюдениях А. Мустаджира[1], фиксировавшего наличие пригодных для земледелия участков между тесно смыкающимися горами, так и в оценках А. Д. Гребенкина, подчёркивавшего исключительную ценность редких платообразных расширений в структуре горного ландшафта[2].

На фоне анализа природных условий особое значение приобретает гидрографическая сеть, придающая долинной системе внутреннюю связность. В «Дневнике» А. Мустаджира вода выступает не только как часть ландшафта, но и как основа пространственного мышления. Почти каждый этап маршрута сопровождается наблюдениями за водотоками – от рек до арыков. Автор

[1] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – СС. 93-94.
[2] Гребенкин А. Д. Заметки о Когистане // Туркестанские ведомости. – 1872. – № 24 (19 июня). – С. 95-96.

фиксирует сезонные колебания, температуру, прозрачность воды, её хозяйственное значение и связь с топонимикой[1].

Так, описывая долину Суджины, он подчёркивает водосборную функцию: «Вода выше реки Суджина поступает с перевала Дукдон <…> и впадает в реку Зеравшан»[2]. Эта цепочка – от истока к магистральному течению – демонстрирует восприятие гидрографии как динамической системы, объединяющей ландшафт и хозяйственную жизнь.

Ключевым гидрографическим узлом, зафиксированным в «Дневнике Искандеркульской экспедиции», выступает озеро Искандеркуль, которое А. Мустаджир характеризует как важный природный и климатический ориентир региона. В его описании подчеркиваются как живописные ландшафты, окружающие озеро, так и его климатические особенности, включая влияние высоты и ледникового питания. Особое внимание автор уделяет вытекающей из озера Искандер-Дарье, указывая на её связь с более широкой гидрографической системой, включающей бассейн Ягнаба[3]. Подобное понимание взаимосвязи ледников, озера и речной системы получает подтверждение в работах А. П. Федченко, который на основании собственных наблюдений писал: «Эти реки берут начало из огромных ледников <…> соединяясь в озере Искандер-Куль»[4]. В обоих источниках Искандеркуль предстает не просто топографическим объектом, но и ключевым гидрологическим узлом, аккумулирующим сток с ледников Фанских гор и организующим распределение водных потоков в системе Кухистана.

Детальное обследование озера, проведённое одним из участников экспедиции – П. А. Аминовым, позволило зафиксировать ряд его ключевых характеристик. Искандеркуль расположен на высоте около 6800 футов (приблизительно 2070 м) над уровнем моря, в котловине, окружённой крутыми

---

[1] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 132-133; 138.
[2] Там же. – С. 22.
[3] См: Мустаджир А. Дневник Искандеркульской экспедиции. – Душанбе, 1989. – С. 128-132; Маллицкий Н. Г. Ягнобцы // Известия Туркестанского отдела Русского географического общества. – Т. XVII. – Ташкент, 1924. – С. 165-178.
[4] Федченко А. П. Заметка о верхнем Зеравшане // Материалы для статистики Туркестанского края. – СПб., 1873. – Вып. 2. – С. 50.

горами. Площадь зеркала оценивается в 4-6 кв. верст (приблизительно 3 км²), максимальная глубина достигает 81 сажени (~173 м). Температура воды в середине июня, в период пребывания отряда на озере, составляла +8 °R (~10 °C); рыба в нём отсутствовала. На северной оконечности отмечена густая роща из тополей и берёз, а склоны гор покрыты арчой (среднеазиатским можжевельником). Озеро питается несколькими горными реками (Обикантат, Ходжа-Пешовар, Каракуль и др.), берущими начало на ледниках, а вытекающая Искандердарья формирует живописный водопад на выходе из котловины[1].

В описании реки Киштут А. Мустаджир акцентирует внимание на её мощном течении, сезонных колебаниях уровня и особенностях прибрежной флоры. Эти эмпирические наблюдения находят подтверждение в научных выводах А. П. Федченко, классифицировавшего реки Кухистана как ледникового происхождения, с резкой сезонной динамикой стока. Важной составляющей местной географической терминологии становятся понятия «офтобрӯя» (солнечный склон) и «соярӯя» (теневой склон), обладающие не только описательной, но и прикладной ценностью. Эти термины служили ориентиром при выборе участков для земледелия, размещения селений и навигации в сложнорасчленённой горной местности. А. Д. Гребенкин также подчёркивал их значение как ключевых категорий народной топографии, обеспечивавших адаптацию к ландшафтной и климатической неоднородности региона[2].

Гидрологические наблюдения А. Мустаджира, сопоставленные с данными А. П. Федченко, А. Д. Гребенкина, Г. А. Арандаренко[3] и Д. К. Мышенкова, позволяют утверждать о полной зависимости жизнедеятельности в Кухистане от сезонного таяния снегов и ледников. В «Дневнике» систематически фиксируются паводки, внезапные разливы и сложности при переправах, что

---

[1] Аминов Г.А. Военно-топографические заметки о местности, исследованной Искандер-Кульскою экспедициею в 1870 году. – Санкт-Петербург: тип. К.В. Трубникова, 1873. – С. 21.

[2] См.: Гребенкин А. Д. Заметки о Зеравшанской долине // Туркестанские ведомости. – 1873. – № 7 (13 февр.). – С. 26-27.

[3] См.: Арандаренко, Г. А. Досуги в Туркестане. 1874-1889 / Г. А. Арандаренко; пер. с дореф. орфографии С. Л. Борошко, Л. В. Божинской-Арандаренко. – Душанбе: Адиб, 2024. – СС. 281-288.

подчёркивает не только хозяйственную, но и маршрутообразующую роль водных потоков. Высокая эрозионная активность, мутность воды, обилие гальки и рыхлого аллювия в руслах свидетельствуют об интенсивности гидродинамических процессов. Эмпирические сведения находят прямые параллели в выводах Г. Д. Романовского[1] и Ю. Г. Промптова[2], рассматривавших всю гидрологическую систему Кухистана как зависимую от снегово-ледникового питания.

Гидрология у А. Мустаджира тесно связана с климатом. Переходы через перевалы сопровождаются описаниями холода, дождей, снежных зарядов, резкой смены погоды. Так, преодоление в селение Вешаба и Табушна описано как физически изнуряющее испытание: «Вместе с солдатами и всем войском, спешившись, коней гнали пред собою <…>. Затем, пройдя по высокогорной дороге расстояние приблизительно в полкамня, претерпевая бедствия и лишения, многие остались [позади] и устали, достигли мы места [Зероби Зироват] и увидели, что там камни были нагромождены»[3]. Повторяющиеся задержки в пути из-за ливней, паводков и снегопадов подчёркивают нестабильность высокогорного климата, подчинённого высотной поясности и сезонности.

А. П. Федченко отмечал, что летом значительная часть местного населения откочёвывает на высокогорные пастбища, где климат мягче: «<…> по ущельям, на высоте 8-10 тысяч футов, разбросаны их летовки <…> растительность роскошна, высокая сочная трава образует отличные луга»[4]. Указанные им высоты (около 2400-3000 м) соответствуют субальпийскому поясу. А. Мустаджир также описывает, как с потеплением горцы перегоняют стада наверх, в айлаки, а осенью возвращаются вниз. В мае 1870 г. А. Мустаджир

[1] См.: Романовский Г. Д. Геологический характер Сарвадинского угольного образования в Зеравшанском округе. Таблицы: IX в X. [Из Записок Императорского Минералогического Общества]. // Туркестанский сборник. Том 332. – С. 276-296.
[2] См.: Промптов, Ю. Г. Кухистан – страна гор: [описание маршрута]. – Москва: Физкультура и спорт, 1939. – С. 5-10.
[3] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 41.
[4] Федченко А. П. Заметка о верхнем Зеравшане // Материалы для статистики Туркестанского края / под ред. Н. А. Маева. – СПб.: Типография К. В. Трубникова, 1873. – Вып. 2. – С. 50.

наблюдал начало этого процесса, что упоминается в связи с пастбищами. Кроме того, «Дневник» фиксирует фенологические явления: в каком месяце появляются цветы и трава, когда начинается посев. Так, при описании горы Суфизок (начало июня) отмечено наличие весенних полей: «весной [здесь] сеяли пшеницу»[1]. Таким образом, высотная поясность климата оказывает влияние не только на распределение природной растительности, но и на сельскохозяйственный календарь местного населения. Весенние посевы возможны лишь на террасах, освободившихся от снежного покрова, тогда как летние кочевья и скотоводческие стоянки приурочены к альпийским и субальпийским лугам, покрытым густой зеленью в короткий вегетационный период.

При этом орографические особенности горного рельефа – экспозиция склонов, форма и направление хребтов – во многом определяют локальные климатические условия. Ещё А. Д. Гребенкин указывал на то, что южные склоны Когистана выше северных, а западные области представляют собой более монолитную массу, не изрезанную глубокими разломами[2]. Такая структура способствует формированию относительно устойчивых микроклиматов на протяжённых межгорных плато: здесь меньше резких погодных колебаний, вегетационный сезон длится дольше, создаются более благоприятные условия для земледелия и садоводства.

В отличие от высокогорных местностей, характеризующихся ограниченной циркуляцией воздушных масс, Зеравшанская долина отличается выраженной метеорологической динамикой, обусловленной резко расчленённым рельефом. Узкие долинные участки способствуют усилению скорости ветра, придавая ему порывистый характер, а смена погодных условий здесь происходит с высокой интенсивностью.

Хотя А. Мустаджир не приводит точных метеоданных, его наблюдения фиксируют резкий климатический контраст между нижними долинами и

---

[1] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 40.

[2] См.: Гребенкин, А. Д. Заметки о Когистане // Туркестанские ведомости. – 1872. – № 21 (29 мая). – С. 83.

перевальными зонами. В населённых пунктах Ёри, Кум, Дардар, Зеробод, Варзиманор и др. формируются устойчивые оазисы с благоприятными условиями для земледелия, тогда как верхние участки характеризуются наледями, порывистыми ветрами и ночными заморозками даже весной.

Наблюдения за биоклиматическими индикаторами, зафиксированные А. Мустаджиром, позволяют проследить чёткую зависимость между высотной поясностью и распределением растительных и животных сообществ. Так, описывая долины Киштута и Джижикруда, он отмечает: «Деревья в тех горах (Киштудак) – всё арча (можжевельник) да тополь <…> Звери – волк, лиса <…> птицы – журавль, кеклик, соловей <…>»[1].

Преобладание арчи (*Juniperus*) свидетельствует о климате субальпийского пояса с умеренно холодными условиями, тогда как упоминание кеклика (*Alectoris chukar*) и уларов (*Tetraogallus*) характерно для горностепных и скальных ландшафтов[2].

Эти данные находят подтверждение в работах других исследователей. А. П. Федченко, например, указывал верхнюю границу распространения винограда (*Vitis vinifera*) – около 5800 футов (~1760 м), выше которой возделываются лишь более холодостойкие культуры. Записи А. Мустаджира согласуются с этим наблюдением: в селении Ёри (приблизительно 2000 м) он упоминает сады с абрикосом (*Prunus armeniaca*), платаном (*Platanus orientalis*) и тутом (*Morus*), тогда как в верхних частях долин преобладают можжевельники кустарниковые заросли, типичные для высокогорий[3].

Особый интерес представляют свидетельства А. Мустаджира о многолетних снегах и ледниках. В записи от 25 мая он образно описывает гора село Вашана: «Здесь есть снега вековые и двухвековые, которые, словно черви, извиваются <…>», поясняя, что летом эти «черви» тают, питая реку Зеравшана[4].

---

[1] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 27.

[2] См.: Федченко А. П. Топографический очерк Зеравшанской долины и заметки о соседних бекствах и памятниках Самарканда // Путешествие в Туркестан. – М.: Географгиз, 1950. – С. 127-148.

[3] См.: Федченко А. П. Краткий отчет о путешествии в бассейн Верхнего Зеравшана (в июне 1870 г.) // Путешествие в Туркестан. – М.: Географгиз, 1950. – С. 160-161.

[4] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 28-29.

А. П. Федченко в научной форме подтверждает эту связь между старыми снегами, ледниками и весенним стоком[1].

А. Мустаджир в «Дневнике» оставил подробное описание Зеравшанского ледника, отмечая как его физико-географические характеристики, так и локальные топонимические данные: «Пройдя некоторое расстояние вдоль реки, достигли мы места, где впереди выступила гора. Всё там покрыто снегом и льдом. Узрели мы, что из-под той земли вытекает река Зеравшан; именуют её ледниковым языком и ледником потому, что существует он четыре–пять тысяч лет, а то и более. На старый снег ежегодно выпадает новый, увеличивая толщу. Поверх этого ледника расстояние составляет семь камней. По ту сторону его находится Коксу, а за Коксу – Киргизия, подчинённая Каратегину. Справа от ледника расположен перевал Ярахч; путь по леднику до него составляет три камня и более. Слева – перевал Рама, ведущий в местность Чоркух и Воруха, подчинённую Коканду; длина ледника в этом направлении достигает четырёх камней и более. Снега на горах неисчислимы. Зимой толщина снежного покрова на поверхности ледника, по оценке, составляет 60-70 ваджабов (т.е. около 12,5-15 метров). Летом, если жара сильная, до зимы остаётся 2-3 ваджаба, при слабой жаре – 6-7. После летнего таяния в леднике образуются трещины, именуемые тараканами <…>; встречаются и такие, что не превышают одного ваджаба в ширину. Эти разломы сохраняются до конца осени, а с выпадением нового снега заполняются и затвердевают. Поверхность ледника имеет как возвышения, так и понижения, трещины же – неизмеримой глубины.

От истока воды, т. е. Зеравшанского ледника, до местности Оббурдан тянутся горы, сложенные сплошь из снега и льда; на их вершинах застыли фирн и лёд. Вместе с войском и вьючными животными мы спустились на открытое место у берега реки, заночевали, осмотрели окрестности и, воздав хвалу Божественному могуществу, исследовали исток Зеравшана. Оба склона ледника – высокие горы: один находится на теневой, другой – на солнечной стороне.

[1] См.: Федченко А. П. Заметка о верхнем Зеравшане // Материалы для статистики Туркестанского края. – СПб., 1873. – Вып. 2. – С. 51-52.

Каждая из этих гор имеет по 20-30 ручей, по рельефу соответствующих оврагам, из которых талая вода проходит под толщей ледника, собираясь в единый поток у его устья»[1].

Приведённые наблюдения имеют ценность как для физической географии, так и для реконструкции представлений местного населения о леднике. Они задают исходный контекст для анализа геологических характеристик региона, выполненного специалистами Искандеркульской экспедиции. Так, в петрографическом описании Д. К. Мышенков отмечал: «Окрестные горы большей частью состоят из кремнистого сланца, круто поднятого <…> и местами пласты его не только стоят вертикально, но и опрокинуты сами на себя»[2]. Эта характеристика указывает на зоны тектонической инверсии[3] и интенсивного складкообразования, типичные для областей сильной деформации земной коры. Ниже кремнистых пород прослеживаются выходы талькового сланца, что свидетельствует о полицикличном метаморфизме[4] и, вероятно, докембрийском возрасте нижних горизонтов.

Петрографическая картина дополняется выявленными выходами гранитов и известняков каменноугольного периода; в частности, граниты зафиксированы вблизи мазара Ходжа Абу Муса аль-Ашари. Сочетание интрузивных и осадочных пород в пределах одного разреза отражает сложность глубинного фундамента и наличие мощных дизъюнктивов[5]. Не менее показателен пласт третичных отложений, который, по наблюдениям автора, тянется от Оббурдана до Чупанатинских высот, образуя непрерывную стратиграфическую полосу[6].

---

[1] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 81-83.

[2] Мышенков Д. К. Геологические заметки из дневника по экспедиции в верховья Зеравшана // Туркестанские ведомости. – 1870. – № 8 (15 авг.). – С. 47; а также: Мышенков Д. К. Геологические заметки из дневника по экспедиции в верховья Зеравшана. Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник / Под ред. Н. А. Маева. – Вып. II. – СПб.: Издание Туркестанского Статистического Комитета, 1873. – С. 133-138.

[3] ***Тектоническая инверсия*** – процесс, при котором ранее сформированные геологические структуры испытывают обратное по направлению перемещение или деформацию (например, изменение нормальных разломов на обратные), что связано с изменением тектонического режима.

[4] ***Полицикличный метаморфизм*** – многократное воздействие различных метаморфических факторов (температура, давление, флюиды) на одну и ту же породу в течение разных геологических циклов.

[5] ***Дизъюнктив*** – крупное разрывное нарушение в земной коре (разлом, сброс, надвиг), сопровождающееся смещением блоков горных пород.

[6] Мышенков Д. К. Геологические заметки из дневника по экспедиции в верховья Зеравшана. Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. – Вып. II. – СПб., 1873. – С. 133-138.

Особое значение имеет выдвинутая Д. К. Мышенковым гипотеза о расположении главной оси поднятия: «Ось поднятия проходит западнее продольной долины Зеравшана и не параллельно ей»[1]. Такое положение объясняет асимметрию речной сети, при которой левобережные притоки отличаются большей полноводностью и протяжённостью, а поперечные долины – большей шириной и глубиной. Судя по этим данным, тектонический подъём выступает определяющим фактором, формирующим морфологию и гидрографию территории.

Изучение геологической структуры региона сопровождалось наблюдениями за гидрологическим режимом рек. Участники Искандеркульской экспедиции зафиксировали значительные сезонные колебания уровня воды, обусловленные режимом таяния снегов и ледников. П. А. Аминов выделил три пика половодья Зеравшана: первый – в середине марта-апреле (вследствие схода низовых снегов и дождей); основной – в конце мая-июне (массовое таяние вечных снегов на вершинах); и третий, менее выраженный, – в сентябре (таяние свежевыпавшего осеннего снега и осенние дожди). В период основного таяния уровень реки поднимается на 10-15 футов (3-4,6 м)[2].

Локальные наблюдения о состоянии ледников, полученные Д. К. Мышенковым со слов жителей, указывают на общее понижение их уровня. Несмотря на устный характер этих сведений, они представляют ценность как элемент историко-географической памяти, фиксирующий признаки деградации оледенения. Тем самым они формируют важное звено между описаниями А. Мустаджира, выполненными с позиции очевидца, и более системными исследованиями гляциологов, которые в конце XIX в. приступили к детальному картографированию и измерениям ледников Зеравшана.

Наибольший объём гляциологических данных о Зеравшанском леднике был собран участниками данной экспедиции. Так, Д. К. Мышенков оценивал его

---

[1] Мышенков Д. К. Геологические заметки из дневника по экспедиции в верховья Зеравшана. Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. – Вып. II. – СПб., 1873. – С. 133-138.

[2] Аминов Г. А. Военно-топографические заметки о местности, исследованной Искандер-Кульскою экспедициею в 1870 году. – СПб.: Тип. К. В. Трубникова, 1873. – С. 18-20.

длину примерно в 56 вёрст (около 60 км), а капитан Л. Н. Соболев определил высотное положение в 2740 м над уровнем моря при общем направлении с востока на юго-запад и развитой системе боковых притоков[1]. Поверхность ледника, покрытая моренными отложениями, отличается неровным рельефом с характерными коническими возвышениями, образованными в результате суффозии и таяния. По устным сведениям, боковые ледники в прошлом спускались значительно ниже, что позволяет заключить о начале деградации ледниковых масс уже к концу XIX в. Здесь прослеживается тема климатической изменчивости, которая впоследствии станет ключевой в работах последующих исследователей.

Через десять лет после Искандеркульской экспедиции более детальное обследование ледника провёл В. И. Мушкетов[2]. Он характеризовал его как трансграничный (Jochgletscher), питаемый мощным фирновым цирком на высоте 13 500-14 000 футов (около 4100-4250 м), охватывающим хребты Гиссар и Алай. По его данным, основной ствол имел протяжённость 24 вёрсты (примерно 25 км) с понижением от 4270 до 2750 м. Исследователь обращал внимание на морфологическое различие правобережных и левобережных ледников, отмечая, что первые отличались большей протяжённостью и устойчивостью, что, по его мнению, указывает на их более древнее происхождение. Поверхность главного ледника была покрыта густой сетью морен – до тридцати параллельных валов на ширине около полутора вёрст (приблизительно 1,5 км), создающих впечатление каменного плато. Уже на уровне морфологического анализа, таким образом, фиксируется разрыв между результатами кратковременных наблюдений и долговременной динамикой ледниковых масс[3].

---

[1] Мышенков Д. К. Геологические наблюдения во время Зеравшанской экспедиции // Записки Императорского Русского географического общества по общей географии. – 1871. – Т. 4. – С. 270-271.

[2] См.: Мушкетов, И. В. Геологическая экспедиция на Зеравшанский ледник // Известия Императорского Русского географического общества / под ред. В. И. Срезневского, Л. В. Очкинского. – 1887. – Т. 17. – СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко, 1887. – С. 79-124; а также: Мушкетов И. В. Памиро-Алай. Экспедиция на Зеравшанский ледник (Дневник 1880 г.) // Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 г. по 1880 г.: в 2 т. – Т. 2. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1906. – С. 237-260.

[3] Там же.

В. И. Мушкетов подробно описал формы ледникового рельефа – ледяные столы, борозды, террасы, водопады, «ледяные стаканы» и мутные ручьи с каскадами, подчёркивая активность процессов таяния и переноса обломочного материала[1]. Особое внимание он уделил признакам деградации ледника, поскольку конечные морены отстоят примерно на пятьдесят вёрст ниже современной его границы, особенно в селениях Пальдорака, Диаминора и Вадифа.

Их горизонтальная расчленённость при незначительном перепаде высот, по его мнению, свидетельствует о резком сокращении ледника в длину – в противовес наблюдениям Д. К. Мышенкова, фиксировавшего признаки его наступания[2]. Это расхождение в интерпретациях отражает нестабильность ледниковой динамики и предполагаемую цикличность оледенения Кухистана в XIX в., что в научном плане важно для оценки влияния климатических и тектонических факторов.

В итоговом анализе И. В. Мушкетов рассматривал деградацию ледников как часть общего процесса «осушения» Средней Азии, включавшего снижение уровней озёр и отступание оледенения на Памире, Алае и Тянь-Шане[3]. Он связывал это с климатическими особенностями региона, среди которых резкая континентальность, высокая инсоляция, низкая влажность и значительные суточные амплитуды температур. По его наблюдениям, август являлся оптимальным временем для полевых работ, поскольку в этот период количество осадков минимально, а снеговая линия поднимается на наибольшую высоту[4]. Дневная температура достигала +30 °C, ночные заморозки – до − 6 °C, что типично для высокогорных условий и подтверждает контрастность, о которой образно писал А. Мустаджир[5]. Таким образом, природно-климатическая

[1] Мышенков Д. К. Геологические наблюдения во время Зеравшанской экспедиции // Записки Императорского Русского географического общества по общей географии. – 1871. – Т. 4. – С. 285.
[2] Там же.
[3] Мушкетов И. В. Геологическая экспедиция на Зеравшанский ледник // Известия Императорского Русского географического общества / под ред. В. И. Срезневского, Л. В. Очкинского. – 1887. – Т. 17. – СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко, 1887. – С. 79-124.
[4] Там же. – С. 80.
[5] См.: Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 81-83.

картина, зафиксированная в экспедиционных дневниках, совпадает с результатами профессиональных измерений и подтверждает высокую информативность локального знания.

Переходя от описания зоны оледенения к более низким высотным поясам, А. Мустаджир фиксирует изменения в природной среде, которые напрямую определяли хозяйственную специализацию горных сообществ. Ниже постоянных снегов, на высотах 1200-2000 м, преобладают культурные ландшафты – пашни, сады, жилые поселения. На участке от Суджина до Мадрушката выше встречаются только белые тополя (рем), тогда как ниже произрастают плодовые деревья: абрикос, яблоня, тутовник, грецкий орех, а также бесплодная ива. Тутовник, по его словам, выше Лангари Ёз уже не встречается[1]. Эта смена растительности отражает переход между климатическими поясами, при котором теплолюбивые виды уступают место горным лугам и кустарникам.

Упоминание винограда (ток) указывает на предел его произрастания – не выше 1800 м, что соответствует данным А. П. Федченко для селения Шамтич (~1760 м)[2]. Народные названия, используемые А. Мустаджиром, в целом совпадают с перечнем А. П. Федченко: платан, ива, тополь, можжевельник, орех, абрикос, персик. Особенно часто он выделяет арчу (можжевельник), используемую как топливо и строительный материал; А. П. Федченко также отмечал её значение как экспортного ресурса[3]. Тем самым фиксируется совпадение двух независимых систем наблюдений – научной и народной.

С подъёмом в горы древесная растительность постепенно редеет и исчезает. На высотах 2500-3000 м сохраняются лишь можжевельники (*арча*), отдельные кустарниковые заросли и травяные покровы. Особый интерес представляют наблюдения А. П. Федченко, собиравшего в 1869-1871 гг.

---

[1] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 91.

[2] Федченко А. П. Заметка о верхнем Зеравшане // Материалы для статистики Туркестанского края. – СПб., 1873. – Вып. 2. – С. 50-51.

[3] Там же.

материалы по флоре Зеравшанской долины[1]. Им впервые составлен список культурных растений региона, насчитывавший около семидесяти видов. Среди них оказались как местные (плодовые деревья, хлебные злаки, технические культуры), так и экзотические, завезённые виды. Так, А. Федченко упоминает «тухмяк», дававший ценную жёлтую краску, и «Sophora japonica», родиной которой является Япония. Нераспустившиеся цветы тухмяка использовались как сырьё для крашения тканей. В Самарканде в то время насчитывалось лишь четыре дерева тухмяка, но в Ходженте и Коканде они встречались значительно чаще[2].

Для ущелий средней высоты, например в пределах бекств Фальгара и Масчи, А. Мустаджир отмечает наличие шелковицы, терна (*дулона*) и черёмухи. Вертикальная структура растительности – от садов и пашен предгорной зоны до субальпийских лугов и высокогорных пастбищ – прослеживается достаточно чётко, а её распределение определяется сочетанием высотных отметок, почвенных условий, температурного режима и степени увлажнённости[3].

Данные о флоре, представленные у А. Мустаджира, органично дополняются описанием фауны, что позволяет рассматривать природную среду как интегральную основу хозяйственной деятельности населения региона. В «Дневнике» зафиксирован обширный перечень животных и птиц, встречающихся в верховьях Зеравшана либо известных местным жителям по их рассказам. Так, при описании Киштута, Пальдорака и других местностей, прилегающих к ледниковой зоне, А. Мустаджир отмечает: «Дикие животные тех гор (т. е. Чахак) включают волка, лисицу, сурка, кабана, бурого медведя, горного козла (или архара)»[4].

Сопоставление этих наблюдений с материалами других исследователей углубляет понимание характера землепользования в верховьях Зеравшана. Так, А. Д. Гребенкин указывал, что южные склоны (офтобрӯя) преимущественно

---

[1] Федченко А. Заметки о флоре и фауне Заравшанской долины//Материалы для статистики Туркестанского края. – СПб., 1873. – Вып. 2. – С. 434-438.
[2] Там же.
[3] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 120-136.
[4] Там же. – С. 27.

использовались под виноградники, тогда как северные (соярӯя) – под пастбища и сады[1]. У А. Мустаджира эта мысль прямо не артикулируется, однако она легко прослеживается в его описаниях: в Суджине виноградные лозы тянутся к солнцу на тёплых террасах, тогда как сенокосы и пастбищные угодья располагаются в тенистых местах. Всё это позволяет заключить, что традиционные практики землепользования формировались на основе внимательного наблюдения за микроклиматом и рельефом, что отражает глубокую адаптацию населения к особенностям горного ландшафта[2].

В записях о Дардаре и Маргазаре (высотный пояс около 2000 м) автор отмечает, что здесь выращивают пшеницу и лён, а сушёные фрукты (абрикос, шелковица) отправляют на продажу в Джизак[3]. Эти данные указывают на существование устойчивых экономических связей между высокогорными и предгорными зонами, в рамках которых садоводческая и зерновая продукция служила предметом обмена.

В записях А. Мустаджира растительность предстает не только как хозяйственный ресурс, но и как элемент сакрального пространства. Деревья упоминаются в связи с религиозными представлениями, при этом старая чинара почиталась как связанная с именем местного святого. Подобная сакрализация природных объектов подтверждается и более поздними этнографическими материалами. По наблюдениям Х. Камола, в Кухистане почти каждый родник (чашма) или можжевеловое дерево (арчаи муқаддас) сопровождались легендами и ритуалами поклонения[4].

А. Мустаджир также приводит пример мазара святой женщины в урочище Бибича у источника, к которому обращались как за водой, так и за духовной помощью. Эти данные отражают устойчивую связь природной среды с религиозными практиками горных обществ, где культовые объекты формировали этноландшафт и выполняли социально интегрирующую функцию.

---

[1] Гребенкин А. Д. Заметки о Когистане // Туркестанские ведомости. – 1872. – № 25 (27 июня). – С. 99.
[2] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 28-29.
[3] Там же. – С. 43.
[4] Камол Х. История мазаров Северного Таджикистана. – Душанбе: Деваштич, 2005. – С. 139-140.

Функциональная зависимость хозяйственного уклада от природных условий отчётливо прослеживается и в планировке сельских поселений. Большинство кишлаков располагалось вблизи источников воды, однако водообеспечение определялось не только близостью к реке, но и наличием ирригационной системы. Так, описывая Урметан, А. Мустаджир замечает: «Посевы этого селения не получают воду из Зеравшана. Никто от этой реки до самого Самарканда ничего не выигрывает [без арыков]»[1]. Таким образом, водность территории в условиях традиционного земледелия имела значение лишь при наличии организованного водораспределения, поддерживаемого социальными и техническими механизмами.

В «Дневнике Искандеркульской экспедиции» А. Мустаджира природная среда Кухистана предстает как ключевой фактор хозяйственного и культурного уклада. Ледники верховьев Зеравшана определяли водный режим, служили источником орошения и влияли на климатическую динамику. Высотная зональность (от оледенелых вершин до межгорных долин) задавала распределение земледельческих культур, пастбищ и форм животноводства.

Континентальный климат с резкими суточными колебаниями температуры регулировал сроки полевых работ, выпас и заготовку кормов. Долговременное сокращение ледников отражалось на продуктивности земледелия. Важное место занимала ирригация: эффективность земледелия зависела от состояния арычной сети, а не от близости к реке.

А. Мустаджир также фиксировал сакрализацию деревьев, источников и рельефных форм, выполнявших не только культовые, но и ориентирные функции. Их религиозный статус способствовал охране природных ресурсов. Размещение поселений подчинялось водообеспеченности и защищённости от лавин и селевых потоков. Махалли совмещали хозяйственные, административные и образовательные функции, при мечетях и мактабах формировалось культурное ядро общин.

[1] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 29.

Таким образом, «Дневник» раскрывает целостную систему взаимодействия природных условий и социально-экономической жизни региона, демонстрируя механизмы адаптации горных сообществ к изменяющемуся климату и ресурсной базе.

2.2. Отражение социально-экономических реалий жизни населения верховьев Зеравшана

Социально-экономическая жизнь горных владении верховьев Зеравшана во второй половине XIX в. определялась сочетанием природно-климатической изолированности, ограниченности ресурсов и устойчивости феодальных форм эксплуатации. Труднодоступность значительной части территории, где проживало большинство населения, обусловливала низкую продуктивность хозяйства и сдерживала социальную мобильность. Природные условия закрепляли сословную структуру, препятствуя росту благосостояния. Географическая замкнутость региона, по словам Ш. Акимбетова, означала, что «все мало-мальски удобные места давно уже высмотрены, заселены и обработаны, а новых совершенно нет»; самой природой «положен предел дальнейшему распространению населения в этих горах»[1]. По сути, речь идёт о достижении общинами верховьев природно-ресурсного предела воспроизводства традиционного хозяйственного уклада.

Привлечение широкого корпуса источников, в том числе материалов участников Искандеркульской экспедиции, ценно не только для изучения масштабных аграрных преобразований в Средней Азии после её включения в состав Российской империи, но и для анализа этих процессов на уровне локальных сообществ. «Дневник Искандеркульской экспедиции» Абдуррахмана Мустаджира, сопоставленный с наблюдениями и административно-статистическими материалами других участников – А. П. Федченко, А. Д. Гребенкина, П. А. Аминова, Д. К. Мышенкова, А. Л. Куна, Л. Н. Соболева

[1] Акимбетов Ш. Очерки Когистана // Туркестанские ведомости. – 1881. – № 2 (13 янв.). – С. 7.

и др., – позволяет выявить закономерности землепользования, формы налоговых обязательств, практики использования водных ресурсов и устойчивые модели труда в горных обществах. При этом становится очевидным, что параметры хозяйственного уклада определялись сочетанием природно-экологических условий и действия феодальных институтов.

Материалы Ф. Короткова уточняют картину, описывая местную торговлю, административный контроль и логистику снабжения отдалённых районов. В. В. Дынин дополняет её сведениями о традиционных формах хозяйства, ремесленных специализациях, гендерном распределении труда и сезонных циклах. Наблюдения П. С. Усова[1] – климат, урожайность, вакуфная собственность, налоговая система и нестабильность хозяйств Кухистана – коррелируют с данными А. Мустаджира, П. А. Аминова и А. Л. Куна, А. П. Хорошихин и др., усиливая их достоверность и подтверждая региональную специфику. По П. А. Шишову, значительная часть высокогорных пастбищ находилась в общинном пользовании, тогда как частное землевладение сопровождалось частыми поземельными спорами, разрешавшимися авторитетом старейшин. Это свидетельствует о живучести общинных институтов регулирования земельных отношений при отсутствии централизованного вмешательства.

Совокупность этих свидетельств формирует многоуровневую картину социально-экономического положения верховьев Зеравшана в период имперской трансформации. Центральным звеном выступает «Дневник Искандеркульской экспедиции» Абдуррахмана Мустаджира – очевидца, владевшего местным языком и хорошо ориентировавшегося в реалиях Кухистана[2]. Этот источник уникален тем, что фиксирует взгляд «изнутри» на

---

[1] Усов П. С. Очерк VIII. Зеравшанский край и Самарканд // Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / под общ. ред. П. П. Семенова. – СПб.: [Тип.] М. О. Вольф, 1881-1901. – Т. 10: Русская Средняя Азия. – СПб.; М., 1885. – С. 235-298.

[2] См.: Мирза Мулла Абдуррахман, сын Мухаммада Латифа Мустаджира. Дневник Искандеркульской экспедиции: [рукопись] // Архив Санкт-Петербургского института восточных рукописей РАН, Отдел рукописей и документов. № D 133 (стар. шифр 609g). – 398 л.; № D 134 (стар. шифр 609h). 1870. – 322 л.; Мустаджир А. Дневник Искандеркульской экспедиции. – Душанбе, 1989. – 176 с.

жизнь горных таджикских обществ, а критическое сопоставление с данными русских исследователей придаёт ему дополнительную научную ценность.

Характерно, что русские этнографы начала XX в. характеризовали горных таджиков как общество, сосредоточенное на элементарном выживании: «вечная забота не умереть голодной смертью, полная зависимость от производительных даров природы и слишком ограниченный умственный кругозор». По-видимому, подобные оценки отражали не только этнографическую дистанцию наблюдателей, но и реальную экзистенциальную напряжённость среды, где традиционный уклад формировался в условиях постоянной борьбы за прокорм и сохранение жизни.

Несмотря на суровый климат, ограниченность пахотных земель и сложный горный рельеф, основой экономики верховьев Зеравшана во второй половине XIX в. оставались традиционные земледелие и скотоводство. В бекствах Фальгар, Масча, Ягноб, Фараб, Киштут и Фон, которым А. Мустаджир уделяет особое внимание, возделывали ячмень, пшеницу и другие зерновые культуры. Урожайность оставалась крайне нестабильной вследствие нехватки орошаемых участков и примитивных средств подачи воды. По сути, земельный ресурс являлся «узким горлышком» аграрной экономики: пашни катастрофически не хватало, а метеозависимое орошение делало урожаи ненадёжными.

Как отмечает А. Мустаджир, трудности орошения особенно ощущались в высокогорных селениях, где система арыков зависела от сезонных вод и не позволяла расширять посевные площади[1]. Это означало, что даже при росте населения производство хлеба не могло увеличиться – общины находились в жёстких водно-земельных рамках своего ландшафта. А. П. Шишов фиксировал ту же закономерность, описывая, что земледелие «заняло всё, что только можно поднять сохой <…> на высоте 9000 ф[утов] (2740 м.), но крупных собственников не встречается»[2]. По его наблюдению, предельная мобилизация земли

[1] См.: Мустаджир А. Дневник Искандеркульской экспедиции. – Душанбе, 1989. – С. 70-71.
[2] Шишов А. П. Таджики: этнографическое исследование. – Алматы, 2006. – С. 184.

исключала возможность концентрации значительных владений в одних руках, так как был возделан каждый участок, пригодный для обработки.

Во всех исследованных горных бекствах верховьев Зеравшана были представлены основные категории земель, типичные для аграрного ландшафта Средней Азии: **замини амлок** (казённые земли), **замини мири** (государственная казна), **замини хироджи** (арендные участки), **вакф** (вакуфная, благотворительно-религиозная собственность), **милки хури холис** (частная «чистая» собственность), **милки мероси** (наследственные земли) и **зархарид** (букв. «выкупленные за золото»)[1].

Специфической формой частной собственности в горах были земли **милки хури холис** – участки, полностью освобождённые от государственных налогов. А. Мустаджир и другие источники отмечают их присутствие, хотя в небольшом объёме. По данным А. И. Шахназарова, такая собственность возникала либо «за особые заслуги владельца», либо в результате «единовременного взноса в казну её полной стоимости»[2]. Таким образом, милки хури холис представлял собой либо пожалование правителя, либо участок, выкупленный у государства, в обоих случаях предоставлявший владельцу полные имущественные права – в том числе наследование и отчуждение – и освобождение от уплаты хараджа или ушра. Юридически такая земля выводилась из-под фискальной юрисдикции и становилась привилегией, дарованной государем или приобретённой за плату.

По-видимому, институт милк-хури холис отражал гибкость феодальной системы: с одной стороны, он служил инструментом награждения верноподданных налоговым иммунитетом, с другой – способом привлечения казной срочных финансовых ресурсов путём продажи налоговых льгот.

С установлением российской администрации статус **милки хури** холис был пересмотрен. Из-за частых злоупотреблений и подделок ханских грамот об «обелении» владений новые власти принципиально отказались признавать

[1] См. более подробно об этом: Шахназаров А. И. Очерк сельского хозяйства Туркестанского края (с рисунками). – Санкт-Петербург: Типография Санкт-Петербургского градоначальства, 1898. – С. 39-47.
[2] Там же. – С. 42.

прежние налоговые иммунитеты. Все участки, ранее освобождённые от податей, были приравнены к хараджным, а налогообложение унифицировано[1].

«Дневник» А. Мустаджира ценен тем, что демонстрирует эту систему «изнутри». Земля в его описании выступает не только хозяйственным ресурсом, но и показателем социального статуса и юридической принадлежности. Помимо милк-хури холис и амлок, он фиксирует милк мероси, замини мири, замини хироджи, вакф, зархарид – весь спектр категорий, характерных для Бухарского эмирата[2]. Однако сходство терминов с равнинными местностями не означало идентичности практик: содержание каждого статуса определялось локальными условиями, клановой структурой и ролью религиозных лидеров.

Характерный пример особенностей горного землепользования даёт Ягноб, описанный А. Л. Куном[3]. По-видимому, ограниченность пригодных для пашни земельных ресурсов побуждала местное население использовать каждый клочок, даже небольшой и труднодоступный. А. Л. Кун отмечал, что, заметив участок рыхлой земли, ягнобцы очищали его от каменных осыпей и щебня, который складывали в большие кучи или использовали для обноски оград.

А. Л. Кун фиксирует и важную для реконструкции хозяйственного уклада деталь: «в ягнобских кишлаках практически не было садовых деревьев, а леса встречались только в ущельях, небольшими рощами на труднодоступных склонах. Заготовка топлива велась в августе и сентябре, до выпадения снегов, поскольку зимой доступ в леса становился невозможным»[4].

По свидетельствам туземцев, около трёх-четвертей года жители Ягноба проводили в изоляции: «горные перевалы и тропы были занесены снегом, и связь с соседними селениями поддерживалась лишь в течение трёх зимних месяцев по замерзшей реке. Очевидно, что эта сезонная изоляция оказывала прямое влияние на хозяйственный цикл, формируя особую модель адаптации, где земледелие,

---

[1] Шахназаров А. И. Очерк сельского хозяйства Туркестанского края (с рисунками). – Санкт-Петербург, 1898. – С. 40-41.
[2] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 34, 148, 152.
[3] Искандер-Тюря (Кун, А. Л.). Сведения о ягнаубском народе (К материалам для исследования ягнаубского языка) // Туркестанские ведомости. – 1881. – № 4 (27 янв.). – С. 14.
[4] Там же.

скотоводство, заготовка топлива и упрощённая система налогообложения были приспособлены к экстремальной замкнутости горного мира»[1].

В этой модели особое место занимали вакуфные земли, являвшиеся важным элементом социально-экономической инфраструктуры верховьев Зеравшана. Их площадь обычно была невелика, однако они встречались почти в каждом селении. Помимо участков, закреплённых за мечетями и мавзолеями (мазарами), существовали вакуфы, назначение которых выходило за рамки религиозных нужд – они обеспечивали содержание дорог, арыков и мостов. По данным А. Д. Гребенкина, в Фальгаре, Матче, Ягнобе и Фане действовало 161 мечеть, каждая с собственным земельным обеспечением[2]. Так, в Урметане вакуф шейха Абдулкосима Гургони шёл на содержание имама, хатиба, суфи и на ремонт религиозных зданий и школы при мечети[3].

Вакф в горных бекствах был не только религиозным институтом, но и механизмом перераспределения ресурсов и социальной поддержки. Показателен описанный А. Мустаджиром случай, связанный с участком труднодоступной тропы, ведущей к кишлаку Похута. По его свидетельству, «эта узкая и опасная дорога [между Похутом и Шаватком. – О. А.] находилась в вакфном владении, и всякий раз, когда она повреждалась, её ремонт осуществлялся за счёт доходов от этого вакфа»[4]. Данный участок был объявлен вакуфом специально для его содержания и ремонта.

В данном примере вакуфные средства использовались не для поддержки религиозных учреждений, а для обеспечения функционирования важного элемента транспортной инфраструктуры. Такая практика демонстрирует гибкость применения исламского права (*шариата*) и его адаптацию к насущным потребностям высокогорных общин. В условиях Кухистана, где сохранность и проходимость горных дорог имели ключевое значение для хозяйственной, социальной и даже религиозной жизни, подобные вакуфы выполняли роль

---

[1] Искандер-Тюря (Кун, А. Л.). Сведения о ягнаубском народе (К материалам для исследования ягнаубского языка) // Туркестанские ведомости. – 1881. – № 4 (27 янв.). – С. 14

[2] Гребенкин А. Заметки о Когистане // Туркестанские ведомости. – 1871. – № 22. – С. 87.

[3] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 31.

[4] Там же. – С. 54-55.

своеобразных целевых фондов, обеспечивавших долгосрочное обслуживание общественно значимых объектов.

Анализ «Дневника» показывает, что как амлоковые, так и вакуфные земли обрабатывались крестьянами-арендаторами. Арендные отношения отличались устойчивостью и передавались по наследству[1], что обеспечивало преемственность землепользования. Размер натурального оброка зависел от плодородия, обеспеченности водой и трудоёмкости обработки: арендатор оставлял себе от одной пятой до одной трети урожая. Такая модель сочетала стабильность и гибкость, действуя как социальный амортизатор – в неурожайный год крестьянин отдавал меньше, сохраняя средства к существованию[2].

Помимо государственных и вакуфных земель, А. Мустаджир фиксирует частные участки двух категорий: **милки хури холис** – необлагаемые «чистые» земли, редкие для региона (зафиксированы в Сангистоне и Зосуне Фальгарского бекства)[3], и **милки хараджи** (замини хароҷӣ) – частная собственность, обложенная хараджем. Термин «милки хараджи» употреблялся редко, поскольку подразумевалось, что почти любой милк облагается налогом[4].

Микроуровневые наблюдения А. Мустаджира выявляют важные особенности, не отражённые в официальной статистике: вариативность терминологии, адаптацию исламских норм к горным условиям, устные формы договоров и практики взаимопомощи. Он также отмечает, что с орошаемых земель взимался **барот** (аналог хараджа муваззаф), а с богарных – **ушр** (десятина)[5]. По его сведениям, в трёх садах Масчи насчитывалось около 7900 манов поливных участков, на верхней саде Фальгара – около 3500 манов, а богарных земель в верхней саде Масчи – примерно 400 манов[6]. Хотя эти цифры носят, вероятно, ориентировочный характер, их соотношение ясно показывает

[1] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 108.
[2] Там же. – С. 109.
[3] Там же.
[4] Там же. – С. 107-108.
[5] Там же. – С. 88.
[6] Там же. – С. 89.

доминирование поливных земель и подчинённую роль богарных посевов в структуре землепользования.

С точки зрения налогообложения и права собственности, частновладельческие (мильковые) земли верховьев Зеравшана подразделялись на три основные категории:

1. **Милки хури холис** – необлагаемые земли в свободном частном владении (к моменту исследований почти исчезли);
2. **Милки хараджи** – участки, облагавшиеся хараджем в фиксированной или пропорциональной форме;
3. **Милки ушри** – богарные земли, облагавшиеся ушром (десятиной).

Помимо этого, существовали две институциональные формы землепользования: **амлоковые** (государственные, казённые) земли, сдаваемые крестьянам за оброк, и **вакуфные** участки, предназначенные для нужд религиозных и общественных учреждений (мечетей, медресе, мостов, дорог)[1].

Аграрное устройство верховьев Зеравшана сочетало формы собственности и обложения, зависевшие от характера земледелия и статуса владельца. Феодальная иерархия определяла не только распределение земли, но и контроль над средствами производства, уровнем агротехники и доступом к воде. Ограниченность земельного фонда и тяжёлый рельеф усиливали имущественное расслоение, усугублённое монопольным владением ресурсами беками, вакуфными учреждениями и крупными милкдоронами[2]. Бедность большинства крестьян была системным следствием социальной структуры, а не только природных условий.

Эту картину, свидетельствующую о структурной уязвимости горного земледелия, подтверждают как А. П. Федченко[3], так и Абдуррахман Мустаджир. По наблюдениям А. П. Федченко, в Магианском бекстве пахотных земель было столь мало, что собственного хлеба не хватало даже на поддержание

---

[1] Соболев Л. Н. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе: с приложением списка населённых мест округа. – СПб., 1874. – С. 157-158.
[2] Там же.
[3] Федченко А. П. Заметки о Магианском бекстве // Материалы для статистики Туркестанского края. – СПб., 1873. – Вып. 2. – С. 53-67.

минимального уровня продовольственной безопасности. В результате в зимний период беднейшие семьи прибегали к использованию в пищу корня татина – дикорастущего растения, которое, по-видимому, выполняло роль вынужденного суррогата хлеба[1].

Параллельные сведения А. Мустаджира о Фанском бекстве подтверждают зависимость горных сообществ от привозного хлеба[2]. По его сведениям, закупка производилась в Самарканде, Ура-Тюбе и Гиссаре, а основой обмена служили ткани (карбос), квасцы, шерсть, нашатырь и скот[3]. По-видимому, такой товарно-денежный обмен не был признаком развитой коммерческой экономики, а представлял собой вынужденную меру выживания в условиях, когда собственный аграрный ресурс был хронически недостаточен.

В совокупности эти свидетельства позволяют заключить, что в хозяйственной структуре Магиана и соседних горных владений земледелие выполняло второстепенную, ограниченную по масштабу функцию, а продовольственная безопасность обеспечивалась комплексом компенсирующих практик – от эксплуатации дикорастущих растений и ориентации на скотоводство до вовлечения в межрегиональные обменные цепочки.

Особенно тяжёлые последствия для горных сообществ имели внешние набеги и поборы. А. Мустаджир приводит характерный пример: «за два года до его поездки (т. е. около 1868 г.) масчинцы совершили разорительный налёт, разграбили жителей одного из селений и разрушили крепость. Далее он отмечает, что, прибыв вместе с востоковедом А. Л. Куном и двумя сопровождающими к литовке жителей Урметана, они побеседовали с одним пожилым мужчиной, поинтересовавшись, почему люди здесь живут столь бедно»[4]. Старик ответил: «От рук масчинцев мы стали такими (нищими)»[5]. На вопрос, когда последний раз сюда приходили масчинцы, он сообщил:

---

[1] Федченко А. П. Заметки о Магианском бекстве // Материалы для статистики Туркестанского края. – СПб., 1873. – Вып. 2. – С. 63.
[2] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 117.
[3] Там же.
[4] Там же. – С. 30-32.
[5] Там же.

«Масчинцы три-четыре раза совершали налёт под руководством Рахимшоха баходура (Рахим-хана) на селение Урметан. Здесь побывала их маленькая группа»[1].

А. Мустаджир фиксирует последствия одного из наиболее разорительных набегов, произошедшего, по его словам: «три года назад» (т. е. около 1868 г.). Масчинцы настолько опустошили население данной области (т.е. Рарза), что при необходимости здесь «и четверти мерки муки не сыщут»[2]. Автор подчёркивает крайнюю степень обнищания: «некоторые из них не находят и одной лепёшки в день, чтобы поесть»[3]. Примечательно, что даже наличие в кишлаке шести мельниц не спасало положение, так как «из-за отсутствия зерна они не работают».

Данный эпизод демонстрирует не только масштаб материального урона, нанесённого военными действиями, но и степень подрыва основных производственных звеньев сельской экономики. Паралич работы мельниц, являвшихся ключевыми объектами жизнеобеспечения, свидетельствует о разрушении локальной продовольственной системы, последствия которого усугублялись ограниченными возможностями внешних поставок в условиях горной изоляции. Подобные свидетельства, зафиксированные А. Мустаджиром, позволяют реконструировать не только материальный ущерб, но и психологическое состояние населения, для которого угроза нового набега оставалась постоянным фактором повседневной жизни.

Основным налогом с поливных земель выступал *харадж*[4], размеры и формы которого варьировались в зависимости от бекства. В Фальгаре и нижней Матче он составлял 1 теньгу с батмана посева, тогда как в верхней Матче взимался *карбосом* – 3000 газ[5] ткани, что отражает смешанный натурально-

[1] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 35.
[2] Там же. – С. 52.
[3] Там же.
[4] См.: Хорошихин А. П. Сборник статей, касающихся Туркестанского края. – Санкт-Петербург, 1876. – С. 164-168.
[5] *Газ* – традиционная мера длины, приблизительно равная одному современному метру, однако её фактическая величина могла различаться в зависимости от местных стандартов. В Матчинском бекстве газ измерялся шестью–восьмью пядями, что отражает отсутствие единой метрологической системы и сохранение локальных единиц измерения в хозяйственной и налоговой практике региона.

денежный характер налогообложения[1]. В Фане размер хараджа достигал 2 теньге, а в Киштуте – до 8 теньге с условной единицы посевной площади, что указывает на существенно более высокую нагрузку в отдалённых бекствах[2].

Система поливного земледелия в горной местности, изобилующей родниками и реками, имела хорошие природные предпосылки, но эксплуатация водных ресурсов осложнялась техническими и социальными факторами. По А. Мустаджиру, водопользование строилось на общинных началах: «каждый кишлак имел собственные арыки, и, за исключением крупных поселений, вода распределялась свободно»[3]. В засушливые периоды вводились очереди, контроль за которыми осуществляли мирабы, избираемые жителями из числа уважаемых и авторитетных людей.

Ирригационные работы – прокладка новых арыков по склонам и обрывам, установка деревянных желобов (*нова*), ремонт плотин, а также ежегодная весенняя прочистка каналов – выполнялись силами трудового населения на коллективной основе. Каждый двор выделял работников для расчистки арыка, от состояния которого зависел будущий урожай[4]. Крупные арыки обслуживались несколькими селениями совместно, тогда как мелкие каналы чистили жители одного кишлака. Такая система коллективных работ обеспечивала функционирование ирригации при отсутствии централизованных вложений и формировала у общинников чувство коллективной ответственности: «вода воспринималась как общее благо, а труд по её добыче и распределению – как обязанность каждого»[5].

Несмотря на локальные усилия по расширению оросительной сети, её развитие в верховьях Зеравшана во второй половине XIX в. часто прерывалось вследствие феодальных конфликтов, политической нестабильности и

---

[1] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 107; см. также: Назаров Х. Н. Очерк истории Кухистана во второй половине XIX и в начале XX веков: дисс… канд. истор. наук: 07.00.00. – Сталинабад, 1957. – С. 66; Ибрагимов В. И. Социально-экономическое и политическое положение в верховьях Зеравшана во второй половине XIX – начале XX веков: диссертация… кандидата исторических наук: 07.00.02. – Душанбе, 1973. – 198 с.

[2] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 110.

[3] Там же. – С. 145-146.

[4] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 147.

[5] См.: Мустаджир А. Дневник Искандеркульской экспедиции. – Душанбе, 1989. – 175.

произвольных действий властей. По данным Х. Н. Назарова, в 1816 г. жители Киштута и окрестных селений прорыли арык, обеспечивавший полив около 1 500 танабов земли между Якдарахтом и Дашти-Казы. Уже в 1822 г., после вооружённого столкновения между урметанским и пенджикентским правителями, эта система была заброшена[1].

По свидетельству Г. А. Арандаренко, около середины XIX в. Халифа Хасан восстановил заброшенный арык в Киштутской долине, что позволило основать поселение Тагоби-халк. Однако вмешательство Магияно-Киштутского бека Аллаяр-инаака, поддержавшего ходатайство узбеков о сохранении степи Дашты-Гусар под пастбища, привело к запрету земледелия, и жители были вынуждены переселиться в ущелье Киштута[2].

По-видимому, такая политика отражала приоритеты феодальной верхушки, ориентировавшейся на расширение скотоводческих угодий в ущерб пашне. Несмотря на первую неудачу, Халифа Хасан[3] спустя два десятилетия заложил новый арык, выведенный из левого берега Зеравшана посредством подземного канала (кареза) длиной 390 саженей, который орошал 800 танапов земли.[4]

В аналогичной ситуации оказалась степь Дашти-Гусар (Чар-тут), способная прокормить до 12 000 танапов пашни, но используемая лишь как пастбище. Другой пример – Даши-кози (1 500 танапов), некогда орошаемая арыком Куштудак, восстановленным в 1816 г. усилиями горцев Фальгара по приказу урметанского правителя Абдушукур-бека[5]. Уже через несколько лет распри с Пенджикентом привели к разрушению канала. Геологические особенности местности – рыхлые породы, трещины и осыпи – делали его повторное использование экономически нецелесообразным.

---

[1] Назаров Х.Н. Очерк истории Кухистана во второй половине XIX и в начале XX веков: дисс… канд… истор… наук: 07.00.00. – Сталинабад, 1957. – С. 70.
[2] Арандаренко Г. А. Досуги в Туркестане. 1874-1889. – Душанбе: Адиб, 2024. - С. 167-169.
[3] О жизни Халифа Хасана см.: там же. – С. 183-193.
[4] Арандаренко Г. А. Досуги в Туркестане. 1874-1889. – Душанбе, 2024. – С. 167.
[5] Там же.

Та же закономерность прослеживается на правом берегу Зеравшана, где рыхлые, водопроницаемые породы препятствовали долговечности арыков. Так, арык из реки Миндана для орошения 3 800 танапов равнины Покаран просуществовал всего два года, несмотря на попытки укрепить его деревянными желобами.

Обследование других участков, когда-то имевших орошение, выявляет сходный сценарий: «участок Дашти-айн (120 танапов) был заброшен после смерти его разработчика; Дашти-Варз (900 танапов), основанная Абдушукур-беком, оказалась нежизнеспособной из-за конфликта с соседними землевладельцами; участок Нугрок (50 танапов) перестал использоваться из-за трещин, полностью поглощавших воду»[1].

Суммирование этих данных даёт картину существенных потерь земельного фонда: 42 370 танапов (около 10 580 десятин)[2], из которых более половины при наличии ресурсов могли бы быть вновь введены в обработку. По-видимому, ключевыми факторами деградации ирригационной сети были сочетание геологических условий и нестабильности власти, а также доминирование интересов кочевого скотоводства над земледелием.

Таким образом, ирригационная система, опиравшаяся на коллективный труд, была крайне уязвима к последствиям феодальных конфликтов: вместо развития инфраструктуры военные походы нередко приводили к разрушению арыков, мостов и дорог.

Сельское хозяйство верховьев традиционно сочетало земледелие со скотоводством, которое играло важную роль не только в питании, но и в обеспечении кустарных промыслов. Шерсть, шкуры, молочные продукты и мясо служили как для внутреннего потребления, так и для обмена с другими районами, позволяя крестьянам выживать при нестабильных урожаях. Социальное расслоение проявлялось и в этой сфере. По наблюдениям А. Д. Гребенкина, зажиточные баи владели стадами численностью свыше

[1] Арандаренко Г. А. Досуги в Туркестане. 1874-1889. – Душанбе, 2024. – С. 167.
[2] Там же.

тысячи овец и коз, тогда как бедняцкие хозяйства имели лишь 10-15 голов или не имели скота вовсе. Богатые извлекали прибыль из торговли скотом с Гиссаром, Пенджикентом и Ура-Тюбой, тогда как бедняки продавали животных лишь в случае крайней нужды, что не приносило устойчивого дохода и нередко ухудшало их положение[1].

Существенное место в местной экономике занимало садоводство. При дефиците хлеба фрукты – прежде всего абрикос (урюк) и шелковица – становились важным элементом продовольственного баланса. Их сушили и вывозили на рынки Самарканда, Пенджикента, Джизака, Ходжента, Ура-Тюбе, обменивая на хлеб, соль, хлопок, табак и другие необходимые товары. Таким образом, садоводство выполняло роль «обменного капитала» бедных слоёв, поскольку урожай фруктов компенсировал недостаток зерна и обеспечивал связь горных общин с внешними рынками[2].

Скотоводство в горных бекствах верховьев Зеравшана второй половины XIX века занимало ключевое место в структуре местного хозяйства, хотя по масштабам и устойчивости уступало земледелию. В условиях ограниченности пашни и нестабильной урожайности оно выполняло компенсирующую функцию, обеспечивая как внутренние потребности в мясных, молочных и шерстяных продуктах, так и формируя товарный ресурс для внешней торговли. Наблюдения Абдуррахмана Мустаджира, Ш. Акимбетова и А. Д. Гребенкина позволяют рассмотреть скотоводство не только как отрасль, но и как сложный социально-экономический институт, зависимый от сезонных ритмов, состояния пастбищ, форм налогообложения и характера межобщинных отношений.

Скотоводство, по наблюдениям Ш. Акимбетова[3], занимало значительное место в хозяйственной системе Кухистана, однако собранные им сведения опровергают упрощённое представление о горной среде как универсально благоприятной для пастбищного животноводства. Обобщённые показатели по видам домашнего скота, составленные на основе опросов и личных наблюдений

[1] Гребенкин А. Д. Заметки о Когистане // Туркестанские ведомости. – 1872. – № 25 (27 июня). – С. 99-100.
[2] Там же.
[3] См.: Акимбетов, Ш. Очерки Когистана // Туркестанские ведомости. – 1881. – № 2 (13 янв.). – С. 7-8.

автора, фиксируют существенные различия между волостями как по численности поголовья, так и по возможностям его содержания.

Характерно, что и в «Дневнике Искандеркульской экспедиции» А. Мустаджира[1] вопросы, связанные со скотоводством, последовательно рассматриваются применительно к различным бекствам Зеравшанской долины. Автор неоднократно отмечает различную обеспеченность скотом в отдельных частях Кухистана, фиксируя как местности с относительно развитым животноводством, так и области, где его масштабы были ограничены вследствие природных или хозяйственных факторов. Эти наблюдения позволяют сопоставить данные двух исследователей и выявить устойчивые структурные черты, присущие отрасли на протяжении длительного времени.

Таблица 1.

Структура скотоводства по волостям верховьев Зеравшана[2]

Волость	Лошади	Ишаки	Рогатый скот	Бараны	Козы
Масчинская	300	500	900	2500	1200
Искандеровская	262	463	1250	7000	3500
Киштутская	133	364	615	3550	2065
Фальгарская	150	1000	2000	11000	700
Итого	**845**	**2327**	**4765**	**24050**	**7465**

Из представленных данных видно, что наиболее крупные стада баранов сосредоточены во Фальгарской и Искандеровской волостях. При этом Фальгар демонстрирует парадоксальную картину: несмотря на скудность пастбищ и острую нехватку пахотной земли, здесь содержится свыше 11 тыс. баранов – наивысший показатель в регионе. Напротив, Киштутская волость, располагающая более сбалансированным сочетанием угодий, имеет куда меньший объём скотоводческих ресурсов.

По-видимому, данная диспропорция обусловлена не природно-географическими, а социально-экономическими факторами. Сам Ш. Акимбетов

---

[1] См.: Мирза Мулла Абдуррахман, сын Мухаммада Латифа Мустаджира. Дневник Искандеркульской экспедиции: [рукопись]. – № D 133 (стар. шифр 609g) – 398 л.; № D 134 (стар. шифр 609h) – 322 л. – 1870. Абдуррахмон М. Дневник Искандеркульской экспедиции. – Душанбе, 1989. – 176 с.

[2] Акимбетов Ш. Очерки Когистана // Туркестанские ведомости. – 1881. – № 2 (13 янв.). – С. 8.

подчёркивает: «фальгарцы вообще зажиточнее искандеровцев, умеют наживать деньги своими оборотами скотом и кое-какой торговлею»[1]. Таким образом, уровень обеспеченности скотом определялся не столько наличием пастбищ, сколько хозяйственной предприимчивостью населения и его интеграцией в товарно-обменные сети.

Автор также предпринял попытку пересчёта показателей в обеспеченность на душу населения: «<…>и в случае удвоения цифр выйдет лишь 1 лошадь на 11 человек, 1 ишак на 4-х, 1 голова крупного рогатого скота на 2-х, по 2½ барана и ½ козы на человека»[2]. Эти пропорции демонстрируют сравнительно скромные масштабы скотоводства в расчёте на одного жителя, особенно по сравнению с крупными долинными хозяйствами, где отдельные скотовладельцы могли содержать до 15 тыс. голов[3].

В условиях ограниченных возможностей земледелия ремёсла становились для малоземельных и безземельных крестьян одним из главных источников дохода. Они компенсировали нестабильность урожая, обеспечивали внутренние потребности и создавали основу для обмена с другими регионами.

По данным А. Мустаджира, в Варзиминоре, Урметане и Пинёне действовали хумдоны – гончарные печи, где работали местные мастера и приезжие из Самарканда, Пенджикента и Ура-Тюбе. Здесь изготавливали чашки, кувшины и прочую утварь для продажи на месте. Однако спрос на более качественную керамику (в частности, глазурованную) удовлетворялся за счёт ввоза, что указывает на ограниченность местной специализации. Тем не менее наличие гончарен свидетельствовало о диверсификации хозяйства и использовании местных природных ресурсов (глины)[4].

Широко было распространено и деревообрабатывающее ремесло. Местные мастера – *табактарош* – изготавливали ложки, чаши, блюда и ковши из арчи, грецкого ореха и тополя, что снижало зависимость от внешних

[1] Акимбетов Ш. Очерки Когистана // Туркестанские ведомости. – 1881. – № 2 (13 янв.). – С. 8.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 77.

поставок[1]. Фактически каждая община стремилась к самодостаточности в предметах повседневного обихода.

Особое значение имело ткачество[2]. Местные ткачи перерабатывали шерсть собственных овец и привозной хлопок из Самарканда и Ура-Тюбе, производя широкий ассортимент тканей: чекмени, мата, кошмы, домашнее сукно, поясные платки. Продукция шла как на внутреннее потребление (одежда, покрывала), так и на продажу в Пенджикент и Ургут. В ряде бекств (например, в Матче) часть налогов, включая харадж, выплачивалась тканями, что свидетельствует о роли ткачества как эквивалента денежного расчёта и о постепенной монетаризации экономики[3]. Грубый карбос использовался на мешковину и одежду для бедных, войлок – для утепления жилищ, кошмы – в качестве ковров; на все эти изделия существовал устойчивый спрос в соседних районах.

Крайне бедные жители, лишённые земли и скота, вынуждены были искать средства к существованию в тяжёлых и низкооплачиваемых промыслах. Одним из них были старательские работы (заршӯӣ) – промывка золота в русле Зеравшана – занятие, которое, по-видимому, не приносило устойчивого дохода, но сохранялось как элемент выживания в условиях острого дефицита иных заработков.

Участник Искандеркульской экспедиции Д. К. Мышенков отмечал, что добыча золота имела характер побочного, сезонного промысла: «Золото встречается почти по всему течению Заравшана в виде мелких зёрен и тонких пластинок, что совершенно естественно, так как горы по бокам долины этой реки не содержат коренных месторождений золота и, следовательно, этот металл приносится водами Заравшана или же, что вероятнее, вымывается из конгломератов, которые местами слагают берега этой реки. Оттого количество осаждённого золота вполне находится в зависимости от количества вод в Заравшане; вообще же оно весьма ничтожно; например, артель из четырёх человек намывает в день, при счастливых обстоятельствах, не более чем на три

[1] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 99-100.
[2] Там же. – С. 37, 41-44, 144 и др.
[3] Там же. – С. 84.

кокана. Промывкой золота занимается исключительно бедный, малоземельный класс населения. Промысел этот совершенно свободный»[1].

Судя по этому описанию, добыча золота не имела промышленного характера и не опиралась на разработку коренных месторождений. Источником металла служили аллювиальные отложения, формировавшиеся за счёт размыва конгломератов, что делало результативность работ крайне зависимой от сезонного водного режима. Объёмы добычи были ничтожны: даже при благоприятных условиях дневная выработка артели в пересчёте на деньги едва могла обеспечить прожиточный минимум.

По данным Д. К. Мышенкова, промысел был свободным, то есть формально не требовал разрешения властей. Однако в других свидетельствах, включая устные рассказы местных жителей, упоминается, что и такие заработки не оставались вне фискального контроля: часть добычи или её денежный эквивалент взималась в пользу бека, причём ставка могла достигать десятой части и более[2]. По-видимому, подобные поборы не были официально регламентированы и зависели от усмотрения местной власти.

Для сравнения, в том же источнике Д. К. Мышенков приводит сведения о другом горном промысле – выработке квасцов, которая, в отличие от золотодобычи [старатели], могла приносить более ощутимый доход: «Производство квасцов составляет в некоторых кишлаках, после земледелия, самый выгодный и распространённый промысел. Всякий, желающий им заниматься, получает от бея дозволение, за которое платит в месяц от 5 до 20 коканов, и этот сбор иногда доходит, как мне говорили, до двух тысяч коканов в год. Четыре, пять человек в продолжение трёх зимних месяцев добывают до пятидесяти пудов квасцов, которые или продаются на месте скупщикам, от 16 до 20 коканов за пуд, или же вывозятся на ташкентский и самаркандский базары.

[1] Мышенков Д. К. Геологические заметки из дневника по экспедиции в верховья Зеравшана//Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. – Вып. II. – СПб., 1873. – С. 137.
[2] Там же.

По показанию же других, в подать уплачивалось бею с каждого кишлака около пуда готовых квасцов»[1].

Здесь мы видим принципиально иную организацию производства: квасцедобыча была подчинена системе разрешений, облагалась фиксированным денежным сбором и интегрировалась в региональную торговлю. По-видимому, в отличие от случайного и малоэффективного старательского (золотодобычного) промысла, производство квасцов отличалось большей предсказуемостью и рентабельностью и поэтому занимало в экономике горных сообществ более заметное место.

Сопоставление этих данных позволяет заключить, что в структуре побочных промыслов горцев второй половины XIX в. золотодобыча была типичной стратегией «экономики бедности» – тяжёлой, низкодоходной, но доступной даже для наименее обеспеченных слоёв. Квасцедобыча же, напротив, требовала определённого капитала, координации и связей, но взамен обеспечивала более устойчивый доход и вовлечение в межрегиональные обменные цепочки.

В этом контексте становится очевидно, что наряду с земледелием, скотоводством и кустарными промыслами заметную роль в экономике верховьев Зеравшана играла разработка местных минеральных ресурсов. Несмотря на ограниченную техническую оснащённость, этот сектор обладал определённым потенциалом и, как следует из «Дневника» Абдуррахмана Мустаджира и других источников, обеспечивал сезонную занятость преимущественно беднейших слоёв горного населения, выступая своего рода «буфером» в периоды дефицита аграрных доходов.

Особенно развитой в Фанского бекства была добыча серы, нашатыря (хлористого аммония) и квасцов. По наблюдениям А. П. Федченко, эти месторождения ещё с дореволюционного времени находились в разряде регалий[2]

---

[1] Мышенков Д. К. Геологические заметки из дневника по экспедиции в верховья Зеравшана//Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. – Вып. II. – СПб., 1873. – С. 137.

[2] Федченко А. П. Топографический очерк Зеравшанской долины. Краткий отчёт о путешествии в бассейн верхнего Зеравшана // Путешествие в Туркестан. – М.: Географгиз, 1950. – С. 151-188.

– правительственной собственности, эксплуатация которых регулировалась особым порядком. Надзор за ними осуществляли назначаемые конбоны – уполномоченные представители местной администрации, контролировавшие добычу и сбор податей. По-видимому, такая система обеспечивала бекской власти монополию на ключевые минеральные ресурсы, используемые как в местном хозяйстве, так и в торговле с внешними рынками.

А. П. Федченко подробно описывает посещение одного из наиболее известных месторождений – Кан-тага (напротив кишлака Рабат): «Ночевали в ущелье Джиджик-рут <…> по дороге <…> посетили Кан-таг – рудную гору, из которой жители добывают серу и нашатырь <…> через 1½ часа приехали к отверстию, из которого выходят весьма горячие газы <…> палочки запылали сильным огнём под влиянием тока газов <…> высокая известковая скала имеет несколько отверстий и вся изъедена сернистыми парами <…> налёт с этих камней собирается три раза в год. Сбор налёта <…> составляет правительственную регалию, и теперь ещё на горе есть кан-бан, оставшийся от времён бухарского владычества, обязанность которого наблюдать за неприкосновенностью камней и сбором налёта <…>. Другое лицо, аминь, отвозило его в Самарканд»[1].

Судя по этому описанию, разработка месторождения была организована в строго регламентированном порядке: сбор серного налёта производился в определённые периоды, под контролем уполномоченного лица (кан-бана), а транспортировка сырья – отдельным доверенным чиновником (амнем). Этот порядок фактически исключал свободный доступ местных жителей к основному ресурсу и обеспечивал полный контроль со стороны власти[2].

В то же время окрестным деревням предоставлялась возможность за символическую плату использовать залежи серосодержащей земли (кальке)

---

[1] Федченко А. П. Топографический очерк Зеравшанской долины. Краткий отчёт о путешествии в бассейн верхнего Зеравшана // Путешествие в Туркестан. – М., 1950. – С. 151-188.
Федченко А. П. Заметки о соседних бекствах и памятниках Самарканда // Путешествие в Туркестан. – М., 1950. – С. 189-226.

[2] Федченко А. П. Топографический очерк Зеравшанской долины. Краткий отчёт о путешествии в бассейн верхнего Зеравшана // Путешествие в Туркестан. – М., 1950. – С. 158.

вокруг рудника: «<…> по 20 коп. с человека в год <…> несколько постоянных рабочих мелкими шахтами разрабатывают кальке <…> жители свозят эту землю вниз и <…> употребляют её для приготовления квасцов из квасцовых сланцев (шюря)»[1].

Таким образом, мы видим своеобразную двухуровневую систему доступа к природным богатствам: монопольное изъятие основной продукции (серного налёта) властью и платное использование вторичных залежей (кальке) местными жителями. Эта модель сочетала административный контроль с ограниченным вовлечением населения в переработку минерального сырья, что позволяло извлекать из промысла как прямую фискальную выгоду, так и косвенный экономический эффект через кустарное производство.

Свидетельства Абдуррахмана Мустаджира о добыче нашатыря в тех же местах показывают устойчивость этой хозяйственно-административной схемы. По его данным, добыча велась дважды в год – летом и осенью – с мобилизацией рабочих из пяти соседних кишлаков[2]. Месторождение принадлежало государю, а весь полученный объём поступал в распоряжение властей. Процесс имел чёткую организацию: рабочие выносили породу на расстеленные на земле ковры, из одной партии получали до двух манов сырья, которое амин распределял между мастерами переработки (закипятителями). Из одного мана исходного материала выходило два мана очищенного аджиг, что свидетельствует как о высокой концентрации действующего вещества, так и о технологической отработанности процесса[3].

Как и в случае с серными промыслами, охрана нашатырных месторождений носила наследственный характер: должность сторожа передавалась по линии отца к сыну, а его содержание обеспечивалось из казны – двадцать танга и два мана пшеницы в месяц. Этот элемент наследственной службы указывает на закреплённость промысла в структуре административных

---

[1] Федченко А. П. Топографический очерк Зеравшанской долины. Краткий отчёт о путешествии в бассейн верхнего Зеравшана // Путешествие в Туркестан. – М., 1950. – С. 158.

[2] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 153-154.

[3] Там же.

обязанностей и на устойчивую институционализацию охраны стратегически важных объектов[1].

Особый интерес представляет зафиксированная А. Мустаджиром природная особенность выхода минерала – так называемый «нашатырный огонь», представлявший собой едкое испарение, заметное в темноте и неразличимое днём[2]. Вероятно, речь шла о выделении газов при окислении азотсодержащих соединений, создававшем впечатление светящегося или «горящего» воздуха. Подобное явление, зафиксированное в народной памяти, придавало промыслу ореол опасности и одновременно сакральной ценности, укрепляя в сознании местных жителей представление о его исключительном значении.

По-видимому, именно такая схема – монопольный контроль над главным ресурсом и частичный доступ к его побочному продукту – позволяла сочетать интересы фиска с возможностью вовлечения местного населения в промысловую деятельность.

Особый интерес представляет зафиксированное А. П. Федченко объяснение природы этого явления: «<…> газы и тепло <…> есть результат горения под землею слоёв угля <…> продукты разложения <…> по расщелинам поднимаются кверху <…> оседают на камнях <…> зимой осаждение совершается в гораздо большем количестве»[3].

По сведениям современников, зимой группа из пяти человек могла за три месяца добыть до 50 пудов квасцов (800 кг.), реализуя их на месте или на базарах Пенджикента по цене 3 руб. 20 коп. – 4 руб. за пуд. При максимальной цене сезонная выручка достигала 200 рублей, что по меркам горных селений являлось значительной суммой[4]. После уплаты сборов и налогов часть дохода оставалась в распоряжении добытчиков, превращая этот промысел в важный источник временного заработка для безземельных и малоземельных горцев.

---

[1] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 153-154.
[2] Там же.
[3] Федченко А. П. Топографический очерк Зеравшанской долины. Краткий отчёт о путешествии в бассейн верхнего Зеравшана // Путешествие в Туркестан. – М., 1950. – С. 158.
[4] Там же.

По сведениям А. Д. Гребенкина, ежегодная добыча нашатыря в Фане достигала 2000 пудов (32 тонны), что в денежном выражении составляло около 10 000 руб. Из этой суммы более 500 рублей поступало в казну в виде налоговой ренты[1]. Эти данные подтверждают, что минеральные промыслы были источником дохода не только для населения, но и для администрации бекств. Беки извлекали выгоду от продажи лицензий на добычу и сборов с готовой продукции, фактически выступая в роли предпринимателей, использовавших труд своих подданных для эксплуатации природных богатств.

Добыча квасцов занимала особое место в хозяйстве. Местные жители использовали кальке как сырьё для их производства, что делало серный рудник ключевым звеном в технологической цепочке. А. П. Федченко также отмечает наличие вблизи пластов каменного угля «низкого достоинства»[2] и квасцовых сланцев третичной формации, что указывает на сложный минеральный состав местности.

Другое свидетельство А. П. Федченко, относящееся к описанию Фанской долины, подтверждает, что «горящая гора» была известна не только как природная достопримечательность, но и как источник целого комплекса минеральных продуктов: «<…> на самаркандском базаре я нашёл <…> нашатырь, квасцы и неизвестное мне вещество зак-сия, употребляемое в чёрную краску»[3].

По-видимому, продукция этого рудника имела широкий сбыт и выходила за рамки локального потребления, что позволяло включать добычу и переработку этих минералов в систему межрегиональной торговли.

Совокупность данных А. П. Федченко позволяет заключить, что добыча серы, нашатыря и квасцов в Фанском бекстве носила не случайный, а системно организованный характер. Она находилась под жёстким административным

---

[1] Гребенкин А. Д. Заметки о Когистане // Туркестанские ведомости. – 1872. – № 24 (19 июня). – С. 95-96.

[2] Федченко А. П. Топографический очерк Зеравшанской долины. Краткий отчёт о путешествии в бассейн верхнего Зеравшана // Путешествие в Туркестан. – М., 1950. – С. 159.

[3] Федченко А. П. Топографический очерк Зеравшанской долины. Краткий отчёт о путешествии в бассейн верхнего Зеравшана // Путешествие в Туркестан. – М., 1950. – С. 159; См. также: Тейх А. Каменный уголь в Зеравшанском округе // Туркестанские ведомости. – 1881. – № 3 (20 янв.). – С. 11.

контролем, предполагала распределение прав на использование различных категорий сырья и играла заметную роль в экономике региона, удовлетворяя как внутренние потребности, так и формируя экспортный потенциал.

В совокупности с разработкой минеральных ресурсов в верховьях Зеравшана был развит и лесной промысел, особенно среди безземельных и малоземельных крестьян Киштута, Фальгара и Магиана. К основным видам этой деятельности относились заготовка и продажа дров, выжигание древесного угля из можжевельника (*арчи*), изготовление рукояток для сельскохозяйственных орудий и производство деревянных гвоздей, широко применявшихся в обувном деле (для подошв) и строительстве. По свидетельству Л. Н. Соболева[1] и Г. А. Арандаренко[2], древесный уголь из верховьев Зеравшана активно вывозился в ремесленные мастерские Ургута, Пенджикента, Самарканда и Бухары, где служил топливом для кожевенных, литейных и кузнечных производств. В отсутствие каменного угля или нефти именно горный можжевельник давал наилучший древесный уголь, и потому горцы становились важными поставщиками топлива для кустарных производств всего региона. Заготовка и транспортировка угля представляли собой тяжёлый физический труд, но обеспечивали наличный доход, нередко единственный для наиболее бедных хозяйств. Экологические последствия такой вырубки в XIX веке в расчёт практически не принимались.

Таким образом, добывающие и ремесленные занятия в значительной мере лежали на плечах социально уязвимых групп – тех, кто не имел устойчивого доступа к пахотной земле и вынужден был восполнять хозяйственный дефицит тяжёлой физической работой. Значительная часть производимой ими продукции – квасцы, древесный уголь, деревянные изделия, железные принадлежности – реализовывалась за пределами региона. Это делало верховья Зеравшана структурно включёнными в межрайонную систему обмена и одновременно

---

[1] Соболев Л. Н. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе: с приложением списка населённых мест округа – СПб., 1874. – 561 с.

[2] Арандаренко Г. А. Досуги в Туркестане. 1874-1889. – Душанбе: Адиб, 2024. – 580 с.; Арандаренко Г. А. Досуги в Туркестане. 1874-1889. – СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1889. – 666 с.

экономически зависимыми от внешних рынков. Горы поставляли сырьё и полуфабрикаты, а взамен получали товары и деньги, однако условия торговли определялись преимущественно долинами: цены на ввозимые хлеб и ткани были высокими, а на вывозимые шерсть и уголь – низкими, что закрепляло неравновесие в пользу низинных центров.

По наблюдению А. Мустаджира, уровень ремесленного производства в регионе оставался низким и не покрывал даже внутренних потребностей. Значительная часть необходимых изделий – металлические орудия (ножи, плуги, замки), качественная одежда, соль, сахар – поступала из Самарканда, Ура-Тюбе и других центров, что указывает на слабую диверсификацию местной экономики и её устойчивую зависимость от внешней торговли[1].

Во второй половине XIX века, по мере разрушения натурального уклада и расширения торговых связей, товарно-денежные отношения всё глубже проникали в повседневную жизнь горных общин. Если ранее крестьянское хозяйство стремилось удовлетворять свои потребности за счёт собственного производства, то к концу столетия такая модель становилась невозможной, и необходимость в покупке товаров возрастала. Жители верховьев всё чаще приобретали хлеб, утварь, сельскохозяйственные орудия, ткани и иные предметы обихода в Самарканде, Пенджикенте, Ура-Тюбе, Гиссаре и Каратагине, которые фактически выполняли роль внешней экономической базы, компенсирующей аграрную недостаточность горных местностей.

Одновременно сами верховья поставляли на рынки соседних областей сушёные фрукты, орехи, фисташки, миндаль, шерсть, овчины, масло, коз, овец, а также изделия домашнего ткачества. По сведениям А. Д. Гребенкина, сложился устойчивый обмен сельскохозяйственной и ремесленной продукции на зерно, ткани, соль, металлические изделия, украшения, чай, медикаменты и другие необходимые товары. Торговля носила преимущественно сезонный характер:

---

[1] См.: Мирза Мулла Абдуррахман, сын Мухаммада Латифа Мустаджира. Дневник Искандеркульской экспедиции: [рукопись] // Архив Санкт-Петербургского института восточных рукописей Российской академии наук, Отдел рукописей и документов. – № D 133 (стар. шифр 609g), 1870. – 398 л.; № D 134 (стар. шифр 609h) – 322 л. – 1870; Абдуррахмон М. Дневник Искандеркульской экспедиции. – Душанбе, 1989. – 176 с.

дважды в год, весной и осенью, в верховья Зеравшана прибывали торговцы из Ура-Тюбе и Пенджикента, привозя ткани (тик, чит) и иные востребованные изделия, которые обменивались на скот или скупались за наличные[1]. Бекская администрация взимала пошлины с каждого товарного тюка или головы скота, тем самым контролируя и извлекая выгоду из торговых потоков. Таким образом, товарообмен был встроен в феодальную систему, в которой даже обмен козы на мешок муки сопровождался взиманием доли в пользу правителя.

Углубление социального расслоения вело к формированию новых маргинальных слоёв – безземельных и малоземельных крестьян. Они были вынуждены покидать родные кишлаки и мигрировать в города – Самарканд, Пенджикент, Ура-Тюбе, Ходжент – где часть из них занималась нищенством, мелкой торговлей и кустарными промыслами. По словам А. Мустаджира, многие собирали хворост в горах и продавали его на базарах, другие работали маслоделами или варили халву[2].

Особый интерес представляет упоминание в «Дневнике» о сделках купли-продажи земли, которые осуществлялись уже не в форме менового обмена, а на основе денежной оплаты. Земля становилась товаром: её продавали за серебро, что в условиях традиционного общества было явлением новым и значимым. Наличие рынка земли, пусть ограниченного, свидетельствовало о кризисе натуральной модели и росте товарного обращения. Эти факты отражают трансформацию прав собственности и зарождение имущественного рынка. Наиболее стеснённые крестьяне, утратив возможность прокормиться на малых наделах, продавали их более состоятельным слоям – баям и купцам, – а сами уходили в батраки или на заработки. В условиях феодальной системы, где земля обычно переходила по наследству или по воле властителя, подобные сделки становились явным признаком ломки прежних устоев. А. Мустаджир упоминал о таких эпизодах как о редком, но примечательном явлении.

---

[1] Гребенкин А. Д. Ремесленная деятельность таджиков Зеравшанского округа // Материалы для статистики Туркестанского края: Ежегодник. – Т. 1. – СПб., 1873. – С. 118.

[2] См. более подробно о базарах верховья Зеравшана: Коротков Ф. Поездка в горы Фальгара, Ягноба и на Искандеркуль // Туркестанские ведомости. – 1877. – № 30 (2 авг.). – С. 138; № 31. – С. 142.

Социально-экономическая структура верховьев Зеравшана конца XIX века, по наблюдениям А. Мустаджира, представляла собой сложное переплетение феодального уклада и всё более заметных элементов раннекапиталистического обмена. Усиление денежного оборота и углубление кризиса натурального хозяйства делали невозможным традиционное самообеспечение: горные общины втягивались в рыночную экономику в качестве зависимой периферии. На этом фоне возникали новые социальные фигуры – безземельные крестьяне, ростовщики, посредники-скупщики. Под давлением товарно-денежных отношений институты взаимопомощи и коллективной солидарности теряли устойчивость. Тем не менее власть беков, налоговые и трудовые повинности сохраняли значение, а имущественное неравенство лишь усиливалось. Таким образом, регион находился в переходном состоянии: новые отношения не вытесняли старые, а наслаивались на них, формируя противоречивую картину.

Особую ценность представляют эпизоды народного протеста, зафиксированные в записях А. Мустаджира. Несмотря на их фрагментарность, они позволяют увидеть скрытые линии классового противостояния. Так, он описывает случай, когда жители нескольких кишлаков, возмущённые злоупотреблениями местного бека, отказались платить налоги и укрылись в горах, пока против них не были высланы вооружённые отряды. Подобные эпизоды редко отражались в официальных документах, но именно они раскрывают напряжение, накапливавшееся в деревенской среде.

Отражение социально-экономических реалий жизни населения верховьев Зеравшана в «Дневнике Искандеркульской экспедиции» Мирзы Муллы Абдуррахмана Мустаджира позволяет значительно углубить представление о повседневной жизни горных таджикских сообществ второй половины XIX века. Его наблюдения, соотнесённые с материалами дореволюционных исследователей – А. Д. Гребенкина, П. А. Аминова, А. П. Федченко, Г. А. Арандаренко, В. В. Дынина и др., дают возможность восстановить

целостную картину хозяйственной, социальной и правовой структуры верховьев Зеравшана.

Основой местной экономики оставалось поливное земледелие, крайне ограниченное природными условиями — узкими террасами, непостоянным водоснабжением, коротким вегетационным периодом. По данным архивов и дореволюционных описаний, пахотные земли составляли не более 3–5 % общей территории; при этом их урожайность колебалась в зависимости от количества влаги и состояния арыков. А. Мустаджир подробно фиксировал формы коллективной ирригации, распределение воды и практику общинного надзора за арыками, что согласуется с наблюдениями Г. А. Арандаренко, отмечавшего ключевую роль общинных институтов в управлении водными ресурсами. Земледелие сочеталось с садоводством (абрикос, шелковица, виноград), разведением мелкого скота, сбором дикорастущих растений и сезонными промыслами.

Социальная структура региона, как показывают данные А. Мустаджира и других источников, была сложной и стратифицированной. Землевладение подразделялось на частные (милк-хури холис), государственные (амлок, замини мири), налоговые (милк-хараджи, милк-ушри) и вакуфные (замини вакф) категории. В «Дневнике» упоминаются многочисленные поборы — харадж, ушр, закят, государственные и внеочередные сборы — что подтверждает сведения В. Дынина и отчёты Зеравшанского округа о многоступенчатом налогообложении, усиливавшем имущественное расслоение.

А. Мустаджир обращает внимание и на внутренние правовые и этические механизмы регулирования хозяйственных отношений: применение норм шариата и адата в локальной интерпретации, обычаи коллективной взаимопомощи, обряды взаимной поддержки при ремонте арыков или строительстве. Эти элементы, сохранившиеся от традиционной горной общины, обеспечивали минимальную социальную устойчивость в условиях нестабильности и фискального давления.

Таким образом, «Дневник Искандеркульской экспедиции» А. Мустаджира является уникальным источником по изучению социально-экономической жизни горных бекств верховьев Зеравшана конца XIX века. Он сочетает этнографическую и топографическую точность с аналитической глубиной, позволяя рассматривать регион в переходном состоянии – между устойчивыми структурами феодального уклада и зарождающимися формами капиталистических отношений. Уже во второй половине XIX в. здесь просматривались предпосылки разложения феодализма – рост рыночных связей, имущественное расслоение, миграция и появление рынка земли. Однако старые порядки всё ещё определяли повседневность. Комплексный анализ «Дневника» и сопоставимых источников позволяет увидеть целостную картину трансформации, при которой горное общество верховьев Зеравшана конца XIX в. находилось на пороге новой эпохи, одновременно сохраняя черты старого мира и формируя основы будущего социально-экономического развития.

ГЛАВА III. МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ВЕРХОВЬЕВ ЗЕРАВШАНА ПО МАТЕРИАЛАМ «ДНЕВНИКА»

3.1. Традиционный уклад и народные обычаи верховьев Зеравшана в описаниях Абдуррахмана Мустаджира

Во второй половине XIX века горные таджикские общины верховьев Зеравшана представляли собой устойчивую модель локального быта, формировавшуюся в условиях естественной изоляции, ограниченных ресурсов и географической удалённости от политико-экономических центров. Этот традиционный уклад, тесно связанный с природной средой и опиравшийся на патриархальные институты власти, демонстрировал высокую степень адаптивности к суровому горному ландшафту и способность к самоорганизации внутренних отношений. Особую ценность для его изучения представляет «Дневник Искандеркульской экспедиции» А. Мустаджира, где подробно зафиксированы демографические характеристики селений, формы хозяйственной деятельности, религиозные практики и образовательные институты.

Источниковедческое значение этого текста определяется редкостью подобных свидетельств и их непосредственной привязкой к конкретному историческому моменту. «Дневник» фиксирует широкий спектр явлений повседневной культуры – от организации семейного уклада и структуры религиозных представлений до календарных обрядов, погребальных обычаев, норм гостеприимства и приёмов хозяйственной обрядности. Особое место занимают сведения об устной традиции, которая сопровождает бытовые и ритуальные практики и служит средством передачи локальной истории и моральных норм. Важно отметить, что сопоставление наблюдений А. Мустаджира с описаниями А. Д. Гребенкина и данными советских этнографов середины XX века в том же Е. М. Пещеревой, В. Л. Ворониной, А. С. Давыдова, М. А. Хамиджановой, А. Н. Кондаурова, М. Р. Рахимова,

Н. А. Кислякова и др. позволяет выявить как устойчивые черты горного быта, так и локальные трансформации.

Так, А. Д. Гребенкин подчёркивал таджикскую однородность населения верховьев, связывая её с давним вытеснением других групп в труднодоступные местности[1], отражая представления своего времени о механизмах этногенеза. Напротив, исследования XX века зафиксировали изменения в семейной и хозяйственной практике, что позволяет проследить динамику традиций во времени и отделить элементы, действительно восходящие к XIX веку, от более поздних наслоений[2]. Настоящее исследование охватывает ключевые аспекты традиционного уклада верховьев Зеравшана: семейно-родовые обычаи (брачные и родильные обряды, воспитание детей), религиозно-календарные праздники, погребальные практики и связанные с ними поверья, обычаи гостеприимства и межродовых отношений, ритуалы хозяйственного цикла (земледельческие и скотоводческие), а также устные формы традиции (песни, молитвы, легенды и др.). Каждый из этих аспектов рассматривается последовательно, что позволяет представить традиционный уклад как целостную систему со своими материальными и духовными компонентами.

Хозяйственная жизнь общин строилась на сочетании земледелия и скотоводства, адаптированных к суровым природным условиям. Пахотные участки располагались по берегам речек, на террасах склонов и в небольших котловинах, где преобладали посевы пшеницы, ячменя и отдельных бобовых культур[3]. Земледелие велось преимущественно на богарных землях, а ирригация ограничивалась использованием родниковых источников. Налоговая система Бухарского эмирата сохраняла устойчивость даже в условиях низкой

---

[1] Гребенкин А. Д. Заметки о Когистане // Туркестанские ведомости. – 1871. – № 22. – С. 87-89. Также: Гребенкин А. Д. Таджики. Мелкие народности Заравшанского округа // Русский Туркестан: Сборник, изданный по поводу Политехнической выставки. Вып. 2: Статьи по этнографии, технике, сельскому хозяйству и естественной истории. – Москва: Университетская типография (Катков и Ко) на Страстном бульваре, 1872. – С 1-119.

[2] См.: Рахимов М. Зеравшанская этнографическая экспедиция 1958-1961 гг. // Известия Отделения общественных наук АН Таджикской ССР. – 1963. – № 1 (32). – С. 51-66.

[3] См.: Мирза Мулла Абдуррахман, сын Мухаммада Латифа Мустаджира. Дневник Искандеркульской экспедиции: [рукопись] // Архив Санкт-Петербургского института восточных рукописей Российской академии наук, Отдел рукописей и документов. – № D 133 (стар. шифр 609g) – 398 л.; № D 134 (стар. шифр 609h) – 322 л. – 1870; Абдуррахмон М. Дневник Искандеркульской экспедиции. – Душанбе, 1989. – 176 с.

урожайности, поскольку крестьяне уплачивали десятину с зернового урожая, что отражало значение фискальных механизмов как инструмента политико-экономического контроля. Важной особенностью было также использование высокогорных плато для сезонного земледелия, когда жители Кум, например, выделяли участки на горе Суфизок под весенний посев пшеницы[1]. Это свидетельствует о характерной для региона хозяйственной мобильности и умении адаптироваться к ограниченным земельным ресурсам.

Социальная организация горных сообществ проявлялась в религиозных и образовательных институтах. В каждом селении действовала хотя бы одна мечеть и начальная школа (мактаб), а в крупных населённых пунктах – таких, как Урметан, Рарз, Марзич и Оббурдан – функционировало по нескольку школ, что указывает на широкую доступность начального образования даже в условиях горной изоляции[2]. Данное наблюдение отражает не только инфраструктурную устойчивость локальных сообществ, но и их ориентацию на сохранение письменной традиции и религиозной идентичности, служившей цементирующим фактором социальной сплочённости. В совокупности эти данные позволяют рассматривать описываемый уклад как результат сложного взаимодействия природных условий, политико-фискального давления эмиратской администрации и внутренних механизмов самоорганизации, обеспечивавших выживаемость и культурную преемственность горных таджикских сообществ.

Организация образовательного процесса была тесно связана с ритмом хозяйственной жизни. Занятия в школах, как правило, начинались зимой, когда сельскохозяйственные работы прекращались, и мальчики, достигавшие шестилетнего возраста, могли приступить к учёбе. В ряде селений, например, в Оббурдане (Масчинское бекство), обучение продолжалось и летом, что

---

[1] Мирза Мулла Абдуррахман, сын Мухаммада Латифа Мустаджира. Дневник Искандеркульской экспедиции: [рукопись] // Архив Санкт-Петербургского Института восточных рукописей Российской академии наук, Отдел рукописей и документов. – № D 133 (старый шифр 609g). – 1870. – ЛЛ 288а-288б.

[2] Абдуррахмон М. Дневник Искандеркульской экспедиции. – Душанбе, 1989. – С. 48-50. А также: Камолов Х. Ш. Значение экспедиции 1870 г. генерала А. К. Абрамова в изучении материальной и духовной культуры верховья Зеравшана и долины Фондарьи // Вклад российской науки … / материалы междунар. науч. конф. – Худжанд: Университет, 2019. – С. 168-179.

указывает на стремление отдельных общин к более интенсивному образовательному процессу. Программа обучения, зафиксированная в «Дневнике», носила религиозно-филологический характер. Её основой служило освоение азов грамотности через арабский алфавит, после чего следовало обучение арифметике по системе абджад, где каждому знаку алфавита соответствовало определённое числовое значение[1]. Такая методика не была абстрактной и позволяла сочетать чтение с элементарными счётными навыками, соединяя филологическую и практическую стороны образования. Дальнейший этап заключался в переходе к заучиванию наизусть коротких сур и аятов Корана. Именно здесь, по свидетельству автора «Дневника», начиналось приобщение ученика к сакральному знанию, выходившему за рамки чисто школьного процесса. Завершение каждого этапа обучения носило ритуализированный характер, что подчёркивало не только образовательную, но и духовно-воспитательную составляющую системы. Эти наблюдения А. Мустаджир фиксировал как часть более широкой картины культурной жизни верховьев Зарафшана, где религиозное образование играло роль важного механизма социализации и передачи ценностей. Так, по окончании чтения «Хафтияка» (сборника заключительных сур Корана) устраивалось праздничное угощение[2]. На него приглашались мулла, односельчане и родственники ученика, а наставнику по обычаю преподносили символические дары – козу, хозяйственные материалы или небольшую денежную сумму (две танги). После освоения курса Корана учащиеся переходили к изучению «Чаҳор китоб» – сочинения, приписываемого шейху Аттару, где излагались основы шариатских предписаний и нормы нравственного поведения мусульманина[3].

Особый интерес представляют сведения о женском образовании. По наблюдениям А. Мустаджира, школы для девочек встречались редко, однако в отдельных населённых пунктах, таких как Пенджикент, Урметан и Оббурдан,

[1] Абдуррахмон М. Дневник Искандеркульской экспедиции. – Душанбе, 1989. – С. 101-102.
[2] Там же.
[3] Камолов Х. Ш. Значение экспедиции 1870 г. генерала А. К. Абрамова в изучении материальной и духовной культуры верховья Зеравшана и долины Фондарьи // Вклад российской науки … / материалы междунар. науч. конф. – Худжанд: Университет, 2019. – С. 168-179.

существовали специальные формы обучения, организованные женщинами-преподавательницами, известными как бибиотуны. Подобная практика демонстрирует, что даже в патриархальном укладе традиционного общества определённые возможности для женского образования сохранялись. В каждой школе преподавал, как правило, один наставник, а общее число учеников не превышало двадцати человек. Курс обучения занимал не более трёх лет и завершался либо возвращением ученика к сельскохозяйственному труду, либо, в случае достатка в семье, продолжением образования в медресе крупных городов – Самарканда, Бухары или Ура-Тюбе[1].

Организационно школы чаще всего функционировали при мечетях, которые выступали центрами общинной жизни. В некоторых случаях занятия проходили в помещениях мехмонхона – домов для гостей, выполнявших одновременно функцию общественных собраний и школ.

Сопоставительный анализ данных, зафиксированных А. Мустаджиром в «Дневнике», позволяет выявить чёткую закономерность: численность школ и мечетей в отдельных сёлах прямо коррелировала с демографическими показателями и квартальной структурой населённого пункта. В Рарзе, насчитывавшем около ста дворов[2], каждый из четырёх кварталов имел собственную мечеть и мактабхону, что демонстрирует тесную увязку между административно-социальным устройством деревни и распределением религиозно-образовательных институтов. В Похуте, где было всего тридцать дворов[3], действовали три мечети и одна школа при мехмонхона, что отражало меньший масштаб поселения, но при этом сохранение базовой структуры духовной жизни.

Подобная пропорция прослеживается и в других населённых пунктах. В Оббурдане (60 дворов) существовали две мечети и две школы, также

---

[1] Камолов Х. Ш. Значение экспедиции 1870 г. генерала А. К. Абрамова в изучении материальной и духовной культуры верховья Зеравшана и долины Фондарьи // Вклад российской науки … / материалы междунар. науч. конф. – Худжанд: Университет, 2019. – С. 168-179.

[2] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 103.

[3] Там же. – С. 62-63.

размещённые в доме для гостей; в Хадишахре (60 дворов) [1] – две мечети и одна школа; в Ревомутке (60 дворов) – четыре мечети и одна школа; в Махшеваде (60 дворов) – три мечети и три школы; наконец, в Хишортобе (100 дворов) [2] функционировали две мечети и две школы. Эти сведения подтверждают, что наличие и распределение религиозно-образовательных центров не было случайным, а определялось числом кварталов и размерами поселений.

Наряду с мечетями и мактабами важнейшее место в сакральной географии региона занимали многочисленные мазары и святыни. «В “Дневнике” приведён перечень из 73 святынь в бекствах Масчо, Фальгар, Реват, Ягноб, каждая из которых имела свою историю и обрядовую практику. Автор подробно описывает мавзолей Мавлана Шамсуддина Мухаммада Хатиба, место паломничества жителей окрестных сёл, мазар Мавлана Шамсуддина Сабзпуша, расположенный на живописном плато, и мазар Ходжа Исхака, к которому, по поверьям, приходили за исцелением»[3]. По интерпретации автора, происхождение большинства из них связывалось с эпохой халифа Умара, однако современный анализ позволяет утверждать, что значительная часть святынь, особенно в высокогорных местностях, восходит к доисламским культовым традициям[4].

По наблюдению А. Мустаджира, важным звеном в продовольственной стратегии оставалось собирательство. Жители Урметана и соседних кишлаков заготавливали дикорастущие плоды и травы: робу, ревоч, хурёк, боярышник, барбарис и смородину. Их сушили прямо на крышах домов, а затем складывали в мешки, чтобы сохранить на холодное время. Эти заготовки не были случайной добавкой – напротив, они становились важным компонентом зимнего рациона, снабжая семьи витаминами и необходимыми питательными веществами[5].

В то же время значительное место занимало скотоводство. Почти каждое хозяйство держало овец, коз и коров, которых зимой оставляли у селений, а

---

[1] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 52-54, 60, 61, 65, 66, 122.
[2] Там же. – С. 145-146.
[3] Камолов Х. Ш. Значение экспедиции 1870 г. генерала А. К. Абрамова в изучении материальной и духовной культуры верховья Зеравшана и долины Фондарьи // Вклад российской науки … / материалы междунар. науч. конф. – Худжанд: Университет, 2019.– С. 172.
[4] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. –С. 87-88.
[5] Там же. – С. 30-35

летом перегоняли на высокогорные пастбища. Животные обеспечивали население мясом, молоком, шерстью и кожей, а вместе с тем служили своеобразным «банком», где богатство накапливалось и сохранялось. Как отмечал А. Мустаджир, в Масчо и Фальгар за богатого считался владелец около 120 овец, двух лошадей, четырёх коров и нескольких ослов[1]. В Ягнобе же мерки достатка были иными: состоятельным называли человека с одной лошадью, тремя коровами и сорока овцами, тогда как бедняком считался обладатель лишь ослицы, пары коров и нескольких овец[2].

Эти этнографические наблюдения позволяют заключить, что именно мелкий рогатый скот был главным видом собственности и основным показателем социального статуса. Земледелие в силу природных ограничений играло вспомогательную роль, тогда как устойчивость всей продовольственной системы горных сообществ обеспечивалось комбинацией собирательства и скотоводства. Именно этот баланс между «плодами гор» и «богатством стад» позволял жителям Верхнего Зеравшана адаптироваться к суровым условиям и сохранять устойчивость традиционного уклада.

Другой значимой отраслью традиционной экономики региона было садоводство, а также сбор дикорастущих плодов. По наблюдению А. Мустаджира, фруктовые сады имелись во многих селениях верховьев Зеравшана. Несмотря на ограниченность пашни, климатические условия долин способствовали выращиванию плодовых деревьев, прежде всего абрикосов и шелковицы. Оба эти растения давали урожай, ценившийся не только как продукт питания, но и как товар для обмена и продажи. Урожай сушили на солнце и либо употребляли в пищу, либо вывозили на рынки. Жители Урметана, Ёри и соседних кишлаков, как отмечает А. Мустаджир, сушили абрикосы и шелковицу, перемалывали их в муку и хранили в кувшинах[3]. Эта сладкая и

[1] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 92-93.
[2] Камолов Х. Ш. Значение экспедиции 1870 г. генерала А. К. Абрамова в изучении материальной и духовной культуры верховья Зеравшана и долины Фондарьи // Вклад российской науки … / материалы междунар. науч. конф. – Худжанд: Университет, 2019. – С. 177. А также см.: Искандер-Тюря (Кун А. Л.) Сведения о ягнаубском народе (К материалам для исследования ягнаубского языка) // Туркестанские ведомости. – 1881. – № 3. – С. 11-12; № 4. – С. 14-15.
[3] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 30-35.

питательная мука служила важным источником калорий зимой и в то же время шла на продажу.

Особое место в хозяйстве горных сообществ занимала переработка плодов шелковицы. Из неё получали не только муку, но и напиток шир, а также масло. Перемолотая сушёная шелковица шла на приготовление халвы, которую вместе с миндальным и ореховым маслом продавали на рынках Пенджикента, Самарканда, Ура-Тюбе, Ургута и Шахрисабза[1]. Таким образом, сухофрукты и продукты их переработки становились важной статьёй экспорта, обеспечивая устойчивые экономические связи горцев с долинными и городскими центрами.

Помимо садоводства, значительное место в хозяйственном укладе занимали народные промыслы. Среди них особенно выделялось ткачество. По свидетельству А. Мустаджира, селение Дардар в бекстве Фальгар представляло собой своеобразный «центр ткачества»: все восемьдесят дворов были вовлечены в производство хлопчатобумажной ткани карбос. Наряду с карбосом изготавливали и другую ткань – шимили. Оба вида рассматривались как «унаследованные от предков» и сохраняли значение важного источника дохода[2]. Массовость ремесла превращала его в явление общественного масштаба: оно переставало быть уделом отдельных мастеров и становилось частью социальной идентичности всего селения.

Домотканые ткани – карбос и шимили – входили в число основных экспортных товаров горного края. Их сбыт через рынки Джизака и Ура-Тюбе подтверждает включённость даже небольших сельских общин в региональную торговлю. Экспортная направленность ремесла подчёркивает, что верховья Зеравшана не были замкнутыми: напротив, они активно участвовали в товарообмене Средней Азии.

Сопоставление с наблюдениями А. Д. Гребенкина расширяет картину. По его данным, среди ремёсел таджиков округа ткацкое и вязальное производство

---

[1] Камолов Х. Ш. Значение экспедиции 1870 г. генерала А. К. Абрамова в изучении материальной и духовной культуры верховья Зеравшана и долины Фондарьи // Вклад российской науки … / материалы междунар. науч. конф. – Худжанд: Университет, 2019. – С. 172-173.

[2] Там же. – С. 175.

занимало одно из первых мест, уступая лишь кузнечному, кожевенному и столярному. Он фиксировал широкий спектр тканей – от повседневных (алача, калама, фота, хоса) до полушёлковых (адрас, басма). Каждая разновидность имела собственные центры: алачу ткали в Ургуте, каламу – в Самарканде и Катта-Кургане, фоту – в самаркандских мастерских, а хоса поставлялась даже в Бухару и Хиву[1].

Наряду с ткачеством существовали и другие ремесленные специализации. Хотя переработка шёлка в горных местностях почти не развивалась, кузнечное дело, напротив, было необходимо для удовлетворения внутренних потребностей. Показателен пример селения Зироват (Зеробод) в бекстве Фальгар, жители которого занимались разборкой старой ваты и её продажей. По словам А. Мустаджира, они «разбирали старую вату и продавали её», что демонстрирует характерную для горных сообществ адаптивность – стремление максимально использовать материалы в условиях ограниченной ресурсной базы и удалённости от крупных центров снабжения[2].

Женщины в ряде селений занимались ковроткачеством, изготовлением шерстяных и войлочных изделий для домашнего обихода, тогда как кузнецы и гончары работали по заказу, обслуживая сразу несколько деревень[3]. Таким образом, ремёсла не только удовлетворяли внутренние потребности, но и формировали важный сегмент экономического обмена.

Особую нишу занимала старательская деятельность. В XIX веке золотодобыча была одним из заметных сезонных промыслов верховьев Зеравшана. Она упоминается не только в этнографических описаниях, но и в трудах российских исследователей. Так, А. А. Леман (1814-1842), посетивший Бухарское ханство и Самарканд в 1841-1842 гг., оставил ценные сведения о практике местного старательства[4]. Его наблюдения показывают, что уже к

---

[1] Гребенкин А. Д. Заметки о Когистане // Туркестанские ведомости. – 1872. – № 22 (5 июня). – С. 88-89.
[2] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 55.
[3] Там же. – С. 141.
[4] См.: Lehmann A. Reise nach Buchara und Samarkand in den Jahren 1841 und 1842. – St. Petersburg: Buchdr. der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1852. – 342 p. Александр Адольфович Леман (1814-1842) – один из видных русских исследователей природы и географии Средней Азии первой половины XIX века. Несмотря на

середине XIX века добыча золота прочно вошла в структуру сезонной занятости горных сообществ.

Через три десятилетия, во время Искандеркульской экспедиции 1870 года, Абдуррахмон Мустаджир представил развёрнутое описание работы старателей (*заршӯён*) в ряде селений. Параллельно геолог Д. К. Мышенков охарактеризовал золотодобычу как свободный, но специфический промысел, наиболее распространённый среди малоземельных и малоимущих жителей. По его словам, золото встречалось в виде «мелких зерен и тонких пластинок», извлекаемых из прибрежных конгломератов. Объём добычи зависел от уровня воды: в благоприятный сезон, например в апреле, «четыре человека намывает в день <…> не более, как на три кокана» (три коканские монеты, около 60 копеек)[1]. Эти сведения конкретизируют технику и доходность промысла, показывая его социальное значение: золотодобыча становилась важным подспорьем для малоимущих, компенсируя недостаток земли и урожая.

Технология, описанная Д. К. Мышенковым, сводилась к промывке речного песка и гальки в простейших устройствах с последующим отделением золотых частиц водой и их сбором в небольшие ёмкости. Добытый металл реализовывался либо напрямую местным торговцам, либо через посредников поступал на рынки крупных городов, включая Самарканд. Юридически золотодобыча считалась «совершенно свободным промыслом» и была доступна

раннюю смерть, его научное наследие занимает важное место в истории естествознания и географических исследований. А. Л. Леман родился 18 мая 1814 года в Дерпте (ныне Тарту, Эстония) в семье врача. Начальное образование он получил дома, а с 1833 года продолжил обучение в Дерптском университете, где проявил глубокий интерес к естественным наукам. Помимо теоретической подготовки, он приобрёл ценный практический опыт, в частности, овладел искусством составления научных коллекций, сопровождаемых авторскими иллюстрациями. Наиболее значимой вехой в его исследовательской деятельности стало путешествие 1841-1842 годов в Бухару и Самарканд. В ходе этой экспедиции А. А. Леман впервые собрал обширный материал о географии и природных условиях верховьев Зеравшана, а также о социальной структуре местного населения. Результаты экспедиции были опубликованы в труде *«(Lehmann, A. Reise nach Buchara und Samarkand in den Jahren 1841 und 1842: nach den hinterlassenen Schriften desselben bearbeitet und mit Anmerkungen versehen. – St. Petersburg 1852. – Osnabrück: Biblio Verlag, 1969. – 342 p.)»*, изданном в 1852 году Российской академией наук в Санкт-Петербурге. Эта работа стала одним из первых систематизированных источников о регионе, ранее практически неизученном европейской наукой. Ход экспедиции, её научные задачи и контекст подробно рассмотрены в исследовании М. М. Соловьёва *«Учёная экспедиция в Бухару в 1841-1842 гг. с участием натуралиста Александра Лемана»*. В этой работе автор анализирует не только научную деятельность А. Лемана, но и его вклад в изучение природы, географии, а также социально-политических реалий Бухарского эмирата.

[1] Мышенков Д. К. Геологические заметки из дневника по экспедиции в верховья Зеравшана. Туркестанские ведомости, 15 августа 1870, № 8. – С. 47; а также: Мышенков Д. К. Геологические заметки из дневника по экспедиции в верховья Зеравшана. Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник / Под ред. Н. А. Маева. – Вып. II. – СПб.: Издание Туркестанского Статистического Комитета, 1873. – С. 133-138.

каждому, кто имел минимальный набор инструментов. Однако её масштабы оставались ограниченными: старатели, как правило, происходили из социально уязвимых слоёв и занимались добычей лишь в сезон[1].

В описании села Варзиманор А. Мустаджир отмечает, что часть «крестьян того села добывает золото в свободное время»[2]. Старательский промысел здесь упоминается наряду с продажей сухофруктов и выращиванием зерновых, что позволяет заключить: добыча золота имела вспомогательный характер и была свойственна сравнительно небольшой группе малоимущего населения.

Данные «Дневника» уточняют географию промысла: названы пункты в верхнем течении (с. Ланглиф), среднем течении (с. Ревомутк) и нижней части бекства Масчо[3]. Такая локализация показывает очаговый характер золотодобычи, приуроченной к отдельным участкам береговой линии и речным рукавам. Примечательно, что старатели освобождались от уплаты закята, что, вероятно, объяснялось высокой трудоёмкостью работ, их сезонностью и малыми объёмами добычи.

Направления сбыта также зафиксированы А. Мустаджиром: добытчики отвозили золото «в Ура-Тюбе, продавали и приобретали необходимые товары»[4]. Тем самым отмечаются прямые экономические связи горных старателей с городскими рынками. В XIX веке Ура-Тюбе выступала значимым торговым центром и транзитным пунктом для драгоценных металлов; оттуда часть промытого золота, вероятно, поступала на рынки Самарканда и Бухары[5].

Источник подчёркивает выраженную сезонность промысла: «в среднем течении золото промывают в месяце Хамал (март–апрель) и в конце осени». Отсюда следует, что основные работы велись в два интервала – ранней весной и после завершения осенних полевых работ. Зимой добыча прекращалась

---

[1] Мышенков, Д. К. Геологические заметки из дневника по экспедиции в верховья Зеравшана // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник / под ред. Н. А. Маева. – Вып. 2. – СПб.: Туркестанский стат. ком., 1873. – С. 136.
[2] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 44.
[3] Там же. – С. 92.
[4] Там же. – С. 96.
[5] Там же.

вследствие ледостава[1]. Так, по наблюдениям при описании реки Фон, с ноября–декабря (*кавс*) до января–февраля (*хут*) русло замерзало и использовалось как путь сообщения для людей и вьючных животных; при этом в самой долине Фон золотодобыча не велась, по-видимому, из-за отсутствия пригодных для отработки россыпей[2].

В социальном отношении старатели составляли небольшую профессиональную прослойку внутри горного общества. Несмотря на малочисленность, доходы от золота обеспечивали им доступ к рыночным товарам и снижали зависимость от собственного натурального производства.

В обобщающем плане традиционная экономика верховьев Зеравшана предстает как аграрно-скотоводческое хозяйство самообеспечения, основанное на использовании малопродуктивных горных земель и поголовья преимущественно мелкого рогатого скота. Основная масса произведённой продукции потреблялась внутри общин; лишь ограниченные излишки – сухофрукты, домотканые ткани, отдельные ремесленные изделия и золото россыпей вовлекались в сферу внешней торговли. В условиях технологической изолированности местное население, опираясь на эмпирические знания и практические навыки, стремилось максимально использовать имеющиеся природные ресурсы: практиковало богарное земледелие, летние отгоны стад на высокогорные пастбища, сбор дикорастущих растений, сушку фруктов и развитие домашних промыслов. В этой системе золотодобыча занимала вспомогательное, но вместе с тем интеграционное место, выступая связующим звеном между горными селениями и центрами межрегионального обмена[3].

Материальная культура отражала тонкий баланс между верностью устоявшимся формам и готовностью к выборочным нововведениям. Архаичные по конструкции и простой планировке сакли соседствовали с более просторными усадьбами местной знати, возведёнными по образцу долинных городов и нередко с участием приезжих мастеров. Такое соседство говорило о

---

[1] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 160.
[2] Там же.
[3] Там же. – С. 168.

постепенных, ненасильственных изменениях в архитектуре и быте переменах, которые не разрушали традицию, а мягко её трансформировали.

«Дома в горах строили из камня и самана, – отмечал А. Мустаджир, крыши делали плоскими и использовали их в качестве рабочей площадки. В селениях с тесной застройкой дома располагались террасами, и крыша нижнего служила двором для верхнего. Окна были небольшими, а двери низкими, что позволяло лучше сохранять тепло»[1].

Эти сведения отражают адаптацию архитектурных решений к суровым условиям высокогорья. Миниатюрные окна и низкие дверные проёмы обеспечивали экономию тепла, а террасная застройка позволяла максимально эффективно использовать ограниченное пространство горных селений. В кажущейся архаичности подобных построек просматривается строгая функциональная рациональность, продиктованная природной средой. В то же время отдельные элементы долинной архитектуры, проникавшие в горные поселения, свидетельствуют о том, что даже в условиях относительной изоляции местные сообщества оставались открытыми к культурным импульсам извне и выборочно интегрировали их в собственный быт.

По совокупности признаков видно, что к моменту установления российского административного контроля традиционный уклад горных сообществ сохранял внутреннюю устойчивость, однако уже вступал в фазу скрытых изменений. Расширение внешних контактов, появление новых архитектурных элементов, активизация товарно-денежных связей – всё это подготавливало почву для будущих преобразований, пока ещё не нарушая привычного ритма жизни.

В этом отношении «Дневник Искандеркульской экспедиции» ценен как комплексный историко-этнографический источник, зафиксировавший традиционный мир горных таджиков на рубеже структурных перемен. Его данные позволяют проследить, каким образом прочные хозяйственные формы, социальная организация и духовная культура вступали во взаимодействие с

[1] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 146-147.

внешними вызовами, сохраняя при этом внутреннюю целостность и культурную самобытность.

Прежде всего, А. Мустаджир уделяет особое внимание жилищу как важнейшему элементу материальной культуры[1]. Он различает лёгкие временные постройки, собранные из ивовых жердей и накрытые войлоком, и капитальные каменные дома, свойственные более устойчиво оседлым сообществам. Первые, как он замечает, были просты по конструкции и отражали мобильность горцев, зависимость от сезонных циклов и необходимость быстрого возведения укрытия. Вторые, напротив, свидетельствовали о закреплённости на месте, о привязке к земледелию и садоводству, о коллективном труде и наличии ресурсов для строительства. Сам факт фиксирования разных типов домов важен: он показывает, что даже внутри одного региона существовала социальная и хозяйственная стратификация, выражавшаяся в архитектуре.

Описание Риёмутка (Ревомутка), насчитывавшего около шестидесяти дворов, четырёх мечетей и одного мактабхоне, показывает, что религиозные и образовательные институты являлись структурообразующими для общины. Они выполняли не только культовую и просветительскую функции, но и задавали рамки социальной интеграции[2]. Садоводство, подробно описанное А. Мустаджиром (абрикосы, персики, яблоки, орехи, шелковица), свидетельствует о специализации, основанной на плодово-бахчевой культуре. Сушка фруктов и их продажа в Ура-Тюбе показывают, что даже небольшие селения были включены в систему регионального обмена. Тем не менее основу питания составляло традиционное земледелие – выращивание пшеницы, ячменя, бобовых и льна[3].

Внутреннее устройство жилищ также отражало упорядоченность хозяйственной жизни. Хранилища для зерна и муки (*хамба*, *тавл*) занимали важное место, подчёркивая значение запасов в условиях сурового климата и сезонной нестабильности. Терминология, которой сопровождает свои описания

[1] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 182.
[2] Там же. – С. 65-66.
[3] Там же. – С. 40-49; 67-70, 80-85.

А. Мустаджир (*таҳхона*, *хазонхона*, *тангкӯча*, *росткӯча*, *тавл*, *сандуқ*, *карсон*), сама по себе ценна как источник: она фиксирует устойчивые категории, через которые местные жители осмысляли и организовывали пространство. Сопоставление с самаркандскими названиями выявляет как региональные различия, так и общее культурное единство[1].

Особый интерес представляет описание усадеб в Фальгаре. Здесь ясно прослеживается разделение пространства: хозяйственные и жилые зоны, внешний двор для приёма гостей и внутренний – женский. Архитектура закрепляла социальные и гендерные границы, имевшие нормативный характер. Многочисленные ниши (*ток*), использовавшиеся для хранения продуктов и утвари, показывают, что дом воспринимался как совокупность функциональных отсеков, каждый из которых имел строгое назначение.

На более высоком уровне организации выделяется описание крепости Джикруд[2]. А. Мустаджир фиксирует многослойную структуру: верхние комнаты (*болохона*), подвалы, зернохранилища, айваны, приёмные помещения (*саломхона*) и постройки для зимнего содержания скота. Трёхкратная система и четырнадцать помещений указывают на то, что крепость выполняла не только утилитарные, но и статусные функции – отражала способность общины к коллективной мобилизации ресурсов[3].

Таким образом, традиционное хозяйство верховьев Зеравшана формировалось как многокомпонентная система, включавшая земледелие, скотоводство, садоводство и промыслы. Террасные поля соседствовали с высокогорными пастбищами, садовые культуры и дикорастущие растения становились источником пищи и товаром для обмена, а золотодобыча, хотя и вспомогательная, связывала селения с рынками Ура-Тюбе и Самарканда. Замкнутая экономика сохраняла устойчивость благодаря гибкости и умению

[1] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 97-98.
[2] Более подробное описание крепости Джикруд содержится в воспоминаниях участника экспедиции: Воронец Е. Искандер-кульская экспедиция 1870 г. (записки сапёра) // Инженерный журнал. – 1871. – № 4. – С. 409-451; № 5. – С. 547-586.
[3] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 120.

сочетать разные формы хозяйственной деятельности, балансируя между автономией и внешними связями.

Материальная культура и жилище демонстрировали равновесие между устойчивостью и изменением. Каменные и саманные сакли, простые по конструкции и соответствующие суровым условиям высокогорья, соседствовали с более сложными усадебными комплексами местной знати, где угадывалось влияние долинных традиций и внешних строительных приёмов. Архитектурная планировка закрепляла социальные и гендерные границы, а этнографическая терминология А. Мустаджира позволяет увидеть, что дом понимался как расчленённое пространство с жёстко закреплёнными функциями.

В описаниях А. Мустаджира брачные церемонии и связанные с ними обычаи занимают заметное место. По его данным, браки заключались в весьма юном возрасте: девушек выдавали замуж обычно в 12-14 лет, а выбор супруга осуществляли родители или старшие родственники. Сам обряд строго следовал мусульманским нормам никаха, однако имел и локальные особенности[1].

Сходные сведения приводит и А. Д. Гребенкин, отмечавший, что в верховьях Зеравшана девушки «обыкновенно выходят замуж в 16-20 лет; в 12-14 лет вступают в замужество только дочери богатых родителей. Сыновья богачей женятся в 16 лет, бедный же горец – уже в более зрелом возрасте, когда сумеет что-нибудь приобрести или если за него выйдет близкая родственница либо состоятельная вдова»[2].

После предварительных переговоров сватов с отцом невесты и получения согласия организовывался сам обряд никаха, религиозная регистрация брака. В его основе лежали не только духовные, но и экономические договорённости. Обязательной составляющей являлся махр (никоҳона), брачный дар невесте. А. Мустаджир зафиксировал пример, когда сумма махра составляла 1000 таньга[3]: половина вручалась сразу деньгами или ценностями, а вторая половина

[1] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 61.
[2] Гребенкин А. Д. Заметки о Когистане // Туркестанские ведомости. – 1872. – № 27 (11 июля). – С. 109-110.
[3] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 32.

оставалась как бы «на обеспечение никаха»[1], то есть как гарантия на случай развода. В состав махра часто включались и натуральные вещи – овцы, рис, мука, одежда жениха и другие предметы, – которые оценивались в денежном эквиваленте и включались в общую сумму.

Сам обряд проходил публично в присутствии духовенства и почётных старейшин (оқсақол). Имам или мулла читал хутбу никаха (брачную проповедь). Отец невесты выступал её законным представителем (вали), подтверждая согласие выдать дочь замуж. Затем у самой невесты спрашивали, кого она назначает своим представителем (вакил). После этого два свидетеля сообщали имаму, что невеста через вакила дала согласие. Лишь тогда имам произносил необходимые формулы, после чего молодые считались мужем и женой[2].

Наряду с религиозным обрядом сохранялись и народные свадебные ритуалы. Особое место занимали улангхномахонӣ и саломномахонӣ – формы приветствия и чествования новобрачных[3]. Последний термин, буквально означающий «чтение приветственного послания», обозначал обычай исполнения песен или декламации стихов и благопожеланий в адрес супругов при вводе жениха в дом невесты. Эти элементы демонстрируют, как исламский брачный обряд переплетался с локальными традициями, превращаясь в важное социокультурное событие, в котором сочетались религиозные нормы и народная поэтика.

Позднейшие этнографические исследования фиксируют, что у таджиков верховьев Зеравшана элементы этих старинных обычаев – песни, танцы, шуточные действия – сохранялись на свадьбах вплоть до середины XX в., хотя их первоначальный смысл нередко редуцировался до функции развлечения гостей. По сравнению с эпохой Мустаджира (вторая половина XIX в.) в советский период брачная обрядность претерпела существенные изменения:

---

[1] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 32.
[2] Там же. – С. 110-111.
[3] Об «улангхномахонӣ» и «саломномахонӣ» более подробно см.: Мирза Мулла Абдуррахман, сын Мухаммада Латифа Мустаджира. Дневник Искандеркульской экспедиции: [рукопись] // Архив Санкт-Петербургского института восточных рукописей РАН, Отдел рукописей и документов. – № D 134 (старый шифр 609h). – 1870. – ЛЛ. 312a–317a.

была упразднена практика ранних браков и сватовства без согласия молодых, введена обязательная гражданская регистрация, запрещено многожёнство, появились новые формы культурно-массовой свадебной церемонии.

В то же время, как отмечал М. Рахимов, пережитки старых норм продолжали существовать: несмотря на официальные запреты, на свадьбы тратили значительные средства, а семье невесты по-прежнему преподносили дорогие подарки, представлявшие собой трансформированный калым и приданое. Это свидетельствует о высокой устойчивости традиционных норм, зафиксированных в «Дневнике» А. Мустаджира, и об их длительном бытовании даже в изменённых социально-правовых условиях.

Родильные обряды и обычаи воспитания. В «Дневнике» А. Мустаджира содержатся уникальные описания обрядов, связанных с рождением детей и их воспитанием в первые годы жизни. Особое внимание он уделил обычаям Фальгаркого бекства, где подробно записал последовательность действий после родов. Когда женщина начинала рожать, к ней в помощь собирались 3-4 опытные женщины из числа родственниц или соседок – импровизированные повитухи (в «Дневнике» т. е., «*доя*»)[1]. Мужчины, включая самого мужа, не присутствовали при родах – муж удалялся из дома и проводил ночь отдельно, пока его жена рожала в окружении женской поддержки. Женщины-повитухи зажигали свет (масляную лампу) и читали молитвы, призывая помощь Божью для благополучного исхода родов[2]. После рождения ребёнка именно повитуха принимала его – «брала с земли», как образно выражается А. Мустаджир. Она же проводила первичное очищение новорождённого. Сразу после этого повитухи выходили сообщить отцу радостную весть, говоря: «У тебя родился

[1] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 111; а также см.: Мардонова А. Обычаи и обряды детского цикла у таджиков верховьев Зеравшана в прошлом и настоящем // Советская этнография. – 1984. – № 3. – С. 120-128; Троицкая А. Л. Рождение и первые годы жизни ребенка у таджиков долины Зеравшана // Советская этнография, 1935. – № 6. – С. 109-135; Троицкая А. Л. Некоторые старинные обычаи, обряды и поверья таджиков долины Верхнего Зеравшана // Занятия и быт народов Средней Азии: Среднеазиатский этнографический сборник. Т. 3. – Ленинград: Наука, 1971. – С. 224-255.

[2] Троицкая А. Л. Рождение и первые годы жизни ребенка у таджиков долины Зеравшана // Советская этнография, 1935. – № 6. – С. 109-135.

сын (или дочь)»[1]. За это вестницы получали от отца традиционный подарочек – *севанчӣ*, дословно «радостный» дар, символизирующий благодарность за добрую весть. На следующий же рассвет отец входил к жене и новорождённому, брал малыша на руки и трижды тихо произносил ему на правое ушко азан – призыв к молитве. Этот обычай – читать азан новорождённому – является исламской сунной и символически «вводит» ребёнка в общину верующих. Далее наименование ребёнка происходило совместно отцом и дедом: они выбирали имя и объявляли его родне[2].

Через несколько дней или недель (по мусульманской традиции на 7-й день рекомендовано) справлялось первое торжество по случаю рождения – *ақиқа*. А. Мустаджир сообщает, что через неделю после родов в Варзиманор устраивали праздничное угощение, называемое «тӯйи ақиқа» (праздник ақиқӣ). Если семья была зажиточной, отец новорождённого закалывал барана, готовил плов из ~2-4 кг риса и созывал всех близких на обед[3]. Если же средства семьи были скромны, ақиқу проводили более экономно: готовили только немного плова или сладкую кашу и угощали прежде всего женщин-родственниц, которые помогали при родах. Кульминацией ақиқа было обрядовое «посаженые в колыбель» – младенца впервые туго пеленали и укладывали в деревянную колыбель (*гаҳвора*), предварительно прочитав молитвы и благопожелания[4]. Этот момент часто называли особым словом – *гаҳворабандон* («увязывание [в колыбель. – О. А.]») и отмечали, как небольшой семейный праздник, на который, по свидетельствам М. А. Хамиджановой, собирались только женщины. В прошлом на гахворабандон масчинские женщины обязательно готовили несколько видов традиционной еды – кашу *кашк*, жареные лепёшки *бурсоқ*, пресные лепёшки *човоти* или *кулча*, – а в более позднее время вместо каши стали

[1] Троицкая А. Л. Рождение и первые годы жизни ребенка у таджиков долины Зеравшана // Советская этнография, 1935. – № 6. – С. 109-135.
[2] Там же.
[3] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 111.
[4] Там же.

варить плов[1]. Праздничное угощение сопровождалось добрыми напутствиями в адрес младенца и матери.

Наречение имени ребёнку могло сопровождаться дополнительными обычаями. Например, если мальчик рождался после долгого ожидания или по обету, ему могли оставить на темени специальный пучок волос – *кокул*. А. Мустаджир описывает связанный с этим обряд исполнения обета (*назар*): родители обещали не стричь мальчику кокул до определённого возраста, пока не будет принесена жертва святому покровителю ребёнка. Когда мальчик подрастал, родители резали барана или козлёнка, несли в тот священный мазар или к шейху, которому ранее дали обет, и там устраивали угощение из жертвенного мяса для стариков и односельчан. После молитв и благословений кокул торжественно срезали, и локон отдавали хранителю мазара – таким образом ребёнок считался «откупленным» по назару, и обет родителей исполнялся. Этот обычай сочетал религиозную веру в святых покровителей с семейной обрядностью и служил, по народным представлениям, залогом здоровья и удачи ребёнка[2].

Воспитание детей в семьях верховьев Зеравшана носило традиционный характер. Семьи, как правило, были большими и патриархальными, хотя постепенно наблюдался процесс их дробления на более мелкие хозяйственные единицы. По наблюдениям А. Мустаджира и других исследователей, жизненный уклад предполагал чёткое распределение гендерных ролей. В раннем детстве за ребёнком присматривали женщины семьи; мальчиков до 5-6 лет одевали так же, как девочек, и они почти постоянно находились при матери[3].

С достижением 6-7 лет наступал важный рубеж – обряд обрезания (хатна), который выступал не только религиозной нормой, но и семейным праздником. По словам А. Мустаджира, его обычно проводили в возрасте от 6 до 10 лет, но

---

[1] Хамиджанова М. А. Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошенные. – Душанбе: Дониш, 1974. – С. 95-97.
[2] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 92-93.
[3] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 92-93.

не позднее десятилетия[1]. Подготовка носила коллективный характер: родственники собирались и сообща решали, кто и в какой форме внесёт вклад в организацию торжества – обычно это были небольшие денежные суммы (5-10 таньга) или продукты. Зажиточные семьи могли заколоть до 15-16 овец и приготовить огромный плов – до 5 манов риса (около 40 кг) – для угощения всего кишлака; бедные ограничивались более скромным застольем[2].

Праздничное пиршество по случаю обрезания (хатнасур) превращалось в событие общинного масштаба: за одним дастарханом собирались все жители селения. Совместное вкушение плова символизировало включение мальчика в мужскую общину. Завершающим акцентом обряда было чтение молитвы муллой или уважаемым старцем за здоровье ребёнка и благополучие семьи.

Что касается дальнейшего воспитания, А. Мустаджир фиксирует ряд характерных черт традиционного образования. Во многих селениях действовали элементарные сельские школы (мактабы) при мечетях, где мальчиков зимой обучали чтению Корана и письму. Так, в Урметане он видел небольшое медресе или мактаб, куда в холодное время года сводили детей, тогда как летом они оставались при родителях на кочевьях или на выпасе скота. Подобная сезонная система обучения позволяла передавать основы грамотности, не отрывая детей от крестьянского труда и хозяйственных обязанностей[3].

Девочки, как правило, формального образования не получали. Их воспитание было связано с освоением домашних навыков – прядения, ткачества, приготовления пищи. Матери обучали дочерей прясть шерсть на веретене (чиликресӣ), ткать грубые ткани для одежды (например, сукно для чапанов). По наблюдению А. Мустаджира, женщины в горах Зеравшана сами шили одежду для семьи, а если одна из них не справлялась, она могла обратиться к соседке за

[1] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 47; а также см.: Хамиджанова М. А. Туи хатна – обрезание у таджиков Верхнего Зеравшана // История и этнография народов Средней Азии. – Душанбе, 1981. – С. 90-105.
[2] Там же.
[3] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 38; а также см.: Убайдуллоев Н. К. Народное образование в верховьях Зеравшана во второй половине XIX – начале XX вв. // Сборник научных трудов Налогово-правового института. – Вып. 1. – Душанбе, 1999. – С. 41-48.

помощью в раскрое и шитье. Подобная практика выражала не только разделение труда, но и традицию взаимопомощи внутри родственных и соседских групп.

Значительную часть культурной жизни, зафиксированной в «Дневнике», составляли религиозные верования и обряды. А. Мустаджир описывает функционирование основных институтов ислама – пятничных мечетей, квартальных (гузарных) мечетей, медресе и мактабов, – которые к концу XIX в. являлись неотъемлемыми элементами социальной организации горцев. Практически в каждом селении экспедиция сталкивалась с почитаемыми могилами (мазарами), возле которых устраивались поминальные трапезы и исполнялись обеты[1].

Значительную роль играли носители религиозных знаний – имамы, муллы, шейхи. Особое внимание автор уделяет служителям мазаров, которые следили за состоянием святых мест и направляли духовную жизнь общины. Горцы обращались к святым покровителям с мольбами о защите и благополучии, о чём А. Мустаджир приводит ряд преданий и легенд. Эти материалы позволяют проследить, как исламские институты и культ святых образовывали неразрывную связку, формируя религиозное пространство, где сакральное переплеталось с социальным.

А. Мустаджир фиксирует и интересный сезонный ритуал, связанный с почитанием огня. В некоторых сёлах Матче бытовал обычай «*нӯкчамонӣ*»[2] – зажжение маленьких костров женщинами на местном мазаре перед приходом Нового года, с молитвами о благополучии семьи. В низовьях Фальгара, как отмечает А. Мустаджир, такого обычая не было, тогда как в верхних селениях он соблюдался ревностно[3].

Календарные праздники. «Дневник Искандеркульской экспедиции» охватывает весенне-летний сезон 1870 г., поэтому особое внимание в нём уделено весенним календарным праздникам. Центральное место занимал Навруз, совпадающий с днём весеннего равноденствия (около 21 марта). Хотя

[1] См.: Абдуррахмон М. Дневник Искандеркульской экспедиции. – Душанбе, 1989. – 176 с.
[2] Там же. – С. 110.
[3] Там же.

экспедиция началась лишь в конце апреля, А. Мустаджир записал рассказы о том, как отмечали Навруз в горных кишлаках[1].

Так, в селении Самджон праздник справляли не строго 21 марта, а немного раньше – 15 числа месяца хур (начало марта), называя его «Новым годом скотоводов» (наврӯзи чорводорон). В соседнем Пальдораке Навруз приходился на 20-е хур и именовался «праздником хазрата Махдума Хорезми» – в честь почитаемого суфийского святого, которому приписывали благословение наступающего года. Эти вариации дат и названий отражают адаптацию праздника к местным природным и культурным условиям: в высокогорье его могли отложить до отступления снегов, а сакральная символика связывалась с именами святых[2].

Несмотря на неодобрение со стороны духовенства, Навруз оставался главным народным торжеством, символизирующим «обновление природы и начало земледельческих работ»[3]. Данные М. Рахимова подтверждают, что и в середине XX в. Навруз продолжал быть одним из самых любимых праздников в долине Зеравшана, хотя конкретные формы его проведения различались по селениям.

Интересно, что в верховьях Зеравшана отсутствовал обряд гулгардони (шествия с цветами), характерный для Каратегина и Дарваза. Лишь в отдельных местах (Анзоб, Такфон) жители соседнего кишлака Зидди устраивали обход дворов с цветами и пением новогодних песен, за что их одаривали сухофруктами[4]. Таким образом, специфика местного Навруза заключалась в меньшем числе карнавальных шествий и в большем акценте на коллективных трапезах и молитвах о благополучии года.

Помимо Навруза, А. Мустаджир фиксирует и другие календарно-аграрные обряды. Особый интерес представляет праздник қазонтулиди («наполнение казана»), который приходился на начало нового сельскохозяйственного года. На

---

[1] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – СС. 85-86

[2] Рахимов М. Зеравшанская этнографическая экспедиция 1958-1961 гг. // Известия Отделения общественных наук АН Таджикской ССР. – 1963. – № 1 (32). – С. 65.

[3] Там же.

[4] Там же.

сари сол – рубеже старого и нового года – каждая хозяйка готовила в большом казане плов и делилась им с соседями[1]. Передавая наполненный казан, женщины произносили благопожелание: «Пусть Бог даст дожить до следующего года!»[2]. Этот обряд коллективного угощения можно рассматривать как своеобразную новогоднюю жертвенную трапезу и одновременно как выражение взаимной поддержки внутри общины.

Также А. Мустаджир чрезвычайно подробно описал обряды, связанные с наступлением весеннего сезона и изгнанием его возможных бедствий. В народном календаре особо значился последний четверг месяца Сафар – по представлениям мусульман несчастливого месяца. В «Дневнике» сказано, что в последний день месяца Сафар (называемый местными *ахаир-и чаҳоршанбе*, т. е. «последняя среда/четверг» – имелся в виду вечер среды на четверг) жители совершали очищающие ритуалы[3]. В одном месте А. Мустаджир описывает, как во дворе разжигали большой костёр, и «мужчины, женщины, дети – все, от мала до велика, трижды перепрыгивали через огонь», приговаривая: «Алас, алас, кулли бало-дин халос!»[4]. Эта фраза на смеси таджикско-арабского означает: «Беда, уйди, от всех напастей избавь!» – фактически заклинание, обращённое к огню, чтобы он унёс с собой все невзгоды. Обряд продолжался от полудня (после аср-намаза) до заката. Аналогичный обычай подтверждён и более поздними данными: в селе Рарз, например, женщины так же прыгали через костёр *алангонорак*, бросая в сторону Мекки по три камешка – отгоняли злой рок месяца Сафар. В селении Дар-Дар, по сведениям М. Рахимова, костёр заваливали камнями, «погребая» уходящий месяц (так называемый обряд *сафар-пешкунӣ* – прогнание Сафара) [5]. Также в некоторых кишлаках в этот день зажигали от 3 до 7 свечей в мечетях и на мазарах, умывались водой с золой от костра – считалось,

[1] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 110. – С. 111.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Рахимов М. Зеравшанская этнографическая экспедиция 1958-1961 гг. // Известия Отделения общественных наук АН Таджикской ССР. – 1963. – № 1 (32). – С. 64-66.

это смоет беды. А. Мустаджир прямо пишет, что такой обряд существовал и в Масче, и в Фальгаре, причём повсеместно считался обязательным[1].

Кроме изгнания несчастий, весна требовала и ритуалов для привлечения благополучия – прежде всего обрядов вызывания дождя в засуху. А. Мустаджир лично наблюдал один из таких обычаев во время засушливой весны. Он описывает: если долго нет дождей и «урожай не всходит, год грозит засухой», то в каждом кишлаке люди собираются либо при мечети, либо у мазара, вместе готовят особое блюдо – толчёную пшеничную кашу (типа *ҳалим* или *овдон*)[2]. Варили её из дроблёной пшеницы (*ярма*) в большом котле; после готовности усаживались все присутствующие и разливали кашу на деревянные блюда – примерно по одной большой чашке на троих человек. Собравшиеся сообща съедали жертвенную кашу и затем читали коллективную молитву, прося у Бога ниспослать дождь[3]. А. Мустаджир подчёркивает: «если молитва искренняя, то дождь обязательно пойдёт» – такова вера людей[4]. Подобный комплекс обрядов известен и по другим источникам. Например, М. Рахимов упоминает, что для вызывания дождя в горах Зеравшана делали «котёл дервишей» (*деги дарвешон*) – то самое коллективное угощение, обливали друг друга водой (*обчошак*), устраивали коллективный худой (жертвоприношение барана). Кроме того, были и магические приёмы: где-то в воду бросали череп шахида, где-то проливали воду на кладбище или бросали в реку подставку для выпечки лепёшек. В Рарзе, например, подвешивали на дерево лягушку, а в Ремоне собирали клещей со скота и сжигали их – всё с одной целью вызвать дождь. В некоторых сёлах Фальгара после общего угощения читали специальную «молитву о дожде» (*намози борон* или *дуои борон*) в стихотворной форме. Текст её, записанный этнографами, проникнут поэтическими образами, обращёнными к божественному милосердию:

---

[1] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 116.
[2] Там же. – С. 111.
[3] Там же.
[4] Там же. – С. 112.

Ё раб, сабаби ҳаёти ҳайвон бифирист,

Аз хони карам неъмати алвон бифирист.

Аз баҳри лаби ташнаи тифлони набот,

Аз синаи абр шир-борон бифирист <…>.

В переводе: «О Боже, ради жизни животных пошли [дождь]; со скатерти Твоей милости пошли нам разные блага! Ради жаждущих уст младенцев-ростков пошли молоко-дождь из груди облака!»[1]. Эти народные стихи-вопрошания, несомненно, имеют древнее происхождение. А. Мустаджир их напрямую не приводит, но его описание обряда указывает, что после коллективной молитвы и трапезы дождь действительно вскоре выпал, что укрепило веру людей в действенность традиции.

Помимо нехватки осадков, серьёзной угрозой для земледельцев были нашествия саранчи. А. Мустаджир зафиксировал характерную реакцию крестьян Фонского бекства на её массовое появление: мужчины и женщины выходили в поле и устраивали коллективное причитание, сопровождавшееся громким плачем и обращёнными к Богу мольбами: «Отведи это от нас!»[2]. Этот эпизод показывает, что в народном мировосприятии трудовая жизнь и религиозная сфера были неразрывно связаны: природные бедствия осмысливались как проявление воли Божьей, а попытки противостоять им принимали форму ритуализированных действий и молитвы. Тем самым эмоциональная реакция общины превращалась в сакральный акт, укреплявший чувство коллективной солидарности и опоры на божественную защиту.

В целом религиозно-календарные обряды, отражённые в «Дневнике», демонстрируют картину «народного ислама»: рядом с ортодоксальными обязательствами (молитва, пост) существовали богатые пласты локальных ритуалов – от новогодних угощений и поклонения святым до магических действий с огнём и водой. А. Мустаджир, как очевидец, беспристрастно фиксирует эти явления. Позднейшие исследования подтвердили многие из них и

[1] Рахимов М. Зеравшанская этнографическая экспедиция 1958-1961 гг. // Известия Отделения общественных наук АН Таджикской ССР. – 1963. – № 1 (32). – С. 55-56.
[2] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 161.

показали, что в верховьях Зеравшана сохранялось множество самобытных черт духовной культуры. При советской власти религиозные праздники были частично вытеснены или придан им светский характер, однако на бытовом уровне жители продолжали соблюдать «ненужные обряды и обычаи» – как называет их М. Рахимов – вплоть до середины XX в[1]. «Дневник» А. Мустаджира тем ценнее, что запечатлел живую народную религиозность до её трансформации под давлением модернизации.

Хотя А. Мустаджир не оставил описаний конкретных похоронных церемоний, по-видимому, во время его пребывания подобных случаев не произошло, в «Дневнике» содержатся важные сведения о погребальной культуре[2]. Они почерпнуты как из рассказов местных жителей, так и из собственных наблюдений автора за устройством кладбищ и почитаемых мазаров. Эти сведения, хотя и фрагментарны, позволяют уловить общие черты местных представлений о смерти и загробном существовании, а также выявить отдельные элементы материального оформления погребального пространства. Их значимость заключается в том, что даже эпизодические наблюдения фиксируют тесную связь религиозных верований с повседневной практикой. Привлечение дополнительных этнографических и архивных материалов позволяет расширить эту картину и реконструировать комплекс традиционных погребальных практик таджикского населения верховьев Зеравшана во второй половине XIX века.

Таким образом, погребальная обрядность, зафиксированная А. Мустаджиром лишь фрагментарно, предстает как сложный синтез исламских норм – коллективной молитвы джаноза, захоронения без гроба с ориентацией головы на запад – и более архаичных элементов, связанных с культом предков и доисламскими формами скорби. Впоследствии часть подобных практик, например ритуальные танцы или разведение огня на могилах, была официально запрещена как «пережиток». Однако, по свидетельствам этнографов середины

[1] См.: Рахимов М. Зеравшанская этнографическая экспедиция 1958-1961 гг. // Известия Отделения общественных наук АН Таджикской ССР. – 1963. – № 1 (32). – С. 51-56.
[2] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 151-152.

XX века, в отдалённых кишлаках верховьев Зеравшана погребальные практики сохраняли устойчивость: строго соблюдался траур, поддерживалась традиция родовых кладбищ, а вера в присутствие духов предков среди живых оставалась значимой частью мировоззрения.

Сопоставление «Дневника» А. Мустаджира с последующими этнографическими материалами позволяет проследить эволюцию похоронной культуры – от формы, зафиксированной в 1870 г., до частично трансформированного, но всё ещё устойчивого комплекса обрядов середины XX века.

Гостеприимство и межродовые отношения. Обычай гостеприимства – священный для народов Востока – ярко отражён в путевых заметках А. Мустаджира: он повсюду встречал радушный приём от местных жителей[1]. Типичная сцена, многократно повторяющаяся в «Дневнике»: когда экспедиционный отряд прибывал в кишлак, навстречу выходили сельчане с дастарханом – скатертью с лепёшками, сыром и сушёными фруктами[2]. Гостей приглашали отведать хлеб-соль, выражая тем самым почтение и признательность. А. Мустаджир отмечает, что отказываться от такого угощения считалось невозможным: «мы, уважая их сердечность, отведали немного лепёшки», – пишет он об одном из селений[3]. После этого жители охотно рассказывали путешественникам о местности, отвечали на вопросы, а иногда сопровождали их до следующего пункта[4]. Таким образом, гостеприимство выступало не только бытовой практикой, но и важным социальным кодом, определяющим взаимоотношения внутри общины и с посторонними.

Институт гостеприимства проявлялся не только на уровне семьи, но и общества. В большинстве крупных кишлаков имелись специальные общественные дома для приезжих – «меҳмонхона»[5]. В одном из селений, как отмечает А. Мустаджир, зимой в мехмонхоне даже устраивали школу-мактаб,

[1] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 33-34.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же. – С. 53.

когда приезжих было мало[1]. Это указывает на то, что гостевой дом являлся важным общественным пространством.

В частных домах также существовало чёткое зонирование. Берунӣ (внешний двор) предназначался для приёма посторонних мужчин, тогда как дарунӣ (внутренняя часть) – для семьи, особенно женщин. А. Мустаджир описывает дом состоятельного мирзы: «внешний двор отведён гостям, внутренний – для женщин, его называют “хонаи бош”»[2]. Подобное разделение соответствовало традиции. Е. Воронина отмечает, что в старых домах одна большая комната делилась мысленно: передняя (мужская) часть у очага и задняя (женская) – на возвышении (рӯйи боло). Позднее архитектура развивалась: появились прихожая (долон) и отдельная приёмная комната – меҳмонхона, специально предназначенная для гостей[3]. Таким образом, само жилище было «сконструировано» с учётом норм гостеприимства: дом без помещения для гостей считался неполным.

Обычай угощения имел строгое ритуальное оформление. Прибывшего усаживали на почётное место и стелили дастархан. По адату, гость первым произносил фотиҳа – краткую молитву, благодарение Всевышнему за хлеб. Лишь после этого хозяева говорили «добро пожаловать» («хуш омадед») и начинали подносить еду. Существовал и временной нюанс: если гость был проездом, ему сразу подавали лепёшку и чай, а если оставался надолго – до вечера специально не накрывали стол. Основным временем угощения считался вечер: к этому часу кололи овцу, готовили плов или шурпу. Подобная отсрочка объяснялась тем, что поспешное кормление днём могло быть истолковано как желание быстрее избавиться от гостя[4].

Особое место в ритуальных угощениях занимали молочные продукты, что закономерно для горных сообществ, где животноводство было одной из ключевых сфер хозяйства. Одним из традиционных напитков, обладавших как

[1] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 54.
[2] Там же. – С. 98.
[3] Воронина В. Л. Заметки по народному зодчеству таджиков бассейна Зеравшана // Советская этнография. – 1953. – № 3. – С. 176-177.
[4] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 179.

питательной, так и символической ценностью, являлся айран (дӯғ) – напиток, приготовленный из твёрдых шариков курута, разведённых в горячей воде и заправленных топлёным маслом. Его приготовление требовало не только хозяйственной сноровки, но и соблюдения определённой традиционной рецептуры, закреплённой в культурной памяти поколения.

А. Мустаджир подчёркивает устойчивость этого обычая: «Каждый раз, как гость уезжает, ему готовят қурут в горячей воде, превращая в дӯғ, и поливают топлёным маслом»[1].

Гостеприимство было неразрывно связано с системой межродовых отношений. Внутренняя структура кишлаков предполагала деление на кварталы (гузар), соответствующие родовым группам. Внутри рода сохранялись наиболее тесные связи, основанные на взаимопомощи и коллективной ответственности. Вместе с тем нормы гостеприимства распространялись и на чужаков: приезжему, даже из иной этнической среды, следовало оказать уважение, предоставить кров и угощение. Эта практика способствовала укреплению социальных контактов за пределами рода и повышала престиж хозяина.

Межродовые связи также проявлялись в институтах взаимопомощи. Родственники по мужской линии (иногда и по женской) образовывали устойчивую экономическую общность. По данным М. Рахимова[2] и А. С. Давыдова[3], до революции родовые группы выступали важнейшей единицей общинной организации, имели собственных старейшин, совместно владели пастбищами и возводили арыки и мечети. Коллективные работы – сенокос, ремонт дорог – выполнялись сообща, иногда всем кишлаком. В «Дневнике» А. Мустаджира упоминается, что при свадьбах у богатых людей собирались все жители селения: «на поле разводили большой костёр, усаживались многие вокруг»[4]. Это напоминает обряд «тӯйи худоӣ» (букв. «пир

[1] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 150-151.
[2] Рахимов М. Зеравшанская этнографическая экспедиция 1958-1961 гг. // Известия Отделения общественных наук АН Таджикской ССР. – 1963. – № 1 (32). – С. 51-66.
[3] Давыдов А. С. Традиционное жилище таджиков Верхнего Зеравшана // Советская этнография. – 1969. – № 6. – С. 92-101.
[4] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 48-49.

Бога») – общинную трапезу, объединявшую всех соседей. Таким образом, межродовые отношения основывались на взаимной поддержке, при которой род разделял и радости, и тяготы.

Особый интерес представляет отношение горцев к Искандеркульской экспедиции. Первоначальная настороженность, вполне объяснимая закрытостью горных сообществ, постепенно сменялась готовностью продемонстрировать доброжелательность. В этом контексте гостеприимство выполняло функцию своеобразной дипломатии, поскольку щедрое угощение хлебом, предоставление фуража и ночлега символизировали мирные намерения и одновременно выражали ожидание ответной благосклонности.

Показателен эпизод, зафиксированный в кишлаке Оббурдан, где местный аксакал выделил лучшие помещения для участников экспедиции и устроил торжественный приём. Этот факт подтверждает и П. А. Аминов, один из участников экспедиции, в своих записках отметивший: «Через несколько минут после описанного случая на дороге нас встретила депутация от оббурданских жителей, приветствовавшая генерала[-майора А. К. Абрамова. – О. А.] хлебом-солью, курами, яйцами, бараниной и другими доказательствами доброго расположения»[1].

Таким образом, в «Дневнике» А. Мустаджира обычай «меҳмоннавозӣ» (гостеприимства) предстает как неотъемлемая часть жизни таджикского общества XIX века. Следовательно, он охватывал различные сферы повседневности: семейный быт (специальная еда и место для гостя), архитектуру (наличие особых помещений для приёма гостей), моральные нормы (заповедь уважения и поддержки путника) и религиозную практику (угощение при мазарах за счёт вакуфа, воспринимавшееся как богоугодное дело). В этом контексте тёплый приём экспедиции в горных селениях можно рассматривать как убедительное свидетельство устойчивости и значимости традиции гостеприимства, которая на протяжении веков служила важнейшим фактором социальной сплочённости и нравственного авторитета местного сообщества.

[1] Аминов П. А. Искендер-Кульская экспедиция 1870 г. // Туркестанский ведомости. – 1873. – № 13. – С. 50-51.

Ритуалы, связанные с хозяйственным циклом (земледелие и скотоводство). Экономическая жизнь горных таджикских сообществ XIX века, основанная на сочетании земледелия и скотоводства, была насыщена ритуальными действиями, направленными на обеспечение успеха в хозяйстве. Эти ритуалы выполняли не только аграрно-магическую, но и важную социальную функцию, закрепляя единство общины и легитимируя распределение ресурсов.

Земледельческие обряды. Начало пахотного сезона, приходившееся на раннюю весну, в горных кишлаках сопровождалось целым комплексом традиционных обрядов. А. Мустаджир отмечает: «Каждый, кто выпускает в поле две пары волов, устраивает угощение (плов) для всего кишлака и получает молитву (фотиху) от односельчан»[1].

Эта запись демонстрирует тесное переплетение хозяйственных и символических практик. Сам факт обладания крестьянином двумя парами волов указывал на его сравнительное благосостояние, а следовательно – на наличие избыточных ресурсов. Организация угощения превращала это богатство в социальный капитал: разделяя пищу с общиной, хозяин получал не только молитвенное благословение, но и коллективное признание своего статуса. Здесь проявляется один из фундаментальных механизмов традиционного общества – перераспределение изобилия через ритуал, в котором символическая щедрость выступала гарантией общественной легитимности.

Таким образом, обычай можно рассматривать как инструмент поддержания внутриобщинной солидарности. Он создавал баланс между имущественными различиями и социальным равенством: состоятельный крестьянин демонстративно делился запасами риса и мяса, тогда как община, воздавая молитву-фотиху, подтверждала его право на лидерство и признание.

---

[1] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 110-111; а также см.: Ястребова О. М. Документы XIX века из верховьев реки Зеравшан в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки // Восточный сборник. Вып. 6. – Санкт-Петербург: издательство РНБ, 2003. – С. 77-123. (Публикация архивных материалов Искандеркульской экспедиции и писем беков).

Аналогичные практики фиксировались и в других местах верховьев Зеравшана. Советские этнографы отмечали, что в Анзобе начало первой пахоты сопровождалось магико-обрядовыми действиями: волов посыпали сушёным урюком, их рога и копыта натирали маслом, а после проведения первой борозды хозяин угощал работников сладостями. В этих действиях проявлялись следы анимистических представлений, согласно которым плодородие земли и сила животных воспринимались не только как результат физического труда, но и как следствие сакрального умиротворения духов природы.

Не менее важными были обряды, сопровождавшие завершение жатвы. Сбор последнего снопа воспринимался как момент перехода, требующий особой сакральной регламентации. А. Мустаджир отмечал различия в организации труда: «в нижних кишлаках Фальгара женщины, как правило, не принимали участия в жатве, тогда как в Матче этот труд осуществлялся супружескими парами»[1]. Эти сведения позволяют заключить, что участие женщин в обрядовом земледельческом труде определялось локальными традициями и представлениями о допустимости женского присутствия в сакральной сфере.

Таким образом, пахотно-жатвенные ритуалы в верховьях Зеравшана выходили далеко за рамки агротехнических мероприятий. Они являлись частью целостной системы сакрального взаимодействия с природой, домашним скотом и сельской общиной. Через них осуществлялась не только коллективная регуляция труда, но и закрепление моральных норм, а также интеграция космологических представлений в повседневную практику. Ритуалы выполняли функцию «социального клея», связывая членов общины в единое моральное и духовное целое.

Обряды скотоводческого цикла. Горные таджики, наряду с земледелием, занимались выпасом скота – овец, коз, реже крупного рогатого скота. Годовой цикл скотовода включал весенний выгон на «*джайлоб»* (летовку), осеннее возвращение, окоты, стрижку и прочие события, каждое из которых сопровождалось ритуалами.

[1] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 110.

В традиционном укладе горных сообществ верховьев Зеравшана годовой цикл скотовода сопровождался комплексом обрядов и магико-ритуальных действий, отражающих архаические представления о защите и приумножении хозяйства. Одним из значимых событий был первый весенний выгон скота на пастбище. По данным М. Рахимова, в различных кишлаках долины этот момент отмечался специфическими обрядами[1]. В ряде селений практиковались обычаи, направленные на обеспечение безопасности и плодородия стада при первом выгоне на пастбище. Так, хозяйка, выгоняя скот, клала на порог хлева острый предмет – топор или нож, и животные проходили между ними, словно «отрезая» путь бедам и несчастьям. В других случаях на порог или притолоку сыпали муку либо втыкали в щели клок шерсти, что символизировало пожелание удачи и оберегало скот от сглаза[2].

Особенно выразительным был обряд, зафиксированный в Гуйтане, Зимтуте и ряде других кишлаков, – прогон скота между двумя кострами. Согласно местным представлениям, огонь очищал животных от болезней и злых духов, снимая с них возможное колдовское воздействие[3].

Весенний период был связан и с окотом – появлением приплода, сопровождавшимся устойчивым комплексом верований и ритуальных практик. А. Мустаджир фиксирует распространённое среди горных пастухов заболевание молодняка – ларза («лихорадка»)[4], которое проявлялось в тот момент, когда ягнята и козлята начинали поедать первую зелень. Болезнь нередко уносила множество голов в течение месяца, после чего исчезала сама собой, словно подчёркивая её сезонную приуроченность и органическую связь с природным циклом.

Летний цикл также был отмечен особым обрядовым колоритом. Стрижка овец, обычно проводившаяся в июне, воспринималась не только как хозяйственная необходимость, но и как событие с элементами праздника. По

---

[1] Рахимов М. Зеравшанская этнографическая экспедиция 1958-1961 гг. // Известия Отделения общественных наук АН Таджикской ССР. – 1963. – № 1 (32). – С. 61.
[2] Там же. – С. 61-62.
[3] Там же.
[4] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 110.

наблюдениям А. Мустаджира, овец стригли хозяин и пастух при помощи особых ножниц, причём участие женщин в этом процессе исключалось[1]. Полученную шерсть тщательно взвешивали, после чего часть оставляли для нужд семьи, а остальное шло на продажу. Завершение коллективной стрижки сопровождалось угощением помощников пловом или лепёшками с творогом, что имело значение акта благодарности и одновременно подчёркивало общинный характер труда.

Экономическая жизнь горных сообществ была тесно связана с сезонными торговыми циклами. А. Мустаджир упоминает, что каждую осень в горные кишлаки приходили купцы из Ура-Тюбе, Пенджикента, Самарканда, привозя ситец, тканые пояса и другие товары, которые обменивали на скот. Местный бек взимал пошлину с каждой сделки[2].

Таким образом, ключевые этапы традиционного хозяйственного цикла в горных сообществах сопровождались ритуализированными действиями, превращавшими каждое значимое событие аграрного или пастушеского года в коллективное сакральное переживание. Зафиксированные А. Мустаджиром практики – угощение пловом в честь начала пахоты, молебны о ниспослании дождя, очищающие огненные преграды для скота – ясно свидетельствуют о тесном переплетении производственного труда и обрядовой сферы. Каждое новое начинание в земледелии или скотоводстве сопровождалось обращением к высшим силам, благопожелательными формулами и привлечением коллективного благословения односельчан.

Подобные обычаи выполняли важную социальную функцию, выражавшуюся в укреплении внутренних связей и формировании чувства общинной солидарности. Одновременно они имели и психологическое измерение, придавая участникам уверенность и символически утверждая успех предстоящего труда.

Через коллективное воспроизведение сакральных моделей община утверждала свои права на освоенное пространство и время, включённые в

[1] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 111.
[2] Там же. – С. 112.

хозяйственный цикл, и устанавливала воображаемый порядок в непредсказуемом природном и социальном мире. В этом отношении аграрно-пастушеская обрядность выступала как традиционный механизм адаптации к природной нестабильности и экономическим рискам, порождённым горной средой. Сакральные действия, обращённые к земле, скоту и небесным силам, позволяли «нормализовать» внешний мир, включив его в культурную систему обычаев, наследия предков и коллективного опыта.

Обрядовый фольклор. Завершая анализ, необходимо подчеркнуть, что устное народное творчество занимало центральное место в системе обрядов и обычаев. Оно не выступало лишь сопроводительным фоном, а было органично вплетено в ритуальные действия, придавая им завершённость, торжественность и сакральный смысл. В «Приложении к „Дневнику“» А. Мустаджира встречаются упоминания о песнях, сказаниях и молитвенных формулах, сопровождавших те или иные обрядовые практики. Эти словесные тексты выполняли не только эстетическую, но и магико-религиозную функцию, закрепляя коллективное участие общины и усиливая действенность совершаемого обряда.

Дополнительные этнографические материалы, собранные позднейшими исследователями, позволяют расширить эту картину. Они свидетельствуют о богатстве и жанровом разнообразии фольклора таджиков верховьев Зеравшана, где практически каждое действие сопровождалось словесной формулой, превращавшей бытовой акт в культурно-символическое событие. В этом сплетении обрядового действия и устного слова выражалось не только мировоззрение, но и историческая память общины.

Почти каждый значимый жизненный обряд сопровождался словесно-музыкальными формами выражения, выполнявшими как эстетическую, так и сакральную функцию. Свадебная церемония, в частности, была насыщена исполнением специальных песен, речитативов и стихотворных обращений, встроенных в структуру ритуала. Абдуррахмон Мустаджир упоминает обряд

«*саломномахонӣ»* – пение приветственной оды, исполняемой в момент встречи жениха и невесты после заключения барка (никаха)[1].

В традиционном свадебном фольклоре таджикских сообществ сохранились устойчивые жанры, такие как «*арӯсхонӣ»* (песни невесты) и «*домодхонӣ»* (песни жениха), исполнявшиеся представителями соответствующих полов на различных этапах свадебного действа. Например, при первом визите жениха в дом невесты женщины – как правило, родственницы по материнской линии – исполняли напевные частушки с элементами обращения и наставлений, зачастую адресованных будущей свекрови. В то же время мужская молодёжь, сопровождавшая невесту в дом жениха, исполняла «*саломнома»* – обрядовое приветственное песнопение, зафиксированное А. Мустаджиром в селе Варзиминор и включённое в «Приложения» к «Дневнику по Искандеркульской экспедиции». Текст, озаглавленный «Саломнома дар вилояти Фолғор[Фалғар] дар вақти тӯйи духтар мехондаанд»[2] («Свадебная песня фальгарцев, записанная в селении Варзиминор»)[3], представляет собой поэтическое обращение, сочетающее религиозную, благопожелательную и социально-ритуальную функции. В нём воспроизводится устойчивая структура исламского панегирика, начинающаяся призывом во имя Всемогущего, восхвалением Единого и обращением к пророку Мухаммаду, его семье и сподвижникам[4].

Стихотворение разворачивается в ряде тематических блоков. Первые строфы адресованы Пророку и упоминают его супругу Хадиджу аль-Кубро и дочь Фатима-Захра, чьё высокое достоинство и духовная близость к «хазрати аъло» выступают образцами женского благочестия. Далее воспевается Хусейн, сын Али и Фатимы, и его мученическая смерть в Кербеле, что придаёт тексту

[1] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 103.
[2] Мирза Мулла Абдуррахман, сын Мухаммада Латифа Мустаджира. Дневник Искандеркульской экспедиции: [рукопись] // Архив Санкт-Петербургского Института восточных рукописей Российской академии наук, Отдел рукописей и документов. – № D 134 (старый шифр 609h). – 1870. – ЛЛ. 312а-313б.
[3] Перевод А. Л. Куна.
[4] Мирза Мулла Абдуррахман, сын Мухаммада Латифа Мустаджира. Дневник Искандеркульской экспедиции: [рукопись] // Архив Санкт-Петербургского Института восточных рукописей Российской академии наук, Отдел рукописей и документов. – № D 134 (старый шифр 609h). – 1870. – Л. 312 а.

оттенок шиитской эмоциональной памяти, хотя сам обряд исполнялся в суннитской среде Фальгара. В строфах о Хусейне звучат эпитеты *шоҳзодаи ҳусн* (прекрасный принц) и *лабташна* (иссохшие губы), подчёркивающие трагизм его судьбы и величие стойкости[1].

В следующей части появляются мотивы заступничества в День Суда (*шафоат*), обращения к милосердию Всевышнего и просьбы о защите и благословении для новобрачных. Значимое место занимают обращения к *чор ёри изомат* – четырём праведным халифам Абу Бакру, Умару, Усману и Али, что отражает суннитский канон, соединённый с эмоциональной интонацией почитания Ахль аль-Бейт[2]. Тем самым «саломнома» демонстрирует способность местной свадебной поэзии интегрировать элементы разнородных конфессиональных традиций без догматического конфликта.

Заключительные строфы обращены к жениху и невесте, которым желают счастья, взаимной любви и согласия, сравнивая их союз с легендарными парами восточной литературы – Лейли и Меджнуном, Юсуфом и Зулайхой, а также с Адамом и Хаввой. Здесь обрядовая поэзия переходит от религиозно-панегирического регистра к интимно-социальному, закрепляя идеал гармоничного брака.

Хотя А. Мустаджир не приводит определения или лексической расшифровки термина, само слово «*саломнома»* представляет собой составное образование, образованное из элементов *салом* («приветствие») и *нома* («письмо», «послание»), что позволяет трактовать его как ритуальное стихотворное обращение. В контексте свадебной церемонии «саломнома» функционировала как рифмованный речитатив, исполняемый от лица членов свадебной свиты, сочетающий в себе форму приветствия и символическое оформление перехода невесты в новую родовую общину. Эти тексты бытовали в устной традиции, передавались из поколения в поколение и сохраняли живую

[1] Мирза Мулла Абдуррахман, сын Мухаммада Латифа Мустаджира. Дневник Искандеркульской экспедиции: [рукопись] // Архив Санкт-Петербургского Института восточных рукописей Российской академии наук, Отдел рукописей и документов. – № D 134 (старый шифр 609h). – 1870. – ЛЛ. 313а-313б.
[2] Там же. – Л. 313б.

форму исполнения, допускавшую ситуативную импровизацию. Каждое выступление адаптировалось к конкретным обстоятельствам, составу участников и локальным поэтическим канонам, что свидетельствует о глубокой интеграции словесного фольклора в ритуальную структуру свадебного обряда.

Таким образом, обряд «саломнома», исполнявшийся юношами при проводах невесты, имел многозначную функцию: он соединял сакральное благословение, коллективное приветствие и символическую передачу девушки в новый род. Зафиксированный А. Мустаджиром текст представляет собой уникальный источник по свадебному фольклору горных таджиков конца XIX века и свидетельствует о синтетическом характере устной поэзии региона, в которой религиозные, мемориальные и этические мотивы сливались в единый обрядовый акт, обозначавший переход женщины в иное социальное и духовное состояние.

Вербальные формы сопровождения были неотъемлемы и от обрядов, связанных с рождением и ранним детством. При укладывании младенца в колыбель женщины исполняли **колыбельные песни («алла»)**, насыщенные пожеланиями сна, здоровья и защиты. Газаль «аллагӯӣ», зафиксированная Абдуррахманом Мустаджиром в Дардаре[1], представляет собой редкий письменный памятник устной традиции, концентрирующий мировосприятие общества, где личные переживания переплетались с религиозной верой и бытовыми реалиями.

Сам жанр **«алла»** выходил за рамки простой колыбельной формулы: это было и средство убаюкивания ребёнка, и молитвенное обращение к Богу, сопровождавшее человека с первых дней жизни. Повторение сакрального слова «Аллоҳ» превращалось в заклинание, призванное оградить младенца и мать от бедствий. Таким образом, колыбельная соединяла повседневную заботу с религиозным измерением, связывая земное существование с божественным покровительством.

---

[1] См.: Мирза Мулла Абдуррахман, сын Мухаммада Латифа Мустаджира. Дневник Искандеркульской экспедиции: [рукопись] // Архив Санкт-Петербургского Института восточных рукописей Российской академии наук, Отдел рукописей и документов. – № D 134 (старый шифр 609h). – 1870. – ЛЛ. 300a-301a.

В её строках раскрывается и внутренний мир женщины, где переплетаются тоска по далёкому возлюбленному, тревога за ребёнка и одновременно надежда на милость Всевышнего. Так, слова «Ман, ки мурдам дар ғарибӣ, хуни ман гирад туро» (*«Я, что умер в изгнании, пусть моя кровь взыщет с тебя»*) выражают драму разлуки и одиночества, тогда как напоминание «Худ гуфта будӣ, ки ноумедӣ куфр аст» (*«Сам говорил ты, что отчаяние – это неверие»*) утверждает недопустимость отчаяния, превращая веру в средство внутренней стойкости. Здесь же звучит и любовная клятва – «То марг басар ояд, ҷудоӣ накунам» (*«Пока смерть не придёт, разлуки не допущу»*), – подчеркивающая ценность супружеской преданности в условиях частых социальных разлук. Особый оттенок приобретает мотив несправедливости: «Гул ба дасти нокасон, ман адои якта гул» (*«Цветок в руках недостойных, а я не могу достать даже одного цветка»*) – поэтический образ социального неравенства, отражающий реальности феодального общества, где власть и богатство принадлежали «недостойным»[1].

Таким образом, словесные жанры сопровождали жизненный цикл человека с первых дней, выполняя не только эстетическую и ритуальную функции, но и формируя эмоционально-нравственную атмосферу обряда, соединяя воспитательные элементы, магическую защиту и социальную интеграцию в едином вербально-поэтическом коде.

Обрядовые молитвы составляли неотъемлемую часть духовной практики горных сообществ и сопровождали все ключевые этапы жизненного и хозяйственного цикла. В «Дневнике Искандеркульской экспедиции» А. Мустаджир приводит многочисленные свидетельства произнесения «*фотиҳа»* и «*дуо»* – как в канонической, так и в народной форме – в зависимости от конкретной ситуации: благословение трапезы, молитвы при рождении ребёнка, обращения о ниспослании дождя, погребальные ритуалы. Эти тексты могли включать как устойчивые коранические формулы, так и

[1] Мирза Мулла Абдуррахман, сын Мухаммада Латифа Мустаджира. Дневник Искандеркульской экспедиции: [рукопись] // Архив Санкт-Петербургского Института восточных рукописей Российской академии наук, Отдел рукописей и документов. – № D 134 (старый шифр 609h). – 1870. – ЛЛ. 300б-301а.

импровизационные обращения на родном языке, нередко ритмизованные и насыщенные локальной символикой.

Показателен пример «молитвы о дожде»[1] в стихотворной форме, носившей импровизационный характер и исполнявшейся коллективно. В подобных текстах соединялись сакральный, поэтический и магико-обрядовый уровни, при этом они одновременно функционировали как молитва, словесный ритуал и жанр устной традиции. Такая многослойность отражала синкретизм народной религиозности и позволяла воспринимать слово не только как средство обращения к Богу, но и как инструмент воздействия на природные силы и социальную реальность.

Важной составляющей духовной культуры горных сообществ оставались предания и легенды, укоренённые в коллективной памяти и неразрывно связанные с сакральной топографией региона. А. Мустаджир фиксирует целый ряд таких сюжетов, услышанных от старожилов: «предание об Искандаре Зулқарнайне (Александре Македонском?!), который, по местным рассказам, побывал у озера Искандеркуль и оставил там темницу для мятежников (*чоҳи Искандар* – «колодец Александра»)[2]; сказание о Шираке – легендарном правителе, сразившемся с македонским военачальником и в финале битвы вместе со своим войском обращённом в камень»[3].

Подобные повествования выполняли двуединую функцию. Они служили средством сохранения и передачи исторической памяти, одновременно закрепляя за конкретными ландшафтными объектами, такими как мазар, камень, источник, особый сакральный статус. Легенды вплетались в структуру обрядовой жизни и произносились в строго определённые моменты календарного цикла – на праздники, в дни поминовений, во время весенних обходов святынь. Тем самым они становились частью ритуальной практики, в которой слово и действие взаимно усиливали сакрализующий эффект. Привязка повествования к месту и времени придавала обряду дополнительное измерение:

[1] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 111.
[2] Там же. – С. 129-132
[3] Там же.

например, легенда об Искандаре, рассказанная во время весеннего обхода мазаров, превращала локальный обряд в эпизод «большой» истории, соединяя текущее время с мифологизированным прошлым и утверждая неразрывность культурной памяти.

Следует также упомянуть элементы игрового фольклора, зафиксированные А. Мустаджиром в обрядовом контексте. В частности, он упоминает детскую игру «*шатл*»[1] – метание камешков, распространённую среди мальчиков Фальгара. Несмотря на отсутствие прямых указаний на её приуроченность, вероятно, эта игра входила в состав весенних или новогодних развлечений детей, организуемых параллельно с ритуальными действиями взрослых. Игровые формулы, такие как приговорки, считалки и загадки, также представляли собой часть устной традиции и функционировали как форма передачи коллективной памяти.

Таким образом, обрядовый фольклор, молитвы, легенды, игровые формулы, был органично интегрирован в ритуальную ткань традиционного общества. Он не только сопровождал обряды, но и обеспечивал их вербальное оформление, сакрализовал время и пространство, передавал нормы поведения, культурную идентичность и коллективные знания. Даже те немногочисленные фразы и словесные формулы, которые успел зафиксировать А. Мустаджир, позволяют реконструировать богатый пласт фольклорной поэтики, где переплетались функции заклинания, благопожелания и повествования.

Сопоставление разрозненных свидетельств А. Мустаджира с более обширным этнографическим материалом подтверждает, что в традиционной культуре горных таджиков обряд и слово были неразделимы, поскольку каждое значимое событие сопровождалось словесно-музыкальной формой, включавшей песню, молитву, причитание или легенду. Такое единство обеспечивало преемственность традиции, наделяло ритуалы эмоциональной выразительностью и смысловой глубиной, а участникам придавало чувство сопричастности и защищённости.

---

[1] Мустаджир А. Указ. соч. – 1989. – С. 111.

Сравнение с этнографическими материалами XX века позволяет проследить динамику культурных форм. Многие обряды со временем претерпели изменения или исчезли под влиянием модернизационных процессов, однако ключевые элементы, такие как культ святых мест, гостеприимство, празднование Навруза и взаимопомощь в хозяйстве, проявили высокую устойчивость, сумев адаптироваться к новым социальным условиям.

В этом смысле «Дневник Искандеркульской экспедиции» А. Мустаджира представляет собой ценный историко-этнографический источник, позволяющий реконструировать целостную модель традиционной культуры горных таджиков XIX века. Он фиксирует взаимосвязь социальной организации, духовной жизни и хозяйственного уклада, показывая, каким образом посредством ритуалов, слов и коллективных действий высокогорное сообщество интегрировало природное пространство в сакральную и социальную систему.

Особая значимость «Дневника» заключается в том, что он позволяет увидеть момент перехода: традиционный уклад сохранял прочность и внутреннюю устойчивость, но в то же время уже вступал в фазу трансформации, находясь на перекрёстке прошлого и будущего.

3.2. «Приложение» к «Дневнику Искандеркульской экспедиции» как источник по народным обычаям, эпиграфике, фольклору и устной традиции верховьев Зеравшана

Изучение историко-культурного наследия горных регионов Средней Азии невозможно без привлечения комплексных источников, фиксирующих не только политические и экономические реалии, но и элементы повседневной жизни, духовной культуры и этнографических традиций местного населения. Однако если сам текст «Дневника» в последние годы стал предметом сравнительно активного источниковедческого и историко-культурного анализа, то его заключительная часть «Приложения» до настоящего времени остаётся недостаточно изученной, несмотря на её высокую информативность.

«Приложения» содержат четыре содержательных раздела, охватывающих сведения по эпиграфике, устной традиции, народным песням, анекдотам и преданиям, а также записям надписей со скал и надгробий. Эти материалы позволяют значительно расширить представления о духовном и материальном мире населения верховьев Зеравшана второй половины XIX века. Надписи, сохраненные в этих записях, проливают свет на локальные формы письменности, религиозные установки и практики мемориализации. Устные рассказы, зафиксированные А. Мустаджиром, не только иллюстрируют уровень речевой культуры, но и несут в себе важные сведения о социальной организации, отношениях власти и народа, этноконфессиональной идентичности.

Изучение материалов, представленных в «Приложениях к «Дневнику Искандеркульской экспедиции», приобретает особую значимость в свете того факта, что значительная часть оригинальных эпиграфических памятников и устной традиции была утрачена в течение XX века. Причинами этому послужили как активное хозяйственное освоение территории, включая строительство инфраструктуры, так и разрушительное воздействие природных факторов. В результате, те сведения, которые удалось зафиксировать во второй половине XIX века, сегодня выступают не просто как источник информации, а как уникальное свидетельство исчезнувших пластов культурной памяти.

В этой связи «Приложения к «Дневнику» представляют собой неотъемлемую часть источникового корпуса по истории и культуре верховьев Зеравшана. Во многих случаях они остаются единственным сохранившимся свидетельством о целых сферах повседневной и духовной жизни, не получивших иного документального отражения. Цель настоящего параграфа – проанализировать значение этих приложений как самостоятельного исторического источника, освещающего народные обычаи, эпиграфику, фольклорные традиции и устные формы коллективной памяти горного населения Зеравшанского региона, а также рассмотреть их место в более широкой системе культурного наследия Средней Азии.

В рукописи Абдуррахмана Мустаджира, которую востоковед А. Л. Кун озаглавил как «Дневник, ведённый во время Искандеркульской экспедиции на самаркандском таджикском наречии с 23 апреля по 27 июня 1870 года», перечислены четыре раздела «Приложений», сопровождавших основной текст:

I. Надписи на камнях, встречавшихся по маршруту – лл. 313а-322б;

II. Надписи на надгробиях – лл. 324а-329б;

III. Сказки, анекдоты и свидетельства местных жителей – лл. 330а-369б;

IV. Песни, характерные для данного региона. – лл. 371а-394б [1].

Каждое из этих приложений представляет собой тематически завершённый блок, содержащий ценнейшие данные о социальном устройстве, бытовых нормах, религиозных представлениях, а также языковых и художественных особенностях местной традиции. Надписи на надгробных плитах позволяют реконструировать сведения о конкретных исторических фигурах, их происхождении, статусе и времени жизни. В свою очередь, собранные народные песни и устные предания открывают доступ к внутреннему миру таджикских сообществ, их эмоциональному опыту и системе ценностей, передававшихся из поколения в поколение в форме живого слова.

«Приложения к «Дневнику» выходят далеко за рамки обычного путевого описания. Они позволяют не только документировать утраченные материальные памятники, но и восстановить контексты, в которых эти памятники существовали – от архитектурной среды до речевых и культурных практик местного населения. Их комплексное изучение способствует более глубокому пониманию исторической динамики и культурной самобытности народов, населявших верховья Зеравшана.

Наибольший интерес с точки зрения историко-культурного анализа представляют именно «Приложения к «Дневнику Искандеркульской экспедиции», поскольку они содержат уникальный материал, напрямую

[1] См.: Мирза Мулла Абдуррахман, сын Мухаммада Латифа Мустаджира. Дневник Искандеркульской экспедиции: [рукопись] // Архив Санкт-Петербургского института восточных рукописей Российской академии наук, Отдел рукописей и документов. – 1870. – № D 133 (стар. шифр 609g) – 398 л.; № D 134 (стар. шифр 609h) – ЛЛ. 260а-317а; Мустаджир А. Дневник Искандеркульской экспедиции. – Душанбе, 1989. – С. 16-18.

связанный с повседневной жизнью, языком и культурой населения верховьев Зеравшана во второй половине XIX века. Эти разделы дают исследователю возможность заглянуть за рамки описательного повествования основного текста и приблизиться к непосредственным проявлениям местной традиции – будь то устная речь, фольклорные тексты или эпиграфические памятники.

Особую значимость придаёт «Приложениям» то обстоятельство, что в них присутствуют авторские комментарии самого А. Л. Куна. Его пояснения наглядно демонстрируют, насколько глубоко он стремился осмыслить собранный материал, интерпретируя его с учётом этнографических, исторических и лингвистических аспектов. В частности, интерес представляют списки надгробных надписей, а также гравировки, обнаруженные на стенах мечетей и крепостей. Эти эпиграфические памятники не только отражают особенности письма и каллиграфии своей эпохи, но и позволяют установить сведения о населении региона в разные периоды, включая имена, титулы, религиозные формулы и выражения памяти.

Анализ языка и стиля надписей открывает исследователям доступ к миру локальной лексики, терминологии и устойчивых фраз, сохранивших следы повседневного быта, религиозных представлений и социальных связей того времени. Надписи становятся своеобразным документом культуры, позволяющим выявить не только уровни грамотности, но и структуру мировоззрения местного сообщества.

Однако, несмотря на несомненное значение этих материалов, научное внимание до сих пор в основном сосредоточено на основном тексте «Дневника». Между тем, именно «Приложения» содержат пласт уникальных данных, который по своей значимости ничуть не уступает основному корпусу и в ряде случаев даже превосходит его по информативности – особенно в контексте этнографических и фольклористических наблюдений. Одна из причин такого положения заключается в том, что большая часть рукописных копий «Приложений» со временем была утрачена. В настоящий момент оригинал «Дневника» сохранился лишь в двух экземплярах – в черновом и окончательном

вариантах, хранящихся в архиве Отдела рукописей и документов Института востоковедения РАН (Санкт-Петербург)[1].

Авторы предисловия к изданию «Дневника Искандеркульской экспедиции» подчёркивают, что приложение к рукописи представляет особую ценность для определения культурного уровня населения Кухистана. Несмотря на это, в опубликованной версии текста «Приложения» были опущены. В предисловии упоминаются также некоторые стихотворные тексты – рубаи и газели, однако они приведены в сокращённой форме и с опорой на выборочные исследования, прежде всего А. М. Мухтарова[2].

Таким образом, и «Приложения», и «Предисловие» к «Дневнику» по-прежнему остаются недостаточно изученными. Между тем, собранный в них материал имеет огромный потенциал: он позволяет реконструировать культурные и исторические связи горных сообществ верховьев Зеравшана с другими регионами Средней Азии.

В своём предисловии А. Л. Кун чётко формулирует цели экспедиции, среди которых выделяются задачи по изучению языка, этнографии и древностей Зеравшанского региона. Он писал: «Отправляясь с Искандеркульским рекогносцировочным отрядом генерал-майора А. К. Абрамова, я ставил перед собой главную задачу – собрать материалы для исследования языка таджиков <…> а также приблизительно определить границу, до которой проникли в горы тюркские племена <…> Кроме того <…> я стремился собрать сведения как об этнографии местных жителей, так и об остатках древностей в этом крае»[3].

Эта установка показывает, что А. Л. Кун исходил из системного подхода, в рамках которого язык, этничность, топонимика, археология и фольклор

---

[1] См.: Мирза Мулла Абдуррахман, сын Мухаммада Латифа Мустаджира. Дневник Искандеркульской экспедиции: [рукопись] // Архив Санкт-Петербургского Института восточных рукописей Российской академии наук, Отдел рукописей и документов. – № D 133 (старый шифр 609g). – 1870. – 398 л.; – № D 134 (старый шифр 609h). – 1870. – 322 л.

[2] См.: Мирза Мулла Абдуррахман, сын Мухаммада Латифа Мустаджира. Дневник Искандеркульской экспедиции: [рукопись] // Архив Санкт-Петербургского Института восточных рукописей Российской академии наук, Отдел рукописей и документов. – № D 133 (старый шифр 609g). – 1870. – 398 л.; – № D 134 (старый шифр 609h). – 1870. – 322 л.; Мустаджир А. Дневник Искандеркульской экспедиции. – Душанбе, 1989. – С. 16-18.

[3] Мирза Мулла Абдуррахман, сын Мухаммада Латифа Мустаджира. Дневник Искандеркульской экспедиции: [рукопись] // Архив Санкт-Петербургского Института восточных рукописей Российской академии наук, Отдел рукописей и документов. – № D 134 (старый шифр 609h). – 1870. – Л. 321б.

рассматривались как взаимосвязанные элементы. Неудивительно, что он подошёл к организации своей работы с методологической строгостью: к ведению «Дневника» он привлёк местного жителя (мирзу), которому поручил фиксировать информацию на таджикском языке по специально подготовленной программе, созданной на основе методических рекомендаций Русского географического общества. Он подчёркивал: «Я просил мирзу вести по-таджикски путевой дневник (т.е. «Дневник. – О. А.), снабдив его <…> программой <…>»[1].

Особое внимание А. Л. Кун уделял точной фиксации топонимов – элементу, имевшему решающее значение для картографирования и культурной идентификации региона. В этом контексте его просьба к мирзе тщательно записывать названия населённых пунктов и географических объектов приобретает важное значение: речь идёт о создании геокультурного кода пространства, позволяющего интерпретировать историческое развитие региона с учётом его этнолингвистической картины.

Для А. Л. Куна топонимика выполняла не только навигационную функцию – она открывала путь к пониманию исторических и культурных слоёв жизни населения. Названия мест и рек хранили в себе следы миграций, отголоски древних языковых пластов и отсылки к этническому разнообразию региона. Таким образом, географическая точность приобретала значение и для этнолингвистического анализа.

Не менее значимой частью работы экспедиции был сбор устного народного творчества: рассказов, песен, легенд – всего того, что позволяло уловить особенности повседневного сознания и мировоззрения местных жителей. Однако эта задача оказалась куда более сложной, чем предполагалось. В своих записях А. Л. Кун с сожалением отмечал: «Во время продвижения к верховьям Зеравшана я столкнулся с серьёзной проблемой: большая часть населения, услышав о приближении русских войск, бежала в горы вместе со

[1] Мирза Мулла Абдуррахман, сын Мухаммада Латифа Мустаджира. Дневник Искандеркульской экспедиции: [рукопись] // Архив Санкт-Петербургского Института восточных рукописей Российской академии наук, Отдел рукописей и документов. – № D 134 (старый шифр 609h). – 1870. – Л. 319а.

своими семьями <…> короткие остановки не позволяли собрать достаточно данных»[1].

Несмотря на трудности, сопровождавшие продвижение экспедиции, А. Л. Куну удалось собрать ценные образцы устного народного творчества в ряде населённых пунктов, таких как Оббурдон, Шамтич, Худгиф и Варзиманор[2]. Особенно плодотворной оказалась его работа в Худгифе, где он встретился с двумя местными поэтами – Муллой Абдулкаримом и Мулло Миразимом[3]. Их произведения, записанные А. Мустаджиром с их слов, представляют собой не только фольклорные тексты, но и живое отражение культурной среды и мироощущения жителей верховьев Зеравшана. Эти записи позволяют говорить о высокой степени сохранности устной традиции и её жанровом богатстве, а также о значимой роли поэтической культуры в передаче исторической памяти от поколения к поколению. По сути, А. Л. Кун осуществлял полевое лексикографическое исследование, предвосхитившее интерес этнолингвистики и сравнительного языкознания к локальным формам таджикского языка.

Помимо языковых и фольклорных материалов, А. Л. Кун не упускал из виду археологические и историко-культурные объекты. Он фиксировал всё, что могло иметь значение для реконструкции прошлого региона: от фрагментов построек и курганов до керамики, монет и статуэток, обнаруженных местными жителями. Особенно его интересовали надписи, вырезанные на камнях, которые в устной традиции носили название «кайрок». Хотя, как он сам отмечал, надписи зачастую были выполнены небрежно, они содержали имена, даты и различные символы, которые могли указывать на время заселения деревень: «Эти надписи, хотя зачастую выполнены небрежно, содержат имена, даты и различные символы <…> они могут служить индикатором времени заселения некоторых деревень»[4]. Однако ограниченность времени не позволила исследователю

---

[1] Мирза Мулла Абдуррахман, сын Мухаммада Латифа Мустаджира. Дневник Искандеркульской экспедиции: [рукопись] // Архив Санкт-Петербургского Института восточных рукописей Российской академии наук, Отдел рукописей и документов. – № D 134 (старый шифр 609h). – 1870. – Л. 319а.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же. – ЛЛ. 277а-279б.

провести полноценный анализ этих находок, и он сам считал эту часть работы незавершённой.

В своём «Предисловии» А. Л. Кун демонстрирует высокий уровень научной ответственности и стремление к максимальной достоверности. Он подчёркивает, что «Дневник Искандеркульской экспедиции» был записан на самаркандском диалекте таджикского языка с включением местных выражений, типичных для жителей Масча, Фальгара и Ягноба[1]. Это подчёркивает его стремление сохранить аутентичность материала и предоставить будущим исследователям возможность анализировать данные в их первозданной лингвокультурной среде.

Завершая «Предисловие», А. Л. Кун выражает надежду довести работу над «Дневником» до конца, снабдив её переводом и научными комментариями к наступлению Нового года. Однако, как известно, эти планы остались нереализованными, и текст так и не был переведён на другие языки, включая русский. Лишь спустя более столетия, в 2003 году, некоторые части этого материала были выборочно переведены литературоведом О. М. Ястребовой[2] в рамках анализа архивных документов, собранных востоковедом А. Л. Куном и его секретарём (котибом) А. Мустаджиром во время экспедиции из верховьев Зеравшана. Эти рукописи хранятся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки.

Работа О. М. Ястребовой представляет собой весомый вклад в изучение «Дневника Искандеркульской экспедиции» как многослойного историко-культурного источника. Исследовательница подходит к нему не как к линейному рассказу о передвижении экспедиции, а как к тексту, в котором переплетаются историческая реальность, элементы повседневной жизни, фольклор и культурная память. На наш взгляд, именно этот аспект позволяет более глубоко

---

[1] Мирза Мулла Абдуррахман, сын Мухаммада Латифа Мустаджира. Дневник Искандеркульской экспедиции: [рукопись] // Архив Санкт-Петербургского Института восточных рукописей Российской академии наук, Отдел рукописей и документов. – № D 134 (старый шифр 609h). – 1870. – Л. 279б.

[2] См.: Ястребова О. М. Персидские и таджикские документы в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. – СПб.: Изд-во РНБ, 1999. – СС. 94-114; Ястребова О. М. Документы XIX века из верховьев реки Зеравшан в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки // Восточный сборник. – Вып. 6. – М.: Российская национальная библиотека, 2003. – С. 114-117.

понять, как воспринималось пространство верховьев Зеравшана самими участниками исторического процесса – через призму надписей, обычаев и устных повествований.

Особое внимание заслуживает тот факт, что в качестве приложения к исследованию О. М. Ястребова включает переводы двух фрагментов из «Приложений» и одного – из основного текста «Дневника»[1]. Среди них особенно выделяется Приложение I, озаглавленное А. Л. Куном как «Список надписей на камнях, встречающихся вдоль дороги»[2]. Эти эпиграфические записи, на первый взгляд краткие и фрагментарные, в действительности обладают высоким историко-культурным потенциалом. Важно подчеркнуть, что приведённые материалы свидетельствуют о существовании сакральных топонимов, забытых маршрутов и форм локальной мемориализации, которые, в условиях утраты материальных памятников, стали доступны исключительно благодаря тексту «Дневника».

Следует отметить, что подобная характеристика указывает на недооценённый ранее источник как на единственную фиксацию утерянной эпиграфики региона. В условиях отсутствия иных документальных подтверждений, данные сведения подтверждают высказанную ранее гипотезу о том, что именно «Дневник» выполняет роль своеобразного культурного регистра – хроники, где зафиксированы образы, исчезнувшие из ландшафта, но уцелевшие в текстовой форме.

Это наблюдение приобретает особую значимость в контексте более широкой реконструкции исторической географии Зеравшанского региона. Надписи, встречающиеся вдоль пути, дают исследователю не только ориентиры в пространстве, но и в системе ценностей, которую отражали местные жители. Следовательно, можно утверждать, что автор источника стремился подчеркнуть

---

[1] Ястребова О. М. Документы XIX века из верховьев реки Зеравшан в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки // Восточный сборник. – Вып. 6. – М.: Российская национальная библиотека, 2003. – С. 114-117.

[2] Мирза Мулла Абдуррахман, сын Мухаммада Латифа Мустаджира. Дневник Искандеркульской экспедиции: [рукопись] // Архив Санкт-Петербургского Института восточных рукописей Российской академии наук, Отдел рукописей и документов. – 1870. – Шифр: D 133 (старый шифр 609g). – ЛЛ. 324а–329б; D 134 (старый шифр 609h). – ЛЛ. 260а-270а.

важность этих объектов для памяти народа, закрепляя их в слове, когда материальное уже было под угрозой исчезновения.

В своих пояснительных записях к разделу, посвящённому эпиграфическим памятникам, А. Л. Кун структурирует материал, выделяя несколько групп надписей в зависимости от места их обнаружения. Он отмечает: «Настоящий раздел включает надписи, обнаруженные на существующих камнях вдоль маршрута, а также на стенах крепостей, частных домов и мечетей»[1]. Подобное распределение демонстрирует его стремление к систематизации и к созданию чёткой классификации полевых находок, что особенно важно в условиях полевой экспедиции.

А. Л. Кун в примечании к первому приложению, содержащему списки с надписей, обнаруженных на скалах вдоль маршрута экспедиции, а также на стенах крепостей, частных домов и мечетей, подробно описывает встреченные им эпиграфические следы. Эти надписи производили неоднозначное впечатление: часть из них была выполнена грубым, неразборчивым почерком, зачастую буквально нацарапана, без соблюдения орфографических правил. Некоторые из них явно указывали на полную безграмотность авторов. Кун подчеркивает беспорядочность их размещения: на одном камне могли соседствовать надписи, относящиеся к разным годам, а нередко тексты были разбросаны по нескольким камням, находившимся рядом[2].

Тем не менее, несмотря на внешнюю хаотичность и низкий уровень графического исполнения, эти простые письменные следы несут в себе значимую информацию. Они свидетельствуют о том, что элементы письменной культуры, пусть и на начальном уровне, были частью повседневной жизни местных жителей.

Выводы А. Л. Куна подтверждаются современными исследованиями. В частности, академик А. М. Мухтаров в своей работе даёт развернутый анализ

---

[1] Мирза Мулла Абдуррахман, сын Мухаммада Латифа Мустаджира. Дневник Искандеркульской экспедиции: [рукопись] // Архив Санкт-Петербургского Института восточных рукописей Российской академии наук, Отдел рукописей и документов. – № D 134 (старый шифр 609h). – 1870. – Л. 260а.

[2] Там же.

эпиграфических памятников, обнаруженных в верховьях Зеравшана. Он классифицирует надписи по типам арабской графики и подчёркивает, что среди них отсутствуют образцы куфического письма – характерного для более раннего периода. Как отмечает исследователь: «Среди тех надписей, которые мы копировали (в верховьях Зеравшана. – О. А.), встречались шрифты такие, как сулс, та’лик, насх и насталик. Однако надписей, выполненных куфическим письмом, обнаружить не удалось»[1].

Таким образом, эпиграфический раздел «Дневника Искандеркульской экспедиции» представляет собой не просто приложение к полевым записям, а самостоятельный историко-культурный источник. Надписи, высеченные на надгробиях, стенах и камнях, позволяют восстановить целостную картину повседневной и духовной жизни жителей региона. В них отразились как религиозные представления, так и уровень грамотности, индивидуальные особенности письма и даже социальная иерархия.

Особое внимание заслуживает тот факт, что академик А. Мухтаров активно использовал в своих исследованиях именно те надписи, которые были зафиксированы в разделе «Список надписей на надгробных камнях [С надгробных камней, слежавшихся на гробницах (мазарах) женихов и частных лиц]» из «Дневника Искандеркульской экспедиции». Эти памятники стали для него важнейшей базой для анализа социокультурных процессов, протекавших в верховьях Зеравшана во второй половине XIX века. Благодаря такой преемственности в научной традиции «Дневник» Куна сохраняет свою актуальность как источник междисциплинарного исследования на стыке археологии, лингвистики и этнологии.

«Приложения» к «Дневнику Искандеркульской экспедиции» Абдуррахмана А. Мустаджира представляют собой ценный корпус источников,

[1] Мухтаров А. Надписи на скалах и камнях в верховьях Зеравшана // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. Памяти Михаила Степановича Андреева: Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии. – Сталинабад: Издательство Академии наук Таджикской ССР, 1960. – Т. CXX (120). – С. 157.

оказавший существенное влияние на развитие подходов к изучению эпиграфических памятников в историографии Средней Азии.

Особый интерес вызывают включённые в этот корпус поэтические тексты – рубаи и бейты, часть которых была впоследствии проанализирована А. М. Мухтаровым в его книге «Санг ҳам диле дорад» («У камня тоже есть сердце»). В данном издании исследователь осуществил научный анализ 51 поэтического текста, значительная часть которых восходит к материалам, впервые опубликованным в «Приложениях» к «Дневнику».[1]

Следует подчеркнуть, что три основных приложения к «Дневнику» (Приложения I–III) включают 104 текста надписей. Из них 34 высечены на надгробиях, обнаруженных в деревнях Фальгар, Масча и Киштут. Эти эпитафии, как и другие надписи, являются работами местных мастеров – писцов и резчиков, чьи имена часто указывались в тексте. Среди них – Абдуллах ибн Абдуррахим, Ходжа Махмуд, Мир Якуб, Мир Абдурразок Гузни, Таджуддин ибн Баховаддин, Ниёзмухаммад, Мулло Рахматулло, Мирак, Мирак Бобурхон, Мулло Хокиро Шамтичи, Мирмухаммад, Казиходжа, Мулло Асрори Хоксор, Азизходжа Хадишахри, Ахмадходжа, Мулло Абдуллах, Айвазмухаммад, Ниёзбадал Артучи, Мирзосалим Варзикандаги, Мирзотурды, Мавлоно Шарафуддин и другие.

Наравне с художественными и эпиграфическими особенностями, в текстах часто содержатся важные сведения о местоположении памятников, о лицах, по чьему заказу были воздвигнуты объекты, а также о самих строителях и мастерах, что делает эти записи особенно ценными для историко-генеалогических и социокультурных исследований.

Важно отметить, что в рамках своей концепции академик А. М. Мухтаров сосредоточился исключительно на таджикоязычных надписях. Его внимание было особенно приковано к стихотворным формам – рубаи и бейтам, как к выразителям не только религиозного чувства, но и философского осмысления жизни. Надписи на арабском языке, встречающиеся в тех же разделах

[1] Мухторов А. Санг ҳам диле дорад. – Душанбе: Пажуҳишгоҳи фарҳанги форсӣ-тоҷикӣ, 1999. – С. 69-89.

«Приложений», в его анализ не входили, что оставляет перспективу для будущих исследований в этом направлении.

Академик А. М. Мухтаров в своих исследованиях подчёркивает исключительное значение «Приложений» к «Дневнику Искандеркульской экспедиции» Абдуррахмана Мустаджира как уникального источника сведений об эпиграфических памятниках, ныне утративших своё физическое воплощение. Следует отметить, что подобная характеристика указывает на редкость и незаменимость зафиксированного материала, особенно в условиях разрушения значительной части надписей в ходе хозяйственной деятельности. По наблюдению исследователя, в конце 1930-х – начале 1940-х годов, во время строительства автомобильной дороги в верховьях Зеравшана, надписи, оставшиеся на камнях, стенах мечетей и жилых построек, были безвозвратно уничтожены вследствие взрывных работ. Очевидно, что данная ситуация обусловлена не только отсутствием охранных мер, но и небрежным отношением к культурному наследию, как со стороны проектировщиков, так и местного населения[1].

Важно подчеркнуть, что приведённые материалы свидетельствуют о чрезвычайной источниковедческой ценности «Дневника», особенно в его эпиграфической части. По словам А. М. Мухтарова, информация о ряде памятников сохранилась только благодаря записям, сделанным участниками экспедиции. Таким образом, в контексте исторической реконструкции данный эпизод представляет собой пример того, как один письменный источник может сохранить фрагменты утраченного материального мира. Следовательно, можно утверждать, что автор «Дневника» стремился подчеркнуть важность документирования надписей как носителей памяти, традиции и региональной идентичности.

А. Мухтаров с сожалением констатирует, что вплоть до второй половины XX века сведения, зафиксированные А. Л. Куном, оставались на периферии научного внимания. Это наблюдение приобретает особую значимость в

[1] Мухтаров А. М. Эпиграфические памятники Кухистана, XI–XIX вв. Кн. 1. – Душанбе: Дониш, 1978. – С. 11.

контексте общего запаздывания в изучении эпиграфики верховья Зеравшана, что, в свою очередь, ограничивало возможности для осмысления культурной динамики и исторического ландшафта региона. Лишь недавнее обращение к этим материалам позволило рассматривать «Дневник» не только как описание маршрута экспедиции, но и как самостоятельный корпус текстов, отражающих многообразие локальной письменной традиции. Исходя из вышеизложенного, становится ясно, что «Приложения к «Дневнику» являются важным инструментом для реконструкции утраченных памятников и понимания символического пространства таджикского горного общества XIX века.

Особое внимание заслуживает тот факт, что в «Приложении III: Истории, анекдоты и свидетельства местных жителей» А. Л. Кун формулирует задачу фиксации подлинной, «живой» устной речи населения. Он признаёт, что условия экспедиции не способствовали полноценному полевому сбору данных: «Обстоятельства не вполне благоприятствовали полному знакомству с обитателями гор <…> За неимением времени <…> я, от кого мог, со слов записал несколько сказок <…> а от некоторых <…> я записывал показания об их жизни и отношении к своим правителям»[1]. Однако даже в этих сложных условиях А. Л. Кун стремился сохранить языковую достоверность рассказов и речи собеседников: «Стремился сохранить, насколько удавалось уловить, чистоту речи говорившего»[2].

Данный корпус повествований – включающий рассказы, анекдотические эпизоды и личные воспоминания – фиксирует политическую и социальную обстановку в Матче и Фальгаре в первой половине XIX века. Его целесообразно рассматривать как проявление устойчивой исторической памяти, закреплённой в устной традиции и передаваемой в среде прямых участников или их непосредственных потомков. Содержащиеся в нём сведения позволяют

[1] Мирза Мулла Абдуррахман, сын Мухаммада Латифа Мустаджира. Дневник Искандеркульской экспедиции: [рукопись] // Архив Санкт-Петербургского Института восточных рукописей Российской академии наук, Отдел рукописей и документов. – № D 134 (старый шифр 609h). – 1870. ЛЛ. 330а–369б; Шифр: D 133 (старый шифр 609g); то же: [рукопись]. – 1870. – Шифр: D 134 (старый шифр 609h). ЛЛ. 278б–296б.

[2] Мирза Мулла Абдуррахман, сын Мухаммада Латифа Мустаджира. Дневник Искандеркульской экспедиции: [рукопись] // Архив Санкт-Петербургского Института восточных рукописей Российской академии наук, Отдел рукописей и документов. – № D 134 (старый шифр 609h). – 1870. Л. 278а.

квалифицировать данный материал как локализованную форму историописания, где народный нарратив выполняет функцию механизма сохранения и трансляции коллективного опыта, а также поддержания локальной идентичности. Следует особо отметить, что подобная практика представляет собой самостоятельный и институционально не оформленный способ фиксации значимых социальных и политических реалий в неписьменной форме, существующий параллельно и независимо от официальной историографической традиции.

Как отмечал И. С. Брагинский, важным эпизодом «Дневника Искандеркульской экспедиции» является первое упоминание таджикского народного эпоса «Гуругли»[1]. По его мнению, именно этот текст стал поворотным моментом в становлении интереса к таджикской эпической традиции, что подтверждает вывод о раннем научном внимании к устному наследию горных сообществ. Примечательно, что Брагинский перевёл на русский язык газель о Гуругли, записанную А. Л. Куном со слов Мулло Додобоя из Дардара, – текст, ранее известный только в узбекской версии. Его фиксация на таджикском языке позволяет глубже осмыслить взаимодействие тюркской и иранской фольклорной традиции.

Изучение «Приложений» к «Дневнику Искандеркульской экспедиции» позволяет зафиксировать значимое изменение исследовательской перспективы: источники устного и письменного происхождения, прежде воспринимавшиеся как второстепенные и вспомогательные, всё более осознаются как самостоятельный объект анализа. Сам корпус подразделяется на четыре группы: надписи на скалах, придорожных камнях и стенах зданий; эпитафии и погребальные тексты; фольклорные сказания, анекдоты и свидетельства местных жителей; а также песни, записанные в Матче и Фальгаре.

Структура «Приложений» отражает многослойность культурной памяти и указывает на особую роль письменных и устных традиций в жизни горных

[1] Брагинский И. С. Таджикский народный эпос «Гуругли» // Из истории таджикской народной поэзии: Элементы народно-поэтического творчества в памятниках древней и средневековой письменности. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. – С. 9-10

сообществ XIX века. Их ценность состоит в фиксации пластов повседневности и духовного опыта, обычно ускользающих от внимания официальных документов и классических нарративных источников. Эпиграфические материалы содержат сведения о локальной ономастике, хронологии заселения кишлаков и религиозной культуре. Надгробные надписи демонстрируют специфику эпитафийной традиции, где формулы куфического письма сочетаются с поэтическими оборотами и устойчивыми религиозными выражениями. Устные тексты – сказки, легенды, бытовые рассказы – сохраняют живую речь, насыщенную диалектными особенностями, и отражают социолингвистическую ситуацию региона. Песни, зафиксированные как со слов носителей, так и собственноручно местными поэтами, показывают не только поэтические формы, но и социальные контексты их исполнения.

Рассматривая «Приложения» как самостоятельный источник, исследователь неизбежно обращается к междисциплинарному инструментарию. Одних филологических методов недостаточно: для интерпретации требуется сочетание источниковедения, текстологии, лингвистики и антропологии. В отличие от традиционного подхода, сосредоточенного на основном тексте «Дневника», именно «Приложения» позволяют реконструировать элементы культурного ландшафта, которые не находят отражения в иных типах источников. В этом отношении они образуют своеобразный «второй ряд» исторической памяти, сохраняющий исчезающие формы письменности и устного слова.

Несмотря на то что отдельные аспекты данного корпуса становились предметом специальных исследований, в частности работы А. М. Мухтарова по эпиграфике и И. С. Брагинского по фольклорным пластам, системного изучения он до сих пор не получил. Между тем обращение к «Приложениям» позволяет рассматривать Зеравшанское высокогорье XIX века как пространство пересечения и взаимодействия письменных, устных и ритуальных форм культуры. Здесь зафиксированы тексты, отражающие живую речевую практику масчинцев и фалгарцев, их мировоззренческие установки и обрядовую

традицию, а также сведения об исчезнувших памятниках, ныне известных лишь по копиям, сохранённым в «Дневнике».

Таким образом, «Приложения» к «Дневнику Искандеркульской экспедиции» представляют собой уникальный многослойный корпус, требующий строгой источниковедческой процедуры и открывающий перспективы междисциплинарного анализа. Их введение в научный оборот не только уточняет представления о социокультурной специфике горного общества XIX века, но и восполняет существенные лакуны в реконструкции культурного наследия региона. В этом смысле «Приложения» следует рассматривать не как техническое дополнение, а как самостоятельный и равноценный основному дневнику источник, способный существенно расширить горизонты изучения истории и культуры Верхнего Зеравшана.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведённого исследования, основанного на анализе «Дневника Искандеркульской экспедиции» Абдуррахмана Мустаджира, получены следующие научные результаты:

1. «Дневник Искандеркульской экспедиции» представляет собой завершённое и жанрово оформленное историко-этнографическое произведение, обладающее нарративной целостностью, продуманной внутренней структурой и элементами методологической рефлексии. Эти характеристики позволяют рассматривать текст как полноценный первоисточник, сопоставимый по значимости с официальными описаниями эпохи включения Средней Азии в орбиту Российской империи. Органичное сочетание хроникальных, фольклорных и описательно-этнографических элементов свидетельствует о стремлении автора дать комплексное представление о природной, культурной и социальной среде, в которой он жил и действовал.

2. Источник позволил реконструировать историко-географические и этнографические реалии верховьев Зеравшана во второй половине XIX века. Подробные описания маршрутов экспедиции – перевалов, горных троп, селений и природных объектов – в сопоставлении с современными географическими и археологическими данными уточняют картину региона и позволяют локализовать ряд исторических пунктов, утративших своё место в позднейшей топонимической традиции. Сравнение с данными русскоязычных военных и административных материалов выявило расхождения в картографических описаниях и интерпретации событий, что поднимает вопрос об особенностях имперского восприятия пространства и знания в Средней Азии.

3. В «Дневнике» отражено политическое настроение населения накануне окончательного включения региона в административную систему Российской империи. Свидетельства А. Мустаджира показывают, что жители горных селений, измученные междоусобицами и поборами со стороны местных беков, в 1870 году в целом благожелательно встретили отряд Искандеркульской

экспедиции. Немногие стычки, инициированные отдельными беками, были быстро пресечены, что позволяет заключить о достаточно лояльном отношении большинства местных жителей к переменам.

4. Исследование позволило выявить разные стороны социально-экономической жизни горного края в период больших исторических перемен. «Дневник» показывает модель власти, при которой, наряду с формальным подчинением эмиратскому центру, действовали устойчивые институты родовой автономии и местного самоуправления. Социодемографические сведения, включая данные о числе дворов, родовой и племенной принадлежности, а также о планировке поселений, восполняют пробелы в официальной статистике и уточняют картину расселения в труднодоступных местностях.

5. Этнографическое наполнение источника отличается исключительной широтой. В нём описаны земледелие, торговля, ремёсла, налоговые повинности, уклад сельской общины, деятельность школы (мактабов), почитание мазаров и связанные с ними ритуалы, а также нормы гостеприимства. Эти сведения позволяют реконструировать этнографическую структуру жизни верховьев Зеравшана и понять механизмы устойчивости локальных традиций в условиях внешних изменений.

6. Значительное место в источнике занимают материалы, фиксирующие мировоззренческие установки горных сообществ: представления о социальной справедливости, статусной иерархии, религиозной морали, а также о сакральных объектах, включая женские мазары. Это подтверждает сохранение синкретических форм религиозности, не сводимых к нормам строгой исламской ортодоксии, и позволяет рассматривать «Дневник» как «зеркало» локальных идеологем.

7. Зафиксированные лингвистические наблюдения, в том числе сведения о диалектных особенностях речи ягнобцев, указывают на функционирование обособленной языковой системы, восходящей к древней согдийской традиции. Запись текста на таджикском языке с включением

местных говоров делает его ценным источником для исторической лингвистики и изучения эволюции горных диалектов.

8. «Дневник» обладает междисциплинарной значимостью, предоставляя материал для историков, этнографов, лингвистов, религиоведов, географов и культурных антропологов. Он одинаково важен для изучения трансформаций имперской окраины, локальной исторической памяти и взаимодействия письменной и устной традиции.

9. Подготовка труда в сотрудничестве с А. Л. Куном демонстрирует активное вовлечение местных интеллектуалов в процесс формирования научного знания в контексте расширения научного взаимодействия. Сопоставительный анализ двух рукописей «Дневника» (шифры D 133 и D 134) с изданием 1989 г. выявил ряд разночтений и текстуальных искажений. Эти обстоятельства подтверждают необходимость подготовки научно-комментированного критического издания, основанного на всестороннем учёте всех сохранившихся вариантов текста и дополненного систематизированным корпусом приложений, включающих фольклорные, эпиграфические и этнографические материалы.

10. Сопоставление «Дневника» с другими восточными и европейскими источниками XIX века откроет новые возможности для комплексной реконструкции исторических событий и культурных процессов. Такой подход позволит уточнить характер взаимодействия между различными традициями описания и интерпретации Средней Азии.

11. В работе использовано сочетание историко-критического, текстологического, лингвистического и этнографического методов, интегрированных в единый аналитический комплекс. Такое взаимодействие обеспечило многоаспектную интерпретацию текста: историко-критический метод выявил контекст создания источника; текстологический позволил проанализировать структуру и авторскую композицию; лингвистический – выявить и описать диалектные особенности; этнографический – реконструировать социально-культурную среду. В отличие

от прежних подходов, данная методика исключает одностороннюю колониальную перспективу и учитывает внутренние культурные коды сообщества.

Рекомендации по практическому использованию результатов исследования:

1. Публикация «Дневника Искандеркульской экспедиции» в виде научного издания с привлечением сохранившихся рукописей и печатных версий представляется необходимой для устранения текстологических искажений и разночтений. Оснащение издания подробным историко-этнографическим и лингвистическим комментарием, глоссарием локальных диалектных форм, а также указателями топонимов и антропонимов обеспечит исследователей надежным источником, сопоставимым по полноте и критической проработке с эталонными публикациями центральноазиатских первоисточников XIX века.

2. Систематизация зафиксированных в источнике исчезнувших или трансформированных географических названий, их соотнесение с современными объектами и нанесение на специализированные научные и туристические карты с учетом локальной фонетики позволит восстановить историко-географический облик верховьев Зеравшана XIX века. Это создаст базу для дальнейших исследований в области исторической картографии и топонимики, а также для подготовки аутентичных туристических маршрутов.

3. Описанные в «Дневнике» мазары, вакфные дороги и горные тропы представляют собой ценнейший пласт материальной культуры, тесно связанный с религиозной, социальной и хозяйственной историей региона. Их включение в официальные реестры памятников, проведение паспортизации, этнографического описания и фотофиксации позволит обеспечить сохранность этих объектов и учитывать их при планировании инфраструктурных, культурных и туристических проектов.

4. Этнографическое содержание источника обладает значительным учебно-воспитательным потенциалом. Его целесообразно интегрировать в программы по истории, этнологии и культурной антропологии, а также

использовать для создания музейных экспозиций, мультимедийных выставок и передвижных экспозиций. Это позволит не только визуализировать результаты исследования, но и сформировать у широкой аудитории целостное представление о социокультурной среде верховьев Зеравшана XIX века.

5. Публикация результатов исследования в формате научно-популярных статей, публичных лекций и тематических культурных мероприятий обеспечит их доступность для широкой аудитории. Подготовка адаптированных изданий, а также мультимедийных материалов для библиотек, музеев и образовательных учреждений будет способствовать популяризации историко-культурного наследия региона и стимулированию интереса к его дальнейшему изучению.

Таким образом, «Дневник Искандеркульской экспедиции» Абдуррахмана Мустаджира является историческим источником первостепенной важности, открывающим новые горизонты для изучения прошлого верховьев Зеравшана. Его жанровое своеобразие, богатое этнографическое содержание, лингвистическая ценность и источниковедческая значимость делают этот памятник объектом первоочередного научного внимания. Подготовка критического издания с подробным комментарием и продолжение междисциплинарных исследований позволят существенно углубить представления о социально-культурных процессах в горной Средней Азии и сохранить важное звено её культурного наследия.

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

ИВЛ	Институт востоковедения (Ленинград)
ИВН РАН	Институт восточных рукописей Российской академии наук
ИВР	Институт восточных рукописей
ИИАЭ	Институт истории, археологии и этнографии имени А. Дониша
ИИМК	Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИРИ	Исламская Республика Иран
ИЭ	Институт этнографии
ЛГУ	Ленинградский государственный университет имени А. А. Жданова
ЛО	Ленинградское отделение
МАЭ	Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской академии наук
НАНТ	Национальная академия наук Таджикистана
ОРД	Отдел рукописей и документов
РАН	Российская академия наук
РГО	Русское географическое общество
РНБ	Российская национальная библиотека
РТ	Республика Таджикистан
РТСУ	Российско-Таджикский (Славянский) университет
РФ	Российская Федерация
СССР	Союз Советских Социалистических Республик

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Архивные материалы и рукописи (Архив востоковедов Института востоковедения РАН)

1. А. Л. Кун. Предисловие (сообщение о Искандеркульской экспедиции, мирзе Абдуррахмане, цели и ходе исследования); рукопись. ф. 33, оп. 4, ед. хр.: 218. – 4 л.
2. Архив хивинских ханов. Дафтар из архива хивинских ханов (записи расходов за 1289 г. хиджры) и новые путевые записи Мирзы Абдуррахмана, проводника А. Л. Куна в его поездке по Хивинскому ханству в 1873 г., узбек, яз.; рукопись. ф. 33, оп. 5, ед. хр.: 134. – 148 л.
3. Архив хивинских ханов. О привозе товаров и о взимании зякатов (1289-1290 г. х.), документы (дафтар) из архива хивинских ханов, узбек, яз.; рукопись. ф. 33, оп. 5, ед. хр.: 135. – 43 л.
4. Архив хивинских ханов. Реестры, составленные по материалам салгутных дафтаров архива хивинских ханов (рукою мирзы Абдуррахмана?), узбек, яз.; рукопись. ф. 33, оп. 5, ед. хр.: 139. – 52 л.
5. Дневник мирзы Абдуррахмана, веденный во время Искандеркульской экспедиции, тадж. яз.; рукопись. ф. 33, оп. 4, ед. хр.: 219. – 84 л.
6. Дневник мирзы Абдуррахмана, веденный во время путешествий по Бухаре и окрестностям, тадж. яз.; рукопись. ф. 33, оп. 4, ед. хр.: 217. – 30 л.
7. Дневник мирзы Абдуррахмана, веденный во время хивинского похода, узбек, яз.; рукопись. ф. 33, оп. 4, ед. хр.: 221. – 76 л.
8. Дневник мирзы Абдуррахмана, веденный во время Шахрисябской экспедиции; рукопись. ф. 33, оп. 4, ед. хр.: 220. – 27 л.
9. Записи о Фальгаре, тадж. яз.; рукопись. ф. 33, оп. 4, ед. хр.: 223. – 10 л.

10. Материалы по исследованию «ягноби». Черновые материалы по ягнобскому наречию со сведениями о ягнобском народе, ягнобские тексты, словари и пр.; рукопись. ф. 33, оп. 1, ед. хр.: 68. – 183 л.
11. Мирза Мулла Абдуррахман, сын Мухаммада Латифа Мустаджира (?). Записка о Московской выставке (روزنامۀ ویستفکۀ مسکاب): [рукопись] // Архив Санкт-Петербургского Института восточных рукописей Российской академии наук, Отдел рукописей и документов. – № B 806 (старый шифр 609k). – 1872 (?). – 75 л.
12. Мирза Мулла Абдуррахман, сын Мухаммада Латифа Мустаджира. Дневник Искандеркульской экспедиции: [рукопись] // Архив Санкт-Петербургского Института восточных рукописей Российской академии наук, Отдел рукописей и документов. – № D 133 (старый шифр 609g). – 1870. – 398 л. (394 л. таджикского текста + 4 л. русского текста).
13. Мирза Мулла Абдуррахман, сын Мухаммада Латифа Мустаджира. Дневник Искандеркульской экспедиции: [рукопись] // Архив Санкт-Петербургского Института восточных рукописей Российской академии наук, Отдел рукописей и документов. – № D 134 (старый шифр 609h). – 1870. – 322 л. (317 л. таджикского текста + 4 л. русского текста).
14. Перевод А. Л. Куном и Султановым дневника (мирзы Абдуррахмана?); рукопись. ф. 33, оп. 4, ед. хр.: 228. – 71 л.
15. Путевые заметки мирзы Абдуррахмана в Хивинском ханстве, тадж. яз.; рукопись. ф. 33, оп. 4, ед. хр.: 222. – 17 л.

II. ИСТОЧНИКИ

16. Абаза, К.К. Завоевание Туркестана: рассказы из военной истории, очерки природы, быта и нравов туземцев в общедоступном изложении/ сост. К.К. Абаза. – СПб., 1902. – IV, – 310 с.: ил., к. – содерж. план. текинск. крепости Деонгиль-тепе.

17. Акимбетов, Ш. А. Очерк Когистана / Ш. А. Акимбетов // Туркестанские ведомости. – 1881. – № 2. – С. 7-8; № 3. – С. 10-11.
18. Аминов, П. А. Военно-топографический очерк горной страны верховьев Зеравшана (с картой) / П. А. Аминов. – СПб., 1873. – 105 с.; то же // Материалы для статистики Туркестанского края: Ежегодник. – Вып. 3 / под ред. Н. А. Маева. – СПб.: Туркестанский стат. ком., 1874. – С. 1-105.; Он же: Искендер-Кульская экспедиция 1870 г. // Туркестанские ведомости. – 1873. – № 13 (27 марта). – С. 49-51; № 14 (3 апр.). – С. 54-55.
19. Арандаренко, Г. А. Досуги в Туркестане. 1874-1889 / Г. А. Арандаренко; пер. с дореформ. рус. орфографии С. Л. Борошко, Л. В. Божинской-Арандаренко. – Душанбе: Адиб, 2024. – 580 с.
20. Арандаренко, Г.А. Досуги в Туркестане. 1874-1889 / Г.А. Арандаренко. – Санкт-Петербург: тип. М.М. Стасюлевича, 1889. – 666 с.
21. Арандаренко, Г.А. Статистические сведения по нагорным тюменям Зеравшанского округа за 1877 г. / Г.А. Арандаренко // Материалы для статистика Туркестанского края: Ежегодник. – СПб. – 1879. – Вып. 5. – С. 332-351.
22. Богословский, 2-й (Ф. Богословский). Записка о долине Зеравшана и горах, ее окружающих / Богословский, 2-й (Ф. Богословский). – Горный журнал, 1842, кн. X, ч. 2. – С. 1-22.
23. Венюков, М. Несколько статистических данных по Зеравшанскому округу/ М. Венюков // Известия Императорского Русского Географического общества, издаваемые под редакцией секретаря общества графа К.О. Литке. – Том VII. – С. – Петербург: В типографии В. Безобразова и комп., 1872. – С. 301-302.
24. Вирский, И. Сведения о Зеравшанском округе. [«Материалы для статистики Туркестанского края», вып. 4; стр. 9-122] / И. Вирский // Туркестанский Сборник. – Т. 123. – С. 9-122.
25. Вирский, М.М. Депутат Военно-Народного Управления в Самарканде, прочел о Самаркандском кране и его обитателях Таджиках/М.М. Вирский //

Антропологическая выставка Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 3, ч. 1 / Под ред. А.П. Богданова. – Москва: Комитет выставки, 1879. – С. 223-226.

26. Воронец, Е. Искандеркульская экспедиция в 1870 г. (записки сапёра) / Е. Воронец // Инженерный журнал. – 1871. – № 4. – С 409-451; № 5. – С. 547-586.
27. Г. А-р-о [Георгий Арандаренко]. Возмущение в Матче и действия против неприятеля Самаркандского отряда / Г. А р-о // Туркестанские ведомости. – 1876 (20 янв.). – № 3. – С. 10-11.
28. Г. А-р-о [Георгий Арандаренко]. Зимняя экспедиция генерал-майора Абрамова в верховья Зеравшана / Г. А р-о // Туркестанские ведомости. – 1876. – № 15 (20 апр.). – С. 58-59.
29. Гребенкин, А. Д. Заметка о видах землевладения в Зеравшанском округе / А. Д. Гребенкин // Туркестанские ведомости. – 1873. – № 3. – С. 9-10.
30. Гребенкин, А. Д. Заметки о Зеравшанской долине / А. Д. Гребенкин // Туркестанские ведомости. – 1873. – № 4 (23 янв.). – С. 15-16; № 6 (6 февр.). – С. 23.
31. Гребенкин, А. Д. Заметки о Зеравшанской долине / А. Д. Гребенкин // Туркестанские ведомости. – 1873. – № 7 (13 февр.). – С. 26-27.
32. Гребенкин, А. Д. Заметки о Когистане / А. Д. Гребенкин // Материалы для статистики Туркестанского края: Ежегодник. – Вып. II. – СПб., 1873. – С. 71-73; то же: // Туркестанские ведомости. – 1871. – № 22. – С. 87-89.
33. Гребенкин, А. Д. Заметки о Когистане / А. Д. Гребенкин // Туркестанские ведомости. – 1872. – № 21 (29 мая). – С. 83-85; № 22 (5 июня). – С. 88-89; № 23 (12 июня). – С. 91-92; № 24 (19 июня). – С. 95-96; № 25 (27 июня). – С. 99-100; № 27 (11 июля). – С. 109-110; № 30 (1 авг.). – С. 120-121; № 31 (8 авг.). – С. 124; № 32 (15 авг.). – С. 127-128.
34. Гребенкин, А. Д. Мелкие народности Зеравшанского округа / А. Д. Гребенкин // Русский Туркестан. – Вып. 2. – М., 1872. – С. 118.

35. Гребенкин, А. Д. Минг / А. Д. Гребенкин // Русский Туркестан: сб., изд. по поводу Политехнической выставки. – СПб., 1874. – Вып. 3. – С. 331-336.
36. Гребенкин, А. Д. Несколько слов о разведении хлопчатника в Зеравшанской долине / А. Д. Гребенкин // Туркестанские ведомости. – 1873. – № 10. – С. 38.
37. Гребенкин, А. Д. Ремесленная деятельность таджиков Зеравшанского округа / А. Д. Гребенкин // Материалы для статистики Туркестанского края: Ежегодник. – Т. 1. – СПб., 1873. – С. 118.
38. Гребенкин, А. Д. Таджики / А. Д. Гребенкин // Русский Туркестан: сб., изд. по поводу Политехнической выставки. – Вып. II. – М., 1872. – С. 3-50.
39. Гребенкин, А. Д. Этнографический очерк Зеравшанского округа / А. Д. Гребенкин // Туркестанские ведомости. – 1872. – № 45. – С. 169-171.
40. Дынин, В.В. Очерк быта горцев верховьев Зеравшана / В.В. Дынин. – Ташкент: Типография Я.П. Эдельмана, 1914. – 88 с.; то же: // Известия Туркестанского отдела Императорского русского географического общества. – Ташкент, 1914. – Т.X. – Вып.1. – С. 37-124.
41. Идаров, С. Поземельное право и податная система по магометанскому законодательству/ С. Идаров // Туркестанские ведомости. - 1872. - № 41 (17 окт.). - С. 164-166.
42. Из Намангана // Туркестанские ведомости. – 1876. – № 6. – С. 18 (11 января 1876).
43. Известия из рекогносцировочных отрядов Ура-Тюбинского и Зеравшанского // Туркестанские ведомости. – 1870. – № 5. – С. 31-32; № 7. – С. 41-43. (1-е августа 1870 г.)
44. Искандер-Тюря (Кун А. Л.) Сведения о ягнаубском народе (К материалам для исследования ягнаубского языка) / Искандер-Тюря (А. Л. Кун)// Туркестанские ведомости. – 1881. – № 3. – С. 11-12; № 4. – С. 14-15.
45. Кауфман К. П. Приказ № 258 по войскам Туркестанского военного округа от 31 июля 1870 года // Туркестанские ведомости. – 1870. – № 8 (15 августа). – С. 46.

46. Коротков, Ф. Базары в нагорных тюменах Зеравшанского округа / Ф. Коротков // Туркестанские ведомости. – 1877. – № 30. – С. 138-140; № 31. – С. 142; № 40. – С. 178-179; № 32. – С. 142-143.
47. Кун, А. Л. Вакуфы / А. Л. Кун // Туркестанские ведомости. – 1872. – № 21. – С. 85.
48. Кун, А.Л. Коран Осман/ А.Л. Кун // Материалы для статистики Туркестанского края: Ежегодник. Вып. 3. / Под ред. Н.А. Маева. Санкт-Петербург: Туркестанский стат. ком., 1874. – С. 401-404.
49. Кун, А.Л. Очерк Коканского ханства/ А.Л. Кун // Известия Имп. Русского Географического общества. – 1876. – Т. XII, вып. 1. – С. 63-74.
50. Лилиенталь ?. ?. Кухистан о северной частые Гиссарского бекства 1887 г. / ?. ?. Лилиенталь // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 36. – С. – Петербург: Военная типография, в здании Главного Штаба, 1888. – С. 9-83.
51. Липский, В. И. Горная Бухара: результаты трехлетних путешествий в Среднюю Азию в 1896, 1897 и 1899 году. Ч. I: Гиссарская экспедиция, 1896 г. / В. И. Липский; под ред. И. В. Мушкетова. – Санкт-Петербург: Типо-литография «Герольд», 1902. – 219 с.
52. Липский, В. И. Горная Бухара: результаты трехлетних путешествий в Среднюю Азию в 1896, 1897 и 1899 году. Ч. II: Гиссар, хребет Петра Великого, Алай, 1897 г. / В. И. Липский; под ред. С. Н. Чернышева. – Санкт-Петербург: Типо-литография «Герольд», 1902. – 541 с.
53. Логофет, Д. Кагистан (путевые очерки по Средней Азии) / Д. Логофет // Военный Сборник. – 1912. – № 1. – С. 145-162.
54. Лыко, М. Очерк военных действий 1868 года в Зеравшанской долине / М. Лыко // Военный сборник. – 1871. – № 5-8. – С. 1-221.
55. Маев, Н. А. Наше положение в Средней Азии / Н.А. Маев// Материалы для статистики Туркестанского края / Под ред. Н.А. Маева. – Вып. III. – Санкт-Петербург, 1874. – С. 435-448.

56. Маев, Н. А. Новый шаг в Средней Азии / Н.А. Маев// Материалы для статистики Туркестанского края / Под ред. Н.А. Маева. – Вып. III. – Санкт-Петербург, 1874. – С. 431-434.
57. Макшеев, А.И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских/ А.И. Макшеев. – СПб: Военная типография (в здании Главного Штаба), 1890. – 370 с.
58. Маслов, А. Россия в Средней Азии. (Очерк наших новейших приобретений) / А. Маслов // Исторический вестник. – 1885 – № 5. – С. 373-423.
59. Мустаджир, А. Дневник Искандеркульской экспедиции / А. Мустаджир; подготовка к печати, предисловие и комментарии А. Афсахзод, М. Муллоахмадов. – Душанбе: Ирфон, 1989. – 175 с.
60. Мушкетов, И. В. Туркестан: геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 г. по 1880 г.: в 2 т. / И. В. Мушкетов. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1886. – Т. 1. – 718 с.; Т. 2: 1906. – 348 с.
61. Мушкетов, И.В. Геологическая экспедиция на Зеравшанский ледник в 1880 году / И.В. Мушкетов // Известия Императорского Русского Географического Общества. – 1881. – Т. 17, вып. 2. – С. 79-103.
62. Мышенков, Д. К. Геологические заметки из дневника по экспедиции в верховья Зеравшана / Д. К. Мышенков // Материалы для статистики Туркестанского края: Ежегодник / под ред. Н. А. Маева. – Вып. II. – СПб.: Издание Туркестанского статистического комитета, 1873. – С. 133-139.
63. Мышенков, Д.К. Геологические наблюдения во время Зеравшанской экспедиции /Д.К. Мышеков // Записки русского географического общества по общей географии. Т. IV. – СПб, 1871. – С. 269-290.
64. Пален, К. К. Городское управление // Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором, гофмейстером графом К. К. Паленом. – СПб., 1910. – 483 с.
65. Пален, К. К. Поземельно-податное дело. Т. 17 [с прил.] // Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению

сенатором, гофмейстером графом К. К. Паленом. – СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1910. – 390 с.

66. Пален, К.К. Поездка в Фальгарскую и Матчинскую волости / К.К. Пален // Туркестанские ведомости. – 1878. – № 43 (31 октября). – С. 170-171.
67. Радлов, В.В. Средняя Зеравшанская долина / В.В. Радлов // Записки Императорского Русского Географического Общества по отделу этнографии. – Т. IV. – Санкт-Петербург, 1880. – С. 1-92.
68. Ростиславов, М.Н. Очерк видов земельной собственности и поземельный вопрос в Туркестанском крае / М.Н. Ростиславов. – Санкт-Петербург, 1879. – С. 3-33.
69. Соболев, Л. Н. Среднеазиатская политика России / Л. Н. Соболев // Голос. – 1875. – № 195. – С. 1-3 (16 (28) июля); № 222. – С. 1-2 (13 (25) августа); № 236. – С. 1-2 (27 августа (8 сентября)); № 243. – С. 1-2 (3 (15) сентября); № 248. – С. 1-2 (8 (20) сентября).
70. Соболев, Л.Н. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе: с приложением списка населенных мест округа / Л.Н. Соболева. – Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1874. – 561 с.; – Из IV т. Записок Отделения статистики Императорского русского географического общества.
71. Терентьев, М. А. История завоевания Средней Азии: с картами и планами: в 3 т. / М. А. Терентьев. – СПб.: Типолитография В. В. Комарова, 1906. – Т. 1: 510 с.; Т. 2: 547 с.; Т. 3: 526 с.
72. Федченко, А. П. Заметка о верхнем Зеравшане / А. П. Федченко // Материалы для статистики Туркестанского края / под ред. Н. А. Маева. – СПб.: Тип. К. В. Трубникова, 1873. – Вып. 2. – С. 49-52.
73. Федченко, А. П. Заметки о флоре и фауне Зеравшанской долины / А. П. Федченко // Материалы для статистики Туркестанского края. – СПб.: Тип. К. В. Трубникова, 1873. – Вып. 2. – С. 434-438.

74. Федченко, А. П. Краткий отчет о путешествии в бассейн верхнего Зеравшана (июнь 1870 г.) / А. П. Федченко // Путешествие в Туркестан (1868-1871). – М.: Географгиз, 1950. – С. 149-162.
75. Федченко, А. П. Магианские, Фарабские и Кштутские владения / А. П. Федченко // Материалы для статистики Туркестанского края / под ред. Н. А. Маева. – СПб.: Тип. К. В. Трубникова, 1873. – Вып. 2. – С. 46-68.
76. Федченко, А. П. Топографический очерк Зеравшанской долины. Краткий отчет о путешествии в бассейн верхнего Зеравшана / А. П. Федченко // Путешествие в Туркестан. – М.: Географгиз, 1950. – С. 151-188.
77. Федченко, А. Краткие исторические заметки о бывших бекствах: Ургутском, Магианском, Фрабском и Кштутском/ А. Федченко // Материалы для статистика Туркестанского края: Ежегодник. – СПб: 1873. Вып. 2. – С. 68-70.
78. Федченко, А.П. Заметки о Магианском бекстве/ А.П. Федченко. Материалы для статистика Туркестанского края: Ежегодник. Вып. 2. – СПб., 1873. – С. 53-67.
79. Федченко, А. П. Путешествие в Туркестан (1868–1871) / А. П. Федченко; под ред., со вступ. статьей и коммент. Б. В. Юсова. – М.: Географгиз, 1950. – 468 с.
80. Хорошихин, А.П. Сборник статей, касающихся Туркестанского края / А.П. Хорошихин. – Санкт-Петербург: Типография и ксилография А.Т. Стешневых, 1876. – 531 с.
81. Хорошкин, А. Заметки по дорогам Средней Азии/ А. Хорошкин// Военный сборник. –1870. – № 1. – С. 42-83.
82. Шахназаров, А.И. Очерк сельского хозяйства Туркестанского края: (С рисунками) /А.И. Шахназарова; Министерство земледелия и государственных имуществ. – Санкт-Петербург: Тип. Спб. градоначальства, 1898. – 152 с.
83. Шишов А. П. Таджики. Этнографическое и антропологическое исследование. Ч. 1: Этнография. – Ташкент: Тип. Туркест. т-ва печ. дела,

1910. – 325 с. То же. Таджики: этнографическое исследование. – Алматы, 2006. – 392 с. То же. Таджики. Этнографическое и антропологическое исследование. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 340 с. – (Антология мысли). – ISBN 978-5-534-15549-5.

84. Юль, Г. Очерк географии и истории верховьев Аму-Дарьи / Генри Юль; Пер. с англ. [и предисл.] О.А. Федченко; с доп. и примеч. А.П. Федченко, Н.В. Ханыкова и Г. Юля. – Санкт-Петербург: тип. В. Безобразова и К°, 1873. – 82 с.

III.МОНОГРАФИИ, КНИГИ И НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

85. Абдулхаев, Р.А. Упрочение советской власти в районах верховьев Зеравшана/ Р.А. Абдулхаев. – Душанбе: Дониш, 1972. – 154 с.
86. Андреев, М.С. Материалы по этнографии Ягноба (Записи 1927-1928) / М.С. Андреев. – Душанбе: Дониш, 1970. – 202 с.
87. Андреев, М.С. Прозвища жителей различных селений в Матче (Верховья р. Зеравшана) / М.С. Андреев // Доклады АН СССР. Серия «В». – 1924. – С. 173-176.
88. Андрианов, Б.В. Архив А. Л. Куна/Б.В. Андрианов // Советская этнография. – 1951. – № 4. – С. 149-155.
89. Афсаҳзод, А. Манбаи пурбаҳо оид ба водии Зарафшон/ А. Афсаҳзод // Маориф ва маданият/. – 1976. – № 19.
90. Бартольд, В.В. Ближайшие задачи изучения Туркестана/ Бартольд В.В. // Соч. – Т. 9. – М.: Наука, 1977. – С. 546-555.
91. Борошко С.Л., Божинская-Арандаренко Л.В. Русский Туркестан в портретах выдающихся военных востоковедов. Генерал-майор Георгий Алексеевич Арандаренко / С.Л. Борошко, Л.В. Божинская (Арандаренко); отв. ред. В.В. Беляков; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2024. – 680 с.

92. Брагинский И. С. Из истории таджикской народной поэзии/ И. С. Брагинский. – Москва: Издание Академии наук СССР, 1956. – 496 с.
93. Брежнева, С. Н. Немец-ориенталист на службе Российской империи (деятельность А. Л. Куна в Туркестанском крае) / С. Н. Брежнева // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 14–16 марта 2019 г.) / отв. ред. В. А. Веременко. – Т. 2. – Санкт-Петербург: Ленингр. гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2019. – С. 256–264.
94. Военная энциклопедия, Т. X. / сост. К.И. Величко и др. – Петербург: издательство И.Д. Сытина, 1912. – 642 с.
95. Воронина, В.Л. Заметки по народному зодчеству таджиков бассейна Зеравшана/ В.Л. Воронина // Советская этнография. – 1953. – № 3. – С. 176-188.
96. Гафуров, Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история (на тадж. яз.) / Б.Г. Гафуров. – Душанбе: Ирфон, 1998. – 704 с.
97. Гинзбург, В.В. Ягнобцы в антропологическом отношении / В.В. Гинзбург // Советская этнография. – 1940. – № 3. – С. 90-92.
98. Давыдов, А. С. К вопросу о сложении населения верхнего Зеравшана/ А.С. Давыдов // Изв. Отд. общ. наук АН Тадж. ССР. –1969. – № 4. – С. 47-57.
99. Давыдов, А. С. Жилище // Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана / ред. А.К. Писарчик, Н.Н. Ершов. – Душанбе: Дониш, 1973. – С. 7-137.
100. Давыдов, А. С. Традиционное жилище таджиков верхнего Зеравшана/ А.С. Давыдов // Советская этнография. – 1969. – № 6. – С. 92-101.
101. Дальский, А. Н. Наскальные изображения в бассейне реки Зеравшан/ А. Н. Дальский // Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, Тадж. филиала АН СССР и Гос. Эрмитажа. – № 15. Т. I. 1946-1947 гг. М. – Л.: 1950. – С. 232-240.

102. Джамалова, М.К. Присоединение Северного Таджикистана к России/ М.К. Джамалова. – Душанбе: РТСУ, 2014. – 276 с.
103. Икрамов, Н. Искандеркульская военная экспедиция и начало изучения верхнего Зеравшана/ Н. Икрамов // Ученые записки ХГУ им. академика Б.Г. Гафурова. Гуманитарные науки. – 2010. – № 2. – С. 112-122.
104. Икрамов, Н. Русские экспедиции по изучению гидроресурсов Кухистана (конец XIX – начало XX вв.) / Н. Икрамов // Ученые записки ХГУ им. академика Б.Г. Гафурова. Гуманитарные науки. – Вып. 4 (41). – 2014. – С. 154-160.
105. История таджикского народа [Позднее средневековье и новое время (XVI в. – 1917 г.)]. В 6 т., Т. VI. / под редакцией доктора исторических наук, профессора Х. Пирумшоева. – Душанбе, «Дониш», 2009. – 1124 с.
106. Камол, Х. История мазаров Северного Таджикистана/ Х. Камол – Душанбе: Деваштич, 2005. – 208 с.
107. Камолов, Х. История мазаров Северного Таджикистана / Х. Камолов; отв. ред. проф. Р. Мукимов. – Душанбе: Деваштич, 2005. – 208 с.
108. Камолов, Х. Ш. Значение экспедиции 1870 г. генерала А. К. Абрамова в изучение материальной и духовной культуры верховья Зеравшана и долины Фондарьи / Х. Ш. Камолов // Вклад российской науки в изучение уникального историко-культурного и природного богатства Таджикистана: сб. материалов междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию российского востоковедения (Худжанд, Респ. Таджикистан, 23 нояб. 2018 г.). – Худжанд: Изд.-полигр. комплекс «Университет», 2019. – С. 168–179.
109. Кисляков, Н.А. Очерки по истории Каратыгина к истории Таджикистана. – 2-е исправление и доп./ Н.А. Кисляков, под ред. проф. А.А. Семенов. – Сталинабад: Таджикгосидат, 1954. – 221 с.
110. Кисляков, Н.А. Семья и брак у Таджиков: по материалам конца XIX – начала XX века / Н.А. Кисляков. – М–Л: Изд-во Академии наук СССР, 1959. – 286 с.

111. Кисляков, Н.А. Старинные приемы земледельческой техники и обряды, связанные с земледелием, у таджиков бассейна реки Хингоу/ Н.А. Кисляков // Советская этнография. –1947. – № 1. – С. 108-125.
112. Кондауров, А.Н. Некоторые материалы по этнографии ягнобцев / А.Н. Кондауров // Советская этнография. – 1935. – № 6. – С. 80-108.
113. Кондауров, А.Н. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев / А.Н. Кондауров. Акад. наук СССР. – Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1940 (Ленинград). – 80 с.: ил. и план.; 26 см. – (Труды Института этнографии. Серия этнографическая; т. III, вып. 1).
114. Лунин, Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане: туркестанский кружок любителей археологии (1895-1917) / Б.В. Лунин. – Ташкент: издательство академии наук узбекской ССР, 1958. – 319 с.
115. Лунин, Б.В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность конец XIX – начало XX / Б.В. Лунин. – Ташкент: издательство академии наук узбекской ССР, 1962. – 341 с.
116. Лунин, Б.В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении/ Б.В. Лунин. – Ташкент: «Фан». 1965. – 408 с.
117. Маллицкий, Н.Г. Ягнобцы / Н.Г. Маллицкий // Известия Туркестанского отдела Русского географического общества. – Т. XVII. – Ташкент, 1924. – С. 165-178.
118. Мандельштам, А.М. Могильник в с. Зосун (верховья р. Зеравшан) // А.М. Мандельштам // Изв. АН. Тадж. отд. ССР. Отд. обществ. наук. – Душанбе, 1965 г. – № 2(40). – С. 29-44.
119. Мардонова, А. Обычаи и обряды детского цикла у таджиков верховьев Зеравшана в прошлом и настоящем/ А. Мардонова // Советская этнография. – М., 1984. – № 3. – С. 120-128.
120. Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана/ под. ред. Писарчик, А.К., Ершов Н.Н. – Душанбе: Дониш, 1973. – 295 с.

121. Миклухо-Маклай, Н. Д. Некоторые персидские и таджикские исторические, биографические и географические рукописи Института востоковедения Академии наук СССР / Н. Д. Миклухо-Маклай // Академия наук СССР. Ученые записки Института востоковедения. – 1958. – Т. XVI. – С. 235-279.
122. Миклухо-Маклай, Н. Д. Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения: в 1 вып. / Н. Д. Миклухо-Маклай; отв. ред.: В. И. Беляев, Д. И. Тихонов. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. – 116 с.
123. Муллоахмад, М. Зерцало человечности: научные изыскания по иранистике / М. Муллоахмад; Акад. наук Респ. Таджикистан, Представительство Россотрудничества в Таджикистане, Общество дружбы и культурных связей с зарубежными странами. – Душанбе: Дониш, 2016. – 303 с.
124. Муллоахмедов, М. Устойчивые грани гуманизма: научные изыскания по истории иранской культуры / М. Муллоахмедов; Ин-т востоковедения РАН, АН Респ. Таджикистан, Культ. предст-во Посольства ИРИ в Москве. – М.: ИВ РАН, 2014. – 242 с.
125. Муродов, О. М. Древние образы мифологии у таджиков долины Зеравшана: (Этнографическое исследование к истории религии и атеизма) Ответственные редакторы: О.А. Сухарев, Н.Н. Ершов/ О.М. Муродов. – Душанбе: Дониш, 1979. – 116 с.
126. Мухтаров А. Надпись султана Захируддина Бабура (1483-1530) на камне в Матче/ А.М. Мухторов // Изв. АН Тадж ССР. Отд-ние обществ, наук. 1954. – № 5. – С. 109-115.
127. Мухтаров А. Эпиграфические памятники Кухистана (XI XIX вв.). Кн. 2. / А.М. Мухтаров. – Душанбе: Дониш, 1979. – 123 с.
128. Мухтаров А. Эпиграфические памятники Кухистана (XI XIX вв.). Кн.1. / А.М. Мухтаров. – Душанбе: Дониш, 1978. – 306 с.
129. Мухтаров, А.М. Надписи на скалах и камнях в Верховьях Зеравшана / А.М. Мухтаров // Труды Академии наук Таджикской ССР (Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии). – Т. CXX. – Сталинабад, 1960. – С. 147-167.

130. Мухтаров, А.М. Надписи с именем Бабура в верховья Зеравшана / А.М. Мухтаров // XXV Междунар. конгр. востоковедов. Докл.делегации СССР. – М.: Изд-во вост. лит., 1960. – 10 с.
131. Мухторов А. Мири Масчоҳ/ А. Мухторов// Илм ва ҳаёт. – 1992. – № 3-4. – С. 8-9.
132. Мухторов, А. Мазары разоблачают религию (на тадж. яз.) / А. Мухторов. – Душанбе: нашр. дав. Тоҷикистон, 1964. – 50 с.
133. Мухторов, А.М. Санг ҳам диле дорад/ А.М. Мухторов. – Душанбе: Пайванд, 1999. – С. 10-12.
134. Назаров, Х. Аҳмияти таърихии экспедитсияи Искандаркӯл /Х. Назаров // Тоҷикистони Советӣ. – 1958. – № 217 (8799). – С. 2-3.
135. Назирҷон, Т.Х. Истаравшан (Шарҳи мухтасари таърих ва маданияти халқ) / Т.Х. Назирҷон. – Душанбе: Ирфон, 1992. – 208 с.
136. Пирумшоев, Х. Российские-среднеазиатские отношения XVI – Середины XIX веков в русской историографии/ Х. Пирумшоев. – Душанбе: Маориф, 2000. – 338 с.
137. Раджабов, З. Ш. Из истории обществен-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX и начала XX вв./ З.Ш. Раджабов. – Сталинабад: ТАДЖИКГОСИЗДАТ, 1957. – 459 с.
138. Раджабов, З. Ш. Развитие общественной мысли таджикского народа во второй половине XIX в. и в начале XX в.: краткий очерк/ З.Ш. Раджабов. – Сталинабад: Мин-во просвещения ТаджССР, 1951. – 42 с.
139. Раджабов, З.Ш. Россия и таджикская литература конца XIX-начала XX вв. / З.Ш. Раджабов. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1959. – 55 с.
140. Раджабов, С. Присоединение Средней Азии к России и его прогрессивное значение (на тадж. яз.) / С. Раджабов – Душанбе: наш. дав. Тоҷ. 1959. – 77 с.
141. Рассудова, Р.Я. Материалы по одежде таджиков верховьев Зеравшана (по коллекциям и записям А.Л. Троицкой и Г.Г. Гульбина, 1926-1927 гг.) / Р.Я. Рассудова // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии/ Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР; отв. ред

Л.П. Потапов, отв. ред. сб. Н.А. Кисляков. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1970. – С. 16-51.

142. Рахимов, М. Зеравшанская этнографическая экспедиция 1958-1961 гг./ М. Рахимов // Изве. отд. общест. наук АН Таджикский ССР. – 1963 г. – № 32. – С. 51-66.
143. Саидкулов, Т.С. Самарканд во второй половине XIX-начале XX веков из социально-экономической и политической истории средней части Зеравшанской долины: учебное пособие для студентов/ Т.С. Саидкулов. – Самарканд, 1970. – 253.
144. Смирнова, О. И. Карта верховьев Зеравшана первой четверти VIII века / О. И. Смирнова // Страны и народы Востока. – 1961. – Вып. 2. – С. 90-108.
145. Смирнова, О.И. Вопросы исторической топографии и топонимики верхнего Зеравшана/ О.И. Смирнова // Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, Тадж. филиала АН СССР и Гос. Эрмитажа. – № 15. Т. I. 1946-1947 гг. М. – Л.: 1950. – С. 56-66.
146. Собиров, Н.И. Изучение памятников истории и культуры верховьев Зеравшана второй половины XIX – первой половины XX вв/ Н.И. Собиров. – Душанбе: Ирфон 2014. – 200 с.
147. Соловьев, М.М. Ученая экспедиция в Бухару в 1841-1842 гг. при участии натуралиста Александра Лемана / М.М. Соловьев. – Москва-Лен. Издание: АН СССР 1936 г. –216 с. + 1 л. карт.
148. Султонов, У.А. Русский востоковед А.Л. Кун и его коллекция исторических документов мазара Ахмада Йасави. /У.А. Султонов // Восточный архив. – 2014. – № 1(29). – С. 1-15.
149. Троицкая, А.Л. Рождение и первые годы жизни ребенка у таджиков долины Зеравшана / А.Л. Троицкая // Советская этнография. – 1935. – № 6. – С. 109-135.
150. Троицкая, А. Л. Некоторые старинные обычаи, обряды и поверья таджиков долины Верхнего Зеравшана / А. Л. Троицкая // Занятия и быт народов

Средней Азии: Среднеазиатский этнографический сборник. – Т. 3. – Ленинград: Наука, 1971. – С. 224-255.

151. Убайдуллоев, Н. К. Народное образование в верховьях Зеравшана во второй половине XIX – начале XX вв. / Н. К. Убайдуллоев // Сборник научных трудов Налогово-правового института. – Вып. 1. – Душанбе, 1999. – С. 41-48.
152. Халфин, Н.А. Политика России в Средней Азии (1857-1868) / Н.А. Халфин – М.: Издательство восточной литературы, 1960. – 272 с.
153. Халфин, Н.А. Присоединение Средней Азии к России/ Н.А. Халфин. – М.: «Наука», 1965. – 468.
154. Хамиджанова, М. А. Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошенные земли / М. А. Хамиджанова; отв. ред. Н. Н. Ершов, А. К. Писарчик. – Душанбе: Дониш, 1974. – 181 с.
155. Хамиджанова, М.А. Пища // Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана / ред. А.К. Писарчик, Н.Н. Ершов. – Душанбе: Дониш, 1973. – С. 138-181.
156. Хамиджанова, М. А. Туи хатна – обрезание у таджиков Верхнего Зеравшана / М. А. Хамиджанова // История и этнография народов Средней Азии. – Душанбе, 1981. – С. 90-105.
157. Хамраев, М. Очерки истории Гиссарского бекства конца XIX и начала XX вв./ М. Хамраев. – Сталинабад: Академия наук Таджикской ССР, 1959. – 90 с.
158. Хромов, А.Л. О Дневнике Искандеркульской экспедиции в 1870 г./ А.Л. Хромов // Изв. АН Тадж. ССР. Отд. обществ. наук. – 1972. – № 2. – С. 72-77.
159. Хромов, А.Л. Говоры таджиков Матчинского района: Труды Т. 107 / А.Л. Хромов. – Душанбе: Акад. наук Таджик. ССР, 1962. – 214 с.
160. Худоназаров, Д. Экспедиция Графа Бобринского на Зеравшан и загадки Макшеватской пещеры/ Д. Худоназаров // Центральная Азия: традиция в условиях перемен. Вып. 3: [сборник]/ Рос. акад. наук, Музей антропологии

и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера); [отв. ред. Р.Р. Рахимов, М.Е. Резван]. – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2012. – СС 351-391.

161. Чабров, Н.Г. Русская прогрессивная интеллигенция дореволюционного Туркестана и влияние передовой русской культуры на коренное население Средней Азии // Прогрессивные последствия присоединения Средней Азии к России: [Сборник статей] / Ред. коллегия: д-р ист. наук П.А. Ковалев и др. – Ташкент, 1970. – С. 5-43.
162. Широкова, А.А. Одежда // Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана / ред. А.К. Писарчик, Н.Н. Ершов. – Душанбе: Дониш, 1973. – С. 182-272.
163. Широкова, З. А. Традиционная и современная одежда женщин горного Таджикистана // З.А. Широкова. – Душанбе: Дониш, 1976. – 204 с.
164. Шукурзода, М. Диёре дар ҳошияи «Қубат-ул-ислом» / М. Шукурзода // Ҷонпайванд. Мақолаҳои илмӣ ва публисистӣ. – Душанбе: Адиб, 2006. – С. 160-172.
165. Шукурзода, М. Зарафшон дар сарчашмаҳои адаби форсӣ/ М. Шукурзода // Ҷонпайванд. Мақолаҳои илмӣ ва публисистӣ. – Душанбе: Адиб, 2006. – С. 151-159.
166. Эшонкулов, У. История земледельческой культуры горного Согда (с древнейших времен до начала XX в.) / У. Эшонкулов. – Душанбе: Деваштич, 2007. – 849 с.
167. Якубов, Ю.Я. Ёдгориҳои болооби Зарафшон /Ю. Я Якубов. – Душанбе: Ирфон, 1977. – 83 с.
168. Якубов, Ю.Я. Паргар в VII–VIII вв. н. э./ Ю.Я. Якубов. – Душанбе: Дониш 1979 – 218 с.
169. Ястребова, О. М. Документы 19 века из верховьев реки Зеравшан в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки /О. М. Ястребова // Восточный сборник: Вып. 6 / Сост. и науч. ред.: О.В. Васильева. – СПб.: РНБ, 2003. – 348 с. – С. 77-123.

IV. ДИССЕРТАЦИИ И АВТОРЕФЕРАТЫ

170. Давыдов, А. С. Селение и жилище таджиков Верхнего Зеравшана: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. 07.00.00/ Давыдов, Амнун Соломонович. – Душанбе, 1970. – 27 с.
171. Ибрагимов, В.И. Социально-экономическое и политическое положение в верховьях Зеравшана во второй половине XIX – начале XX веков: диссертация… кандидата исторических наук: 07.00.02/ Ибрагимов, Вахид Исмаилович. – Душанбе, 1973. – 198 с. + Приложение (26 л.: ил.).
172. Икромов, Н.А. Роль русских востоковедов в изучении истории, археологии и этнографии северного Таджикистана (вторая половина XIX – начало XX вв.): дисс… канд. истор. наук: 07.00.02/ Икромов Назирхон Ашурбоевич. – Душанбе, 2015. –180 с.
173. Назаров, Х.Н. Очерк истории Кухистана во второй половине XIX и в начале XX веков: дисс… канд. истор. наук: 07.00.00/ Назаров, Хакназар Назарович. – Сталинабад, 1957. – 246 с.
174. Хромов, А.Л. Историко-лингвистическое исследование Ягноба и Верхнего Зеравшана: в 2-х томах: дисс… док. филол. наук: 10.00.00/ Хромов, Альберт Леонидович. – Душанбе, 1969. – 786 с.

V. ЛИТЕРАТУРА НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

175. Bonvalot, Gabriel. Du Kohistan à la Caspienne: en Asie centrale / Gabriel Bonvalot. – Paris : E. Plon, Nourrit et Cie, 1885. – 1 vol. – 308 p.
176. Howorth, H. History of the Mongols from the 9th to the 19th century. Part II. The so-called Tartars of Russia and Central Asia. Division II. / Henry Howorth, F.S.A. – London: Longmans, Green, and Co., 1880. – P. 850-852.
177. Lehmann, A. Alexander Lehmann’s Reise nach Buchara und Samarkand in den Jahren 1841 und 1842: Nach den hinterlassenen Schriften desselben bearbeitet,

und mit Anmerkungen versehen / Alexander Lehmann, Gregor von Helmersen. – St. Petersburg: Kaiserl. Akademie der Wissenschaften, 1852. – 342 S.

178. Salemann C. Das Asiatische Museum im Jahre 1890. Nebst Nachträgen. – Lu le 1/13 mai 1891// Mélanges asiatiques tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg, 1890-1892. – PP. 271-292.
179. Schuyler, E. Schuyler, Eugene. Turkistan: Vol. 1: notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara, and Kuldja: in 2 volumes: with 3 maps and numerous illustrations / Eugene Schuyler. – London: Sampson Low, Marston, Searle, & Rivington, 1876. – 411 p.
180. Stumm, H. Russia in Central Asia: Historical sketch of Russia's progress in the East up to 1873, and of the incidents which led to the campaign against Khiva; with a description of the military districts of the Caucasus, Orenburg, and Turkestan / by Hugo Stumm; translated into English by J.W. Ozanne and Captain H. Sachs. – London: Harrison and Sons, 1885. – 359 p.
181. Ujfalvy de Mezo-Kovesd, Ch. E. de. Expédition scientifique française en Russie, en Sibérie et dans le Turkestan. Vol. 1. Le Kohistan, le Ferghanah & Kouldja avec un appendice sur la Kachgharie. – Paris, 1878. – 186 p.
182. Yastrebova O., Azad A. Reflections on an Orientalist: Alexander Kuhn (1840-88), the Man and His Legacy // Iranian Studies. – 2015. – Т. 48. – № 5. – С. 675-694.

VI. ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

183. [Электронный ресурс]: офиц. сайт. https: // ru.wikisource.org/ w/ index.php? title=ЭСБЕ/ Зеравшанские_горные_экспедиции&oldid=904915 (дата обращения: 24.02.2025).
184. [Электронный ресурс]: офиц. сайт. URL: https: // ru.wikipedia.org/ wiki/ Искандер–кульская_экспедиция. (дата обращения: 24.02.2025).